

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

Ш. К. АРСТАА

АБХАЗСКИЙ СИНТАКСИС

Сухум
2019 г.

Ответственный редактор: доктор филологических наук,
профессор, академик АНА
Л. П. Чкадуа

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент АНА
Л. Р. Хагба

Кандидат филологических наук, доцент
Б. А. Хагуш

Арстаа, Ш. К.

Абхазский синтаксис. Арстаа Ш. К. – Сухум: Академия наук Абхазии. Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, 2019. – 296 с. Г/р 978-5-111-61-11019

В работе подробно исследуются структура простого, осложненного и сложного предложений.

Книга рассчитана на научных работников, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, студентов и всех, кто интересуется абхазским языком.

АБХАЗСКИЙ СИНТАКСИС

Все языковые средства, используемые для формирования мысли и передачи информации, собраны в синтаксисе. К ним относятся лексические, морфологические, синтаксические единицы и интонация.

Основным объектом синтаксиса является предложение, однако кроме синтаксической структуры предложение (суждение имеет и логическую, психологическую, актуальную и другие структуры. Они все взаимосвязаны, однако каждый из них имеет свою структуру, свои функции и свои границы. В современной теоретической литературе, если не до конца, то в основном установлены их структуры, функции и границы. Иначе говоря, кто занимается логикой, знает границы логики, занимается психологией – границы психологии, кто же занимается синтаксисом – границы синтаксиса. Было время, когда границы этих наук не совсем четко обозначались, однако современная теоретическая литература уже вышло из этой путаницы.

Мы в этой работе стараемся говорить о синтаксисе, исходя из синтаксических понятий.

Вопрос о том, что делает предложение предложением, ставили классики лингвистической теоретической литературы А.А. Потебня, Ф.Ф. Фартунатов, А.А. Шахматов, А.А. Пешковский, В.В. Виноградов и другие. Дальнейшее решение этот вопрос получил с зарождением теории структурализма.

ВВЕДЕНИЕ

Всякий, кто занимается изучением структуры предложения того или иного конкретного языка, непременно сталкивается с неопределенностью значения самого термина «предложение». Неопределенность вызвана тем, что «среди лингвистов до сих пор нет полной договоренности о содержании самого термина «предложение» и остается неясным, например, не только объем подлежащих здесь рассмотрению фактов, но и то, как, под каким углом зрения эти факты должны рассматриваться и освещаться»¹.

«В сложившейся ситуации есть два кажущихся выхода: 1) Раскрыть сначала структурно-семантические и коммуникативные особенности предложения, а затем, исходя из этих особенностей, дать определение предложения. 2) Начать исследование с установления объема и границ объекта исследования – предложения. Однако оба выхода составляют задачу с двумя неизвестными. Дело в том, что, с одной стороны, без ясного представления объема и границ объекта исследования невозможно вести никакого исследования, с другой стороны, установление объема и границ объекта исследования необходимо предполагает наличие предварительной всесторонней квалификации самого объекта, исследования.»

Нам представляется, что совершенно прав А. И. Мухин, который, имея в виду настоящую ситуацию, пишет: «В этих условиях исследователь, дерзающий внести свою лепту в разработку теории предложения, на материале того или иного языка, может поступить следующим образом: он может сначала сосредоточить свое внимание на тех объектах (отрезках речи), относительно принадлежности которых к числу предложений среди лингвистов достигнуто наибольшее согласие, и затем уже, используя накопленный опыт в изучении структуры «подлинных» предложений, попытаться рассмотреть и иные объекты, принадлежность которых к предложениям вызывает сомнение у части лингвистов...»².

¹ См.: И.П. Роспопов. Строение простого предложения в современном русском языке. Изд. «Просвещение». Москва, 1970, стр. 4.

² См.: А.М. Мухин. Структура предложений и их модели. Изд. «Наука» (ленинградское отделение). Ленинград, 1968, стр. 24.

Следующая проблема связана с определением метода исследования. Метод исследования во многом определяется целью исследования.

В условиях абсолютной неизученности проблемы простого (а значит и сложного) предложения абхазского языка мы можем поставить перед собой единственную цель, заключающуюся в следующем:

а) установить механизм и строение структурной основы простого предложения;

б) установить иерархию компонентов структурной основы, исходя из роли, которую они играют в ее (структурной основы) синтаксической организации;

в) установить виды, способы и средства связи компонентов структурной основы простого предложения; установить модели структурной основы по своему строению;

г) изучить средства и способы распространения структурной основы простого предложения;

д) дать классификацию видов простого предложения по структуре и целеустановке;

е) дать характеристику средств выражения грамматической семантики структурной основы простого предложения.

Поскольку настоящая работа посвящена синхронному анализу структуры простого предложения, мы будем пользоваться описательным методом, методом эксперимента и моделирования. Методы эти являются не противоречащими, а дополняющими друг друга.

Третья, не менее важная, проблема – это проблема методики анализа языкового материала. Методика определяется в основном характером исследуемого материала.

Ключ к проникновению в сложную структуру предложения абхазского языка можно найти лишь в специфической морфологической структуре глагола (в частности, и имени). При этом надо иметь в виду необходимость строгого разграничения морфологических и синтаксических категорий, учитывая в то же время их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Проникновение в синтаксис предложения через морфологическую структуру глагола имеет свою большую и поучительную историю.

Так как исследование предложения в терминах и понятиях таких наук, как логика и психология не привело к раскрытию его истинной структуры, появилась необходимость попытаться охарактеризовать предложение и его члены по признакам собственно языковым, к чему и

прибегли представители т. н. формально-грамматического направления в языкознании. Эта попытка привела их в свою очередь к необходимости обратиться к морфологии, к частям речи, к интонации, паузе и др. Особый упор делался при этом на глагол, на личную форму глагола.

Так, А. А. Потебня писал по этому поводу: «Определивши такой глагол, тем самым определим minimum того, что должно заключаться в предложении этих языков»¹.

И А. М. Пешковский в основном сводит к глаголу сказуемость, которую он считал «важнейшей из категорий». Вот что он по этому поводу пишет: Сказуемость – это грамматическая категория, и притом важнейшая (разрядка автора) из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью. Как всякая категория, она может выражаться разными звуковыми способами. Всматриваясь в те слова, в которых мы выше заметили оттенок сказуемости, находим среди них:

1) глаголы во всех временах и наклонениях;

2) слова, которые запечатлены тем, что, не будучи наречиями, т. е. не обозначая признака, употребляются, тем не менее, только при глаголах, и притом не при всяком глаголе, а почти исключительно при глаголе быть...» И далее: «Можно сказать, что глагольность... лежит в основе сказуемости»².

Ф. И. Буслаев, придерживавшийся в подходе к фактам языка в основном логико-грамматической концепции, писал: «Вся сила суждения содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения»³. И далее: «В языке подлежащему соответствует имя существительное в именительном падеже, а сказуемому – глагол...»⁴.

Известно, что личная форма глагола как признак предложения до сих пор приковывает к себе пристальное внимание лингвистов. Так, например, академик Арн. Чикобава пишет: «Структура и механизм простого предложения в древнегрузинском языке определяются глаголом»⁵. «Курилович указывает на личный глагол-сказуемое как единственный конституирующий член предложения...»⁶. «М. Ивич объединяет под тер-

мином «предложение» только такие конструкции, в которых сказуемое выражено формой личного глагола...»¹. «В. Винтер определяет «разделы предложения... в немецком языке последних двух столетий по числу личных форм глагола...»². «А. Шэннон выделяет предложения... в древнеанглийском языке, исходя из наличия в них личных глаголов»³. Особый упор на личную форму глагола как конституирующий признак предложения делают чехословацкие лингвисты Фр. Данеш, М. Докулил, И. Ружичка и др. Причем они разграничивают высказывание и предложение. «Мы считаем, – пишут они по этому поводу, – полезным различать два следующих понятия термина «предложение»:

1) предложение как простейшее языковое проявление, связанное с определенной ситуацией;

2) предложение как обычная типизированная грамматическая форма этого проявления. Чтобы избежать терминологической путаницы, в первом случае мы будем употреблять термин «высказывание» в соответствии с распространенной у нас традицией..., а специальный термин «предложение» сохраним за типовой синтаксической формой высказывания, характерной для данного языка»⁴.

Э. Бенвенист так характеризует глагол: «Поэтому для характеристики противопоставления глагола и имени как таковых, независимо от типа языка, мы не вправе использовать ни такие понятия, как объект и процесс, ни такие категории, как время, ни морфологические различия. Тем не менее искомый критерий существует, и он носит синтаксический характер. Он связан с функцией глагола в высказывании.

«Мы определим глагол как необходимый элемент построения, законченного утвердительного высказывания», – пишет Э. Бенвенист⁵.

По утверждению В. З. Панфилова «в нивхском языке лишь глагол может выступать в функции сказуемого»⁶.

Концепция спрягаемой формы глагола как конституирующего признака предложения «уже в силу своей принципиальной ориентации на факты языковой действительности была решительным шагом вперед по

¹ Д. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I-II. М., 1958, стр. 84.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 156, 166, 167.

³ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 285.

⁴ Там же, стр. 259.

⁵ Арн. Чикобава. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1958, стр. 240.

⁶ А. И. Мухин. Структура предложений и их модели, стр. 50.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ И. Вахек. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964, стр. 165.

⁵ Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Изд. «Прогресс». М., 1974, стр. 170.

⁶ В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка, ч. II. Изд. «Наука». Москва-Ленинград, 1965, стр. 3.

сравнению с априорно-логической трактовкой предложения»¹. Однако она не могла претендовать на универсальность, поскольку оказалась уязвимой во многих отношениях².

Упрек сторонникам этой концепции, прежде всего, был связан с наличием безглагольных предложений во многих языках.

Следует указать на немаловажность и того факта, что глагол обладает неодинаковыми синтаксическими возможностями в языках различных структур. Современному языкознанию хорошо известно, что морфологические категории, без которых казалось бы, немислим глагол в одних языках, могут отсутствовать или неполностью выражаться в глаголе других языков. Классическим примером тому может служить китайский язык. Так, по данным Э. Сепира «в китайском предложении «человек, убить утенка» (все три слова по-китайски односложные), которое можно рассматривать как практически равнозначное нашему предложению «человек убивает утенка», совершенно отсутствует китайского сознания то ощущение чего-то детского, неполного неоформленного, которое испытываем мы от такого буквального перевода. Каждое из этих трех конкретных понятий (два из них – предметы и одно – действие) по-китайски непосредственно выражено односложным словом, являющимся вместе с тем и корневым элементом; оба реляционные понятия, «субъект» и «объект», выражены только позицией конкретных слов впереди и после слова, выражающего действие. Вот и все. Определенность или неопределенность указания, число, неизбежно выраженная в глаголе категория лица, время, не говоря уже о роде, – все это не получает выражения в китайском предложении, которое, тем не менее, является вполне адекватным сообщением, при условии, конечно, что имеется тот контекст, тот задний план взаимного понимания, который существенно необходим для полного уразумения всякой речи. Но это вовсе не вредит содержанию сообщения, ибо ведь и в английском предложении мы оставляем без выражения многое такое, что-либо принимается как само собою, разумеющееся, либо уже было развито или будет развито в течении разговора»³.

¹ А. М. Мухин. Структура предложений..., стр. 11–12.

² Там же.

³ См.: Э. Сепир. Язык. Москва–Ленинград, 1934, стр. 71–72.

Известно также, что глагол не различает лиц в корейском¹, нивхском², чеченском³, ингушском⁴, аварском⁵, андийском⁶, ботлихском языках⁷, а в лезгинском же языке глагол не различает ни лиц, ни классов, ни чисел⁸.

В настоящее время вряд ли найдется такой лингвист, который бы вернулся к т. н. «морфологизации синтаксических явлений», однако вышеприведенные факты говорят о том, что при выборе образца модели предложения конкретного языка надо исходить, прежде всего, из специфики грамматической (морфологической) структуры этого же языка, а не втискивать его в готовые схемы языков иной структуры.

По справедливому замечанию Матезиуса «едва ли можно найти такой язык, который обладал бы одним единственным образцом построения предложения; но трудно сказать наверняка, какую модель следует принимать в данном языке за образец предложения, какую нельзя»⁹.

Принимая глагол за конституирующий признак предложения абхазского языка, мы исходим из следующего.

1. Глагол абхазского языка по своей морфологической структуре максимально приспособлен к синтаксической функции организующего центра предложения.

Приспособленность эта заключается в том, что глагол обладает:

- а) сложной системой субъектно-объектного классно-личного спряжения;
- б) сложной системой времен и наклонений;
- в) системой морфологически выраженной оппозиции переходности – непереходности, финитности – инфинитности;
- г) сложной системой словообразования и т.д.

Признание нами глагола как конституирующего признака предложения вовсе не означает отождествления глагола и предиката (сказуемого). Мы в своей работе следуем известному положению, что между

¹ Э. Бенвенист. Общая лингвистика, стр. 260.

² В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка, часть 2, стр. 40.

³ Ю. Д. Дешериев. Чеченский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 200.

⁴ Р. И. Долачева. Ингушский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 219.

⁵ Г. И. Мадиева. Аварский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 264.

⁶ И. И. Церцвадзе. Андийский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 286.

⁷ Т. Е. Гудава. Ботлихский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 302.

⁸ У. А. Мейланова. Лезгинский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 535.

⁹ Цитируется по работе А. М. Мухина «Структура предложений...», стр. 52–53.

морфологическими и синтаксическими категориями нет прямого тождества, что «в результате деления предложения на части не получаются элементы морфологического порядка (т. е. слова и морфемы) и наоборот, сложение элементов морфологического плана не приводит к единице синтаксического плана — предложению, так как предложение (например. Отец лежит больной) представляет собой нечто большее, чем простую совокупность изолированных слов, так же, как здание больше, чем Сумма кирпичей...». И далее: «Слова и формы слов, выражающие морфологические оппозиции, представляют лишь средства, которыми пользуется предложение как знаменательная единица высшего порядка. В этой связи основной задачей синтаксиса следует признать, с одной стороны, определение синтаксических отношений и морфологических средств их выражения, а, с другой стороны, выявление комбинаций этих отношений (сложное предложение и синтаксические отношения в сложном предложении)»¹.

Морфологические категории и их семантика выявляются в парадигматических оппозициях составляющих их форм, синтаксические же категории и их значения выявляются в синтагматическом ряду.

Глагол в предложении абхазского языка, как мы увидим ниже, выступает не только в функции предиката, но может выполнять и другие синтаксические функции.

В частности, глагол в категории инфинитности выступает организующим центром многочисленных инфинитных конструкций, заменяющих придаточные предложения в абхазском языке.

К сказанному следует добавить, что мнение об организующей роли глагола в структуре предложения абхазского языка высказано в специальной литературе и другими специалистами.

Так, у проф. К. В. Ломтатидзе читаем: «Основным стержнем предложения в абхазском языке является глагол»².

«В абхазском языке, – пишет И. И. Мещанинов, – глагол в сказуемом связывает своими показателями остальные члены предложения, в которых имена лишены падежных окончаний»³.

¹ См.: Б. Тринка и др. К дискуссии по вопросам структурализма.. ВЯ, 1957, 3, стр. 44.

² См.: К.В. Ломтатидзе. Абхазский язык, в кн. «Языки народов СССР, т. IV, стр. 120.

³ И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, изд. «Наука» (ленинградское отделение). Ленинград, 1967, стр. 66.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

Синтаксис абхазского языка слабо изучен по сравнению с другими разделами грамматики. Ему посвящены лишь одна монография по проблеме простого предложения и учебник по синтаксису для студентов филологического факультета АГУ¹.

Первые сведения о синтаксической структуре абхазской фразы мы находим у основоположника кавказоведения П. К. Услара. В своей работе «Абхазский язык», посвященной изучению фонетической и морфологической структуры абхазского языка, он затрагивает и некоторые вопросы синтаксиса. Это касается, прежде всего, функционирования имени и внутриглагольных субъектно-объектных классно-личных аффиксов в различных синтаксических конструкциях. П. К. Услар высказывает мнение, согласно которому «различные отношения между существительными определяются самим смыслом, придаточными местоименными характеристиками, расположением слов, прилогами (postpositions) и, наконец, надежными флексиями. Таковые, несомненно, существуют в абхазском языке; быть может, даже числом падежей не уступает он языку тушскому»².

Положение П. К. Услара о наличии в абхазском языке системы склонения, как известно, не соответствует действительности³, однако указывает на одну существенную особенность – отсутствие винительного падежа в абхазском языке. Вот что он пишет по этому поводу: «Из приведенных примеров можно заключить, что

¹ Арстаа Ш.К., Чкадуа Л.П. Ацсуа бызшэа асинтаксис.

² П.К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887 г., стр. 81.

³ См. по этому поводу статью К.В. Ломтатидзе. Проблема склонения в абхазском языке. Изв. ИЯИМК. т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 196 и сл.

винительного (разрядка автора) падежа нет в абхазском языке: свойство, общее всем туземным кавказским языкам, о которых мы только имеем какие-либо сведения»¹.

В глаголе П. К. Услар наряду с другими вопросами рассматривает и порядок расположения субъектно-объектных классно-личных аффиксов по отношению к основе глагола, с одной стороны, и по отношению к позиции связанных с ними членов фразы, – с другой.

«Если предмет, на который обращено действие глагола, – читаем мы у него, – выражен местоимением личным, то характеристика последнего вставляется в самую глагольную форму; таким образом, здесь сходятся две характеристики; одна – лица действующего, а другая – лица, на которое обращено действие. Для избежания недоумения, обыкновенно перед глаголом ставятся полные формы местоимений личных; первая из них обозначает, какое лицо действует, вторая – на какое лицо обращено действие. В глагольной форме характеристики располагаются наоборот, т. е. первая из них показывает, на какое лицо обращено действие, а вторая – какое лицо действует. Это правило расположения характеристик не подлежит никаким изменениям в глаголах действительных; в глаголах интранзитивных встречаются отступления, которые мы увидим ниже».²

Положения Услара, касающиеся позиции субъектно-объектных классно-личных аффиксов в глаголе и расположения связанных с ними слов во фразе, в целом соответствуют действительности.

Некоторые существенные черты строя абхазского предложения подмечены Г. Деетерсом. Так, он отмечает, что в каждом законченном предложении абхазского языка наличен один предикат финитной формы, остальные же предикаты (если они имеются в предложении) имеют инфинитную форму и выполняют функцию отсутствующих в языке придаточных предложений. Деетерс отмечает также, что организующим центром предложения является предикат финитной формы (как глагольный, так и именной), именные же компоненты не участвуют в синтаксической организации

¹ П.К. Услар. Указ. Работа, стр. 81.

² Там же, стр. 55-56.

предложения. Он говорит также о дистрибуции личных субъектно-объектных префиксов в предикате¹.

Вопросам синтаксиса посвящены 12 страниц работы А.Н. Генко «Абазинский язык»². Тут автор вкратце излагает свои соображения по вопросам словосочетания, предложения, членов предложения, порядка слов, обособления и т. д.

А.Н. Генко выделяет две основные синтаксические единицы: словосочетание и фразу, которые он делит на собственно фразу и предложение. «Любые два, три, и более слов, следующих одно за другим в связной речи, составляют словосочетание»³. Словосочетание, не имеет «значения законченного сообщения». **«Амара йа-блыз ачвагъарта – «пашня, согретая (сожженная) солнцем»**⁴.

«Высшей и основной единицей речи служит фраза. Под этим термином разумеется всякое отдельное слово или словосочетание, произнесенное с особой интонацией, называемой фразовой и показывающей, что говорящий закончил свое сообщение». Конституативно обусловленная фраза может состоять и «из одного слова». Конституативно необусловленная фраза «для того, чтобы быть понятной... должна заключать в себе словесное указание минимально на два представления: представление предмета или лица и представление относящегося к нему признака или совокупности признаков, которые сочетаются в уме говорящего и предикативное сочетание, под каковым разумеется такое сочетание двух представлений, когда одно мыслится как зависящее в самом существовании от другого».

Лара дгылап – «она стоит». Аколхоз чвагъвахъад – «колхозники уже пахали»⁵.

«Фраза, содержащая в себе одно законченное, самостоятельное выражение предикативной связи и двух представлений, называется предложением»⁶.

¹ Deeters G. Der abchasische Sprachbau, Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse, Göttingen, 1931.

² А. Н. Генко. Абазинский язык. Москва, 1955, стр. 184 – 196.

³ Там же, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 186.

⁵ А. Н. Генко. Указ, работа, стр. 188.

⁶ Там же, стр. 188 – 189.

Автор не дает четкого и последовательного разграничения между собственно фразой и предложением, однако как необходимые признаки предложения он приводит конституативную необусловленность, интонацию, двусоставность и «наличие в нем глагола в форме повелительного, желательного, изъявительного или вопросительного наклонения или причастия в сочетании с вопросительным или вопросительно-относительным местоимением»¹.

Далее А.Н. Генко касается проблемы членения предложения, при решении которой он основывается на известные положения А.А. Шахматова. «В состав предложения входят минимально два члена: тот, который выражает собою представление предмета или лица и именуется подлежащим (субъектом) предложения, и тот, который выражает собою представление признака (или совокупности признаков), связываемого с подлежащим, именуется сказуемым и имеет, как мы только что видели, обязательную глагольную форму наклонения, выраженную как таковую (за редкими исключениями) словесно»².

Другие члены предложения не получают у автора подробного обоснования.

В основу традиционного деления предложения по цели высказывания А.Н. Генко кладет форму сказуемого. «За основание для распределения в абазинском языке видов предложений по группам естественно взять различия в сказуемом, как слове, которое составляет самое существо предложения как такового. В зависимости от того, какова форма наклонения сказуемого предложения – предложения можно разделить на повелительные, желательные, изъявительные и вопросительные»³.

Далее автор рассматривает порядок слов в предложениях с переходными и непереходными глаголами. «В предложениях с непереходным глаголом на первом месте стоит слово, выражающее субъект действия (состояния), и на втором – сказуемое: *сара сагыцарым – «я не пойду», нына дхыхыйд – «мать придет»...*

«В предложении с переходным глаголом на первом месте стоит название логического субъекта действия, на втором – грам-

матического субъекта (логического объекта) действия и на третьем – глагол. Например: *ауат ҳара ҳархъчыйд – «они нас охраняют»*¹.

Заслуживает внимания положение автора, касающееся обособленных членов предложения, «... Деепричастия играют особую роль так называемых обособленных членов предложения, под каковыми разумеются слова, по ритму и интонации уподобляющиеся целому предложению, не составляя его, однако, по своим формально-грамматическим признакам. Деепричастия (вместе с причастиями) заменяют собою в абхазском языке почти все виды придаточных предложений русского языка...»².

В кратких замечаниях автора подмечены некоторые своеобразия синтаксической структуры абазинского языка, хотя, к сожалению, они не получили достаточного развития и аргументации.

Многие вопросы синтаксиса получили свое обоснование и решение в многочисленных работах К. В. Ломтатидзе, посвященных анализу морфологической структуры имени и глагола, поскольку особенности синтаксиса, предложения абхазского языка главным образом связаны с этими частями речи.

В работе «Проблема склонения в абхазском языке»³ впервые с научной достоверностью решается вопрос склонения имени в абхазском языке. До настоящей статьи этот вопрос специально не ставился и не решался. Однако имелись отдельные высказывания по этому поводу, сводившиеся к двум противоположным мнениям. Одни исследователи утверждали наличие системы склонения в абхазском языке (П.К. Услар, Шифнер, Дирр, П. Яковлев), другие отрицали ее (С. Джанашия, Арн. Чикобава). Особняком стояло мнение Н.Я. Марра, считавшего, что абхазский язык, некогда имевший богатую систему склонения, потерял ее в связи с потерей им суффиксации вообще, что, как известно, не соответствует фактам абхазского языка ни в историческом, ни в современном его состоянии.

Аналогичное мнение высказал А.Н. Генко по отношению к абазинскому языку. Выделив шесть падежных форм имени (падеж неопределенный: *еы, напы*; падеж определенный: *а-на-пы*; падеж

¹ Там же.

² Там же, стр. 190.

³ Там же, стр. 191.

¹ А. Н. Генко. Указ, работа, стр. 192.

² Там же, стр. 193-194.

³ См.: Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 196 и сл.

единичности: **еы-к, напы-к**; падеж орудивный: **напыла, еыла**; падеж наречный: **напы-тџа**; падеж лишения: **напы-да**), А. Генко указал на следы четырех, якобы утраченных падежей (Абазинский язык, стр. 118-121).

Проведенный К. В. Ломтатидзе историко-сравнительный анализ материала в указанной статье показал, что для абхазского языка не характерна система склонения ни исторически, ни в его современном состоянии. В нем можно проследить лишь зачатки формирования этой категории. В статье выявлена стройная морфологическая система в структуре глагола, выполняющая функцию падежей.

Следующей значительной работой К. В. Ломтатидзе, связанной также с вопросами синтаксиса, является «Категория переходности в абхазском глаголе»¹. В ней дается критический анализ предшествующей литературы по вопросу переходности и непереходности глагола. Большинство исследователей, касавшихся этого вопроса, утверждало пассивный характер основы переходного глагола, исходя, из того, что «субъектный аффикс непереходного глагола (например, **д-цойт «он (чел.) идет»**) совпадает с аффиксом прямого объекта переходных глаголов (**ды-сшьуеит «я его (чел.) убиваю»**). Если этим аффиксом в непереходных глаголах передается субъект, то тот же аффикс должен передавать субъект и в переходных глаголах. Поэтому, как заключают они, абхазский переходный глагол – пассивной конструкции, ибо **ды-сшьуеит** не означает «**я убиваю его**», а «**он (чел.) убивается мною**»².

Противоположное мнение высказал Арн. Чикобава, признавший нейтральный характер основы переходного глагола в иберийско-Кавказских языках.

Исследование К. В. Ломтатидзе показало, что «категория переходности и непереходности свойственна и абхазским глаголам»³. Однако критерии определения переходности и непереходности глагола и формально-грамматические способы выражения этой категории в абхазском языке оказались сугубо специфическими.

¹ См.: Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 1 – 29.

² Там же, стр. 29.

³ Там же, стр. 27.

Это исследование показало также, что семантический критерий не может быть использован в абхазском языке ввиду того, что «не всякий глагол, действие которого распространяется на другой предмет, может быть переходным».

Автор выявила ряд чисто грамматических признаков, по которым различаются переходные и непереходные глаголы. Причем эти признаки выражены не в падежной форме имени, связанном с глаголом, как, обычно бывает, а в морфологической структуре самого глагола. Основным из этих признаков является наличие двух рядов личных аффиксов и строго фиксированные их позиции в переходных основах.

Впервые в этой работе было раскрыто наличие морфологически четко выраженной эргативной конструкции в абхазском языке.

Основной вывод автора сводится к тому, что «основа переходного глагола является нейтральной, в связи с чем, нет в абхазском языке морфологически четко выраженных залоговых противопоставлений».

С категорией переходности тесно связана и категория побудительности, исследованная так же впервые в статье К. В. Ломтатидзе «Категория каузатива в абхазском языке»¹. В статье показано, что каузативный аффикс **р** прибавляется к переходным и непереходным основам глагола. Причем, появление его в глаголе вызывает увеличение количества лиц (одноличный глагол становится двухличным, двухличный – трехличным) и непереходные основы принимают строй переходного глагола, становятся переходными. Переходные же основы остаются по-прежнему переходными (**дтџойт – дсыртџойт, даџхьойт – дасырџхьойт, илжџуеит – илсыржџуеит**).

Вопросы синтаксиса затронуты и в ряде других работ К. В. Ломтатидзе, например: «Категория потенциалиса (возможности) и непроизвольности в абхазско-абазинском глаголе». (Сообщение АН ГССР, т. XVI, 3. Тбилиси, 1955, стр. 249); «К вопросу о категории залога (в абхазском языке)» (ИКЯ, т. VIII. Тбилиси, 1956, ст. 212); «К

¹ См. Сообщение АН ГССР, т. VI, I. Тбилиси, 1945, стр. 95-96.

структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке» (ИКЯ, т. IV. Тбилиси, 1953, стр. 125); «Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка» (Сообщение АН ГССР, т. III, 4. Тбилиси, 1942, стр. 389); «Система основных времен и наклонений в абхазском языке» (ИКЯ, т. VII. Тбилиси, 1955, стр. 227); «Статические и динамические глаголы в абхазском языке» (ИКЯ, т. VI. Тбилиси, 1954, стр. 271).

Некоторые вопросы синтаксиса затронуты и в работе «Языки народов СССР» (т. IV. Москва, 1967, стр. 119 – 120).

Акад. И.И. Мещанинов не раз обращался к иберийско-кавказским языкам, в том числе и к абхазскому, в связи с эргативной конструкцией предложения в языках различных типов. Основные его положения по отношению к абхазскому языку сводятся к следующему: «Синтаксические отношения между членами предложения устанавливаются... и при отсутствии изменения имен по падежам. Связь между именами и глаголами выступает в размещении членов предложения и их показателей в сказуемом. Если подходить к строю предложения со стороны именных членов, то можно прийти к выводу, что они согласуют собой глагольные префиксы. Если же смотреть со стороны сказуемого, то придется признать, что семантика действия своим оформлением, управляет местоположением связанных с ним имен. Переходная форма глагола требует постановки перед собою прямого дополнения. Последнее в свою очередь требует включения в глагол показателя того класса имен, к которому принадлежит предмет направленности действия. Выступает взаимная связь между именами и глаголом. Схема эргативной конструкции оказалась выдержанною и при отсутствии парадигмы именного склонения».

«В абхазском языке глагол в сказуемом связывает своими показателями остальные члены предложения, в которых имена лишены падежных окончаний. Центр выражения синтаксических отношений эргативного строя предложения сосредоточивается в глаголе»¹.

¹ И.И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов. Ленинград, 1967, стр. 66.

Специфические особенности структуры абхазского предложения в связи с эргативной конструкцией рассматриваются в работах И. О. Гецадзе «К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке» (Ленинград, 1962. Автореф. канд. диссертации) и «К типологии членов предложения в абхазско-адыгских языках» (Члены предложения в языках различных типов. Ленинград, 1972, стр. 97 – 108).

В первой работе автор прослеживает в диахроническом плане с привлечением данных родственных языков процесс формирования субъектно-объектного спряжения глагола и зачатков морфологически выраженной эргативной конструкции и в связи с этим и изменения, происшедшие в порядке расположения субъекта и объекта по отношению к глаголу-сказуемому.

На страницах работы, посвященных выводам, читаем: «Суммируя все сказанное в предыдущих разделах работы о личных и классно-личных показателях и о порядке слов (субъекта и объекта в предложении), приходим к выводу, что в абхазском языке существует два основных грамматических способа передачи субъектно-объектных отношений: морфологический (личные и классные показатели и их расположения) и синтаксический (порядок постановки субъекта и объекта в предложениях с переходными и непереходными глаголами)» (стр. 18). И далее: «Вполне возможно, что именно после появления субъектного показателя в переходном глаголе начинается процесс расшатывания, дошедший в некоторых случаях до полного отсутствия позиции субъекта в составе индефинитной конструкции предложения...» (стр. 22).

Вторая статья И. О. Гецадзе – «К типологии членов предложения в абхазско-адыгских языках» – посвящена сравнительно-типологическому изучению членов предложения, в первую очередь глагола-сказуемого, в абхазско-адыгских языках, в связи с эргативной конструкцией.

На основе сравнительно-типологического изучения материалов близкородственных абхазско-адыгских языков автор приходит к подтверждению известного положения, согласно которому индефинитная конструкция предложения предшествовала эргативной конструкции. Эта линия четко вырисовывается в переход-

ных случаях от классного спряжения к классно-личному, а затем и к личному. Она проявляется и в соответствующих изменениях структуры имени, связанных главным образом с формированием системы склонения.

Некоторые синтаксические явления, связанные с каузативом, рассмотрены в работе И.О. Гецадзе и И.П. Недялкова «Морфологический каузатив в абхазском языке»¹.

В 1970 году вышла монография Л.П. Чкадуа «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах»². Один из разделов этой работы посвящен выявлению роли различных глагольных образований в формировании предложений (стр. 248).

Характеризуя предложение с семантики грамматической стороны, автор исходит из положения, согласно которому предикативность является основным признаком всякого предложения, но не всякого высказывания. Она характерна для всего предложения в целом, а не для одного лишь сказуемого. В зависимости от эмпазиса предикативностью может обладать любой член предложения. Свойством сказуемого предикативность становится лишь при том условии, когда грамматическое членение совпадает с актуальным. Сказуемое в предложении, таким образом, может и не обладать свойством предикативности (стр. 248).

Тут автор, как видно, не разграничивает логическую и грамматическую предикативность. В самом деле, логическая предикативность не закреплена за каким-либо членом предложения, в то время как грамматическая предикативность, с нашей точки зрения, не может формироваться вне сказуемого в тех предложениях, в которых наличествует сказуемое.

Характеризуя глагол с синтаксической точки зрения, автор заключает, что «все формы наклонений и инфинитивов могут выступить в роли сказуемого» (стр. 248).

Средствами выражения предикации Л.П. Чкадуа считает темпоральность, модальность и интонацию (стр. 250). «Обязательным

условием образования предикации является не всякая темпоральность, а темпоральность, указывающая на абсолютный временной план. Высказывание, временной план которого относительный, не может иметь признака предикативности» (стр. 251).

Разграничение абсолютного и относительного временных планов следует считать одним из положений автора, соответствующих действительному положению вещей. Оно способствует правильному решению вопроса грамматической квалификации инфинитивных конструкций.

К глагольным образованиям, для которых не характерен признак предикативности, автор относит инфинитивные образования, выступающие с изъявительной, сослагательной и призрачной семантикой. Все они в предложении образуют инфинитивные конструкции (стр. 262).

Л.П. Чкадуа принадлежат еще две статьи, посвященные вопросам синтаксиса: 1) Связь слов в предложении; и 2) Об одной структурной разновидности предложения (Сборник материалов по абхазскому языку. «Мецниереба». Тбилиси, 1970, стр. 69–77).

В первой из этих статей автор выделяет подчинительный и сочинительный виды связи слов. К подчинительному виду связи относятся согласование, отражение, композитная связь, примыкание и управление.

Выделено десять случаев согласования:

1. согласование между субъектом-подлежащим и глаголом-сказуемым (*сара сцеит, уара уцеит*);
2. согласование между лично-относительным объектом и глаголом-сказуемым (*уара уара и-у-и-теит ашәкәы*);
3. согласование между деепричастной формой глагола и глаголом как финитным, так и инфинитивным (*д-ыфәуа даауеит, х-афәуа хаауеит, ифәуа иаауаз*);
4. согласование в числе между указательным местоимением и определяемым им существительным (*ари ашәкәы*);
5. согласование между определительным местоимением и определяемым существительным (*лара лхатә*);
6. согласование в числе между местоимением «все» и определяемым им существительным (*снацәкьарақәа зегьы*);

¹ В сб.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Изд. «Наука». Ленинград, 1969, стр. 61.

² Л.П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970.

7. согласование в числе и в классе между определяющим числительным словом (*ачкэынцэа ажэафыкгы*);

8. согласование между существительным и количественным числительным (*айлақэа қба*);

9. согласование в синтагмах: (*дыбзиахэза д-ааит*);

10. согласование между компонентами составного сказуемого (*сныкэартэ сыкоуп, днеирц дыкоуп, исшэарц сыкоуп*).

Отражением называет автор посессивную связь в словосочетаниях типа: *аб ихылца, акэардэ ашыапы*.

Композитной называет связь между компонентами атрибутивной синтагмы в случаях, когда роль определения выполняют:

а) качественные прилагательные (*амш каххааи айх лашэи*);

б) относительные прилагательные (*ахтэы иайэа*);

в) существительное (*ажэ ахш, аңсыз ашша*);

г) притяжательные местоимения (*ахатэ бжы*).

Выделены следующие случаи связи примыкания между:

1. наречием и глаголом (*ибзианы даңхьоит*);

2. наречиями (*даара ибзиан*);

3. масдаром и глаголом (*шэарыцара дцеит*);

4. количественным числительным и определяемым словом (*хышэ йла*);

5. порядковым числительным и определяемым словом (*ахэбатэи акласс*);

6. разделительным числительным и определяемым словом (*хңа-хңа шэкэы*);

7. приблизительным числительным и определяемым словом (*быжьбака-аабака уардын*);

8. относительным прилагательным и определяемым словом (*тагалантэи абахча*);

9. кратным числительным и глаголом (*фынтэ дкэашеит*);

10. масдаром и вспомогательным глаголом (*аныкэара далагеит*);

11. условной формой и вспомогательным глаголом (*иңжэазар акэын*);

12. условно-целевой формой и вспомогательным глаголом (*хаарцы акэын*).

Управление выделено, между:

а) глаголом и превратительной формой имени (*тарцьманс скарйеит*);

б) глаголом и послесложными формами имени (*Акэантэ саауеит*);

в) инфинитной формой одноличного глагола и определяемым словом (*ашья ицаша*).

Сочинительная связь осуществляется интонацией и союзами (*абахча гылоуп еишэхышьшыла, ал, ахэырма, нас амжэа; ацагы ахышэашэагы; ма зегы хаикэлырхауеит, ма зегы хақэылхуеит*).

В статье «Об одной структурной разновидности предложения» отмечаются факты структурного изменения предложения в связи с перестроением логической структуры. В этом случае, «предикативное оформление получает тот член предложения, на который переносится логический предикат суждения. *Сара иахья ашкол ахь сыкан. Ашкол аҭоуп сара иахья сахьыказ. Сара соуп иахья ашкол аҭы иказ* и т. д.

В вышеуказанном сборнике помещены и другие статьи по вопросам синтаксиса абхазского языка. Это: 1) «Виды предложения по цели высказывания» Е.П. Шакрыл, 2) «Подлежащее», 3) «Сказуемое» Ш.К. Аристава, 4) «К вопросу о словосочетании в абхазском языке» М.М. Циколия (на грузинском языке), 5) «Сложносочиненные предложения» К.С. Шакрыл, 6) Однородные члены предложения» В.Х. Конджариа.

В статье Е.П. Шакрыл «Виды предложений по цели высказывания» автор выделяет повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные предложения. Дается краткая характеристика семантико-структурных особенностей этих видов предложений.

В статьях «Подлежащее» и «Сказуемое», сделана попытка определить роль подлежащего и сказуемого в синтаксической организации предложения. Даются также способы и средства связи между этими членами предложения.

Отмечается, что между подлежащим и сказуемым бывает согласование четырех видов: полное, неполное, частичное и смысловое.

В статье «К вопросу о словосочетании в абхазском языке» автор рассматривает соотношение словосочетания и предложения. Он придерживается мнения, согласно которому словосочетание не следует противопоставлять предложению.

Далее автор выделяет следующие способы связи слов в словосочетании: согласование, управление и примыкание.

Имя согласуется с именем в числе: *аҭацәа еиҭабацәа, ауаа бааҭсқәа*.

Имя управляет глаголом в лице: *ауаҭы д-цоит, уара у-цоит, сара с-цоит*.

Имя управляет глаголом в классе: *аҭаҭы д-цоит ашкол ахь, аҭыс ҭыруеит...*

Имя согласуется с глаголом в числе: *ауаҭы д-цоит, уара у-цоит...*

Имя согласуется с послелогом в числе: *уара и-ҭы, Базрыкәараа рҭы*.

Далее автор отмечает, что примыкание в словосочетании абхазского языка занимает большое место.

Глагол примыкает имя: *напыла иааиҭхыишьшьааит*.

Глагол примыкает неизменяемое слово: *ецы дааит*.

Имя примыкает неизменяемое слово: *зынза ихәычу*.

Затем автор выделяет также типы словосочетания: имя + имя, имя + глагол, собственное имя + нарицательное имя, собственное имя + масдар, местоимение + масдар, имя с послелогом – глаголом, наречие + глагол, статический глагол + глагол инфинитной формы и т. д.

В статье «Сложносочиненные предложения в абхазском языке» дается классификация сложносочиненных предложений по союзам, посредством которых они соединяются. Так, выделены: 1) сложносочиненные предложения с соединительным союзным суффиксом *гьы*; 2) сложносочиненные предложения с разделительными союзами и союзным аффиксом и др.

В статье указаны разнообразные отношения, которые устанавливаются между выделенными типами сложносочиненных предложений.

В статье В. Х. Конджария «Однородные члены предложения» рассмотрены однородные подлежащие, однородные сказуемые,

однородные дополнения, однородные определения и однородные обстоятельства.

Между однородными членами устанавливается соединительная связь, которая выражена союзами, союзными словами, союзными частицами и соединительной паузой.

В 1973 году вышла докторская диссертация М. М. Циколия «Порядок слов в абхазском языке» (на грузинском языке, резюме на русском)¹, в которой автор наряду с порядком слов затрагивает вопросы структурной организации простого предложения. Если в вышеприведенной статье «К вопросу о словосочетании в абхазском языке» М. М. Циколия утверждает, что «в абхазском языке представлены все три вида подчинительных отношений между словами: согласование, управление и примыкание», то в настоящей монографии мы читаем: «Видами синтаксических отношений между словами в абхазском языке являются согласование, примыкание и порядок слов. Здесь нет управления и, тем более, координации»². Автор не делает ссылки на предшествующую статью и не объясняет причины, вызвавшей изменить свое первоначальное представление об управлении в абхазском языке. Однако можно полагать, что автор придерживается второго своего мнения, поскольку оно высказано гораздо позже.

М. М. Циколия изменил частично свой взгляд и на согласование. В статье он отмечал согласование в лице, числе и классе между именем и глаголом, а в монографии он приводит случаи согласования лишь в классе и числе. И тут автор не упоминает о своей первой работе.

Предложение М. М. Циколия рассматривает как разновидность словосочетания, выделяя два основных строя предложения в абхазском языке: 1) предложения финитного строя и 2) предложения инфинитного строя. Предложения финитного строя состоят из одного основного предикативного центра, а предложения инфинитного строя состоят из основного и вспомогательного предикативных центров. Предложения обоих строев являются простыми, поскольку вспомогательный центр выполняет роль какого-либо

¹ Сноска на груз.

² М.М. Циколия. Порядок слов в абхазском языке, стр. 33.

члена предложения и соотносится с предложением как самостоятельный член предложения (стр. 10 и сл.).

В качестве обоснования деления предикативных словосочетаний на предложения финитного и инфинитного строя автор приводит деление глаголов, образующих предикативные центры, на финитную и инфинитную формы.

Порядок слов М. М. Циколия рассматривает в связи с синтаксическими и стилистическими функциями, оставляя в стороне смысловую функцию, поскольку последняя, по заявлению автора, не связана со спецификой конкретного языка, а носит универсальный характер.

Порядок слов рассматривается в словосочетании и предложении финитного и инфинитного строя.

В 1959 году вышла работа К. Пари «Внутриглагольные личные показатели и синтаксис минимальной фразы в языках Северо-Западного Кавказа»¹, целью которой являлось «установить, с одной стороны, правила синтаксического функционирования глагольных показателей, и, с другой стороны, связи между этим функционированием и синтаксической структурой»² в абхазском, черкесском и убыхском языках.

В работе дается сравнительный структурный анализ парадигматического и синтагматического функционирования классно-личных субъектно-объектных показателей в глагольных основах вышеназванных языков. Дается также соотношение классно-личных субъектно-объектных показателей с соответствующими членами минимальной фразы – субъектом и объектом.

С помощью парадигматического анализа установлены позиции классно-личных субъектно-объектных показателей в одно- и многоличных переходных и непереходных глаголах.

Отмечается, что «глагольные системы трех основных языков Северо-Западного Кавказа типологически очень похожи с точки зрения личных показателей»³.

¹ C. Paris. Indires personels intraverbaux et syntaxe de la phrase minimale dans les langues du Caucase du Nord-ou-est. B. S. L., t. 64, fasc. I. Paris, 1969, p. 104- 183.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 105.

Синтаксический анализ функционирования личных показателей показывает, что они... представляют собой способ отображения отношений, выраженных вне глагольной формы самостоятельными словами (разрядка автора) в функции подлежащего или дополнения. Каждому личному показателю глагола может соответствовать на уровне синтаксиса фразы имя, имеющее, в зависимости от возможностей языков, либо формальный признак падежа (черкесский, убыхский), либо другое средство идентификации его функции (абхазский)¹.

Основные выводы работы сводятся к тому, что: 1) «Глагольная форма может функционировать сама по себе как минимальная фраза, потому что все участники, которые требуются глагольным корням, обязательно представлены в ней; 2) глагольная форма обязательна, тогда как свободные члены предложения в известной степени факультативны (отправная точка настоящего исследования); 3) так как потенциально все свободные члены выражены в обязательной глагольной форме, нет иерархически приоритетных элементов среди имен, которые им соответствуют во фразе и которые должны рассматриваться как члены равного значения»².

Нам кажется, что автору не удалось выявить синтаксические функции субъектного и объектного компонентов минимальной фразы, в результате чего он объявляет их факультативными.

Следует отметить и тот факт, что парадигматические и синтагматические функционирования классно-личных субъектно-объектных показателей в иберийско-кавказских языках, в том числе абхазско-адыгских, изучены достаточно подробно. И работа К. Пари оказалась в этом отношении повторением известных уже в специальной литературе положений, с которыми автор, по всей вероятности, не был знаком.

Как показывает краткий анализ специальной литературы, синтаксис абхазского языка еще не подвергался систематическому научному анализу. Отдельные работы, касающиеся различных вопросов синтаксиса, не дают сколько-нибудь цельного представления о синтаксической структуре абхазского языка.

¹ Там же, стр. 105.

² Там же, стр. 177.

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА СВЯЗИ КОНСТИТУИРУЮЩИХ КОМПОНЕНТОВ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Структурная основа предложения в абхазском языке, строится главным образом на именных и глагольных компонентах. Поэтому естественно рассмотреть имя и глагол с точки зрения тех форм, в которых вступают они между собой в синтаксическую связь.

Известно, что имя и глагол в абхазском языке, как и в других родственных языках, по своей морфологической структуре резко противопоставляются: имя характеризуется бедностью формоизменения, глагол же – богатством формоизменения и полисинтетическим строем. В силу этого представляет определенный интерес исследование связи, которая устанавливается между ними (именем и глаголом) в структуре предикативного словосочетания, поскольку своеобразие связи слов во многом обуславливается спецификой категориальных свойств сочетающихся компонентов.

Исключается использование падежных форм имени при связи его с глаголом, поскольку имя в абхазском языке, как известно, не обладает системой склонения. Иначе обстоит дело с категориями лица, числа и класса в имени. В специальной литературе утвердилось мнение, согласно которому между именем и глаголом в предикативном словосочетании устанавливается связь в лице, числе и классе. Связь эта квалифицируется как согласование, предопределенное категориальными формами лица, числа и имени. В качестве примеров приводятся: *сара сцеит – «я ушел»*; *уара уцеит – «ты (м.) ушел»*; *бара бцеит – «ты (ж.) ушла»*; *хара хцеит – «мы ушли...»*¹; *ахэычы дцеит – «мальчик ушел»*²; *уаргыы ҟынтә*

¹ Л. П. Чкадуа. Связь слов в предложении, в кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 77.

² М. М. Циколия. Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1973, стр. 33 – 34 (на грузинском языке).

*ухысит, саргыы ҟынтә схысуеит – «и ты два раза выстрелил, и я два раза выстрелю»*¹.

Однако более подробное рассмотрение этого вопроса показало, что связь между именным и глагольным компонентами предикативного словосочетания не всегда преопределяется морфологическими формами именного компонента. Прежде всего, о категории лица. Бесспорно, что имя существительное в абхазском языке (да и в других языках) не обладает морфологической формой лица. Следовательно, исключается обусловленность связи (и имени с глаголом в лице категориальной формой лица имени).

Аналогичное положение мы имеем и в местоимениях. По данным специальной литературы местоимения (например, личные) обладают морфологической категорией лица. В качестве формантов лица выделяются *с-ара – «я»*, *у-ара – «ты» (м.)*, *б-ара – «ты» (ж.)*, *л-ара – «она»*, *хара – «мы»* и т. д. Однако нам предьявляется возможным высказать иное мнение по этому поводу. Дело в следующем. Личные местоимения состоят из двух расщепляющихся компонентов: *са-ра, уа-ра, ба-ра, иа-ра, ла-ра, ха-ра, шәа-ра, да-ра*. В первом компоненте звук «а» повторяется во всех местоимениях. Следовательно, он не образует семантической корреляции и не может без предшествующего согласного составить основу. Функция семантического различия падает главным образом на первые звуки. Поэтому удаление согласных звуков первого компонента вызывает полное разрушение этих лексических единиц. Следовательно, без первых звуков эти слова не могут существовать как лексические единицы. Это значит, что отделение этих первых звуков от основы и квалификация их как морфологических компонентов не представляются возможными. Не составляет основы, и второй компонент, поскольку он повторяется во всех местоимениях и является, как известно, суффиксальным элементом.

Как видно, можно допустить, что основу личных местоимений составляют первые компоненты с гласной огласовкой (а). Если это так, то значение лица (числа и класса) в местоимениях является

¹ Ш. К. Аристава. Подлежащее, в кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 16; Сказуемое, там же, стр. 39.

не грамматической, а лексической их семантикой и имеет соответственно лексическое выражение.

В таком случае снимается возможность предопределения связи в лице между местоимением и глаголом морфологической формы лица местоимения. В данном случае можно говорить лишь о морфологическом обозначении в глаголе семантического значения лица (числа и класса) местоименного компонента словосочетания.

Однако следует отметить, что встречаются немногочисленные имена типа: *х-фыцъагы* – «мы – двое», *шә-фыцъагы* «вы – двое», *р-фыцъагы* – «они – двое», *х-азеггы* – «мы – все», *шә-ызеггы* – «вы – все», *р-ызеггы* – «они – все», у которых можно допустить наличие морфологической формы лица. К основам аналогичных имен прибавляются (префиксально) притяжательные личные аффиксы ряда л. мн. числа. При связи с глаголом эти имена своей формой лица и числа предопределяют лицо и число глагола: *х-ахфыкгы* *хцеит* – «мы – трое ушли»; *шә-ыхфыкгы* *шәцеит* – «вы – трое ушли»; *р-ыхфыкгы* (*и*) *цеит* – «они – трое ушли»; *хазагъ* *хцеит* – «мы – все ушли»; *шә-ызагъ* *шәцеит* – «вы – все ушли»; *р-ызагъ* (*и*) *цеит* – «они – все ушли» и т. д.

Следует оговорить также категорию класса в имени. Общепринято, что имя в абхазском языке обладает формой категории класса. В качестве формантов класса выделяют суффиксы мн. числа **-қәа**, **-цәа** и собирательности **-аа**. Однако нельзя не заметить слабость морфологической позиции категории класса в именах.

Дело в том, что суффиксы числа не имеют четко разграниченного употребления, в именах, семантически различающихся, по классам. Так, суффикс, мн. числа **-қәа** употребляется в большинстве случаев в именах, семантически относящихся к классу вещей. Однако употребление его и в именах класса человека не является исключением: *ахәсақәа* – «женщины», *аурысқәа* – «русские», *ақыртқәа* – «грузины», *аерманқәа* – «армяне» и т. д. Это явление еще больше, распространено в абазинских диалектах. «Можно сказать, что суффикс **-қәа** в тапантском диалекте господствует одинаково в форме мн. числа имен обоих классов»¹. В словах же

с семантикой качественной характеристики суффикс числа **-қәа** вообще не имеет значения класса. Например, *ашәкәы бзиақәа* – «хорошие книги», *ацкәынцәа бзиақәа* – «хорошие ребята».

Не характеризуется системностью употребления и суффикс числа **-цәа**. Он наиболее характерен для имени класса человека, однако не исключается возможность его употребления в определенных случаях и при именах класса вещей. Например, *ахәа аңацәа ааманы инеиуеит* – «Идет свинья со своими поросятами»; *ацгәы аңацәа ааманы ицеит* – «Кошка со своими котятками ушла».

Нередки случаи употребления суффикса **-цәа** в сочетании с **-қәа**: *ахацәақәа* – «мужчины»; *цкәынцәақәак* – «какие-то парни»; *згәбцәақәак* – «какие-то девушки»; *сасцәақәак* – «какие-то гости».

Интересно отметить, что суффикс **-цәа** нередко сочетает в себе значение числа со словообразовательной функцией: *ашәахәаф* – «певец», но: *ашәахәацәа* – «певцы»; *аңсшьафы* – «отдыхающий», но: *аңсшьацәа* – «отдыхающие»; *анхафы* – «крестьянин», но: *анхацәа* – «крестьяне»...

Аналогичное употребление имеет и суффикс собирательности **-аа**: *уатқараа* – «отхарцы», *гәдоутәа* – «гудаутцы». (Срв.: *уатқаратәык* – «отхарский», но *уатқаратәкәа* – «отхарские»). С категорией класса в именах увязывают и деривационный суффикс **-фы**. Однако следует сказать, что суффикс **-фы** больше увязывается с семантикой личности, чем с понятием грамматического класса в именах существительных. Он образует имена, обозначающие лицо определенной профессии или рода занятий: *акәашаф* – «танцор», *ашәахәаф* – «певец», *анхафы* – «крестьянин», *ашәарыцаф* – «охотник» и т. д. Однако он может образовывать и слова семантики класса вещей: *аеы маргъ рахафуп* – «косоглазый конь пуглив» (пословица), *адагъ ныкәафы* – «лягушка-путешественница», *ала шәарыцаф* – «охотничья собака», *ахшь чакфы* – «ястреб-перепелятник» и т. д.

Что касается единственного числа имени, то здесь имя морфологически не различает ни класса, ни числа.

Коррелятивный признак сохраняется между классом человека и вещи в некоторых разрядах имен числительных (например, количественных). Класс человека в данном случае выражается с

¹ К.В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 77 (на грузинском языке).

суффиксом **-ы**, в классе же вещи используется суффикс **-ба**. Например:

класс человека	класс вещи	
х-ы	х-и (-ба)	«три»
иш-ы	иш-ба	«четыре»
хэ-ы	хэ-ба	«пять»
ф-ы	ф-ба	«шесть»
быж-ы	быж-ба	«семь»
аа-ы	аа-ба	«восемь»
жэ-ы	жэ-ба	«девять»
жэа-ы	жэа-ба	«десять»

Однако при связи аналогичных числительных с глаголом категория класса не реализуется ввиду того, что глагол сочетается с числительным в форме мн. числа, в которой он (глагол) не различает классов.

Перечисленные факты приводят нас к выводу, что для выделения морфологической формы класса в именах (за некоторыми включениями, см. выше) нет достаточных оснований. Явление это можно объяснить двояко:

Процесс формирования суффиксального способа выражения класса в именах, являющийся, как известно, вторичным, не завершился.

Отсутствие четко выраженной корреляции по классам в именах связано с процессом утери семантики грамматических классов суффиксами мн. числа.

В таком случае предопределенность связи имени с глаголом формой класса именного компонента исключается. Здесь можно говорить лишь о морфологическом обозначении семантического различия имен по классам в глагольном компоненте.

Здесь же уместно отметить и тот факт, что класс не проходит через всю систему связи имени с глаголом. Он включается в связь лишь во втором и третьем лице един. числа. В первом же лице един. числа и во всех лицах мн. числа класс из связи имени с глаголом исключается. Кроме того, класс не относится к числу пре-

дикативных категорий. Функция его сводится лишь к дифференциации имен (субъекта и объекта) с точки зрения принадлежности их к одному из двух основных грамматических классов: к классу человека и классу вещи.

Иначе обстоит дело с категорией числа в имени. Морфологическая форма числа имени не вызывает сомнений. В единственном числе категория числа выражается нулевым формантом, во множественном числе – суффиксами **-қаа, -цаа, -аа**:

ашәкәы – книга,	ашәкәқаа – книги,
алаба – палка,	алабақаа – палки,
айақы – ученик,	айақыцаа – ученики,
арғыс – парень,	арға-р-цаа – парни,
ауақы – человек,	ау-аа – люди,
асыс – ягненок,	аса-ра (қаа) – ягнята,
Айба – Айба,	Айы-раа – айбовцы

Здесь следует отметить ту лишь особенность, что имена в форме собирательности обозначаются в глаголе в форме множественного числа: *ағар еизеит* – «собралась (собрались) молодежь».

Следовательно, связь имени с глаголом в числе может предопределяться морфологической формой числа именного компонента.

Другим важным вопросом связи является определение ее направления. Современное языкознание вышло из того состояния, когда оно определяло направление связи в строгом соответствии с реальным соотношением деятеля, действия и объекта действия. Традиционное определение подчинительной связи как связи, направленной от господствующего к зависимому, от управляющего к управляемому¹, с которым связана квалификация подлежащего как доминирующего члена предложения поддерживалось не толь-

¹ Ср. положение А.А. Шахматова: «...Отсюда следует, что при сочетании представления о предмете с представлением о признаке, первое из них, как господствующее в отношении признака по самой своей природе будет всегда субъектом, а второе – предикатом». А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Ленинград, 1941, стр. 23.

ко характером семантики, реальной последовательностью процесса от активного деятеля к действию, а затем к объекту действия, но во многих случаях и самим грамматическим соотношением форм соответствующих компонентой предложения во многих языках. Однако дальнейшее изучение все большего числа языков различных структур показало, что реальная, односторонне направленная последовательность соотношения деятеля действия и объекта действия не всегда получает соответствующее грамматическое выражение в языке. Так, например, в иберийско-кавказских и в других языках, где налична эргативная конструкция «доминанта», – подлежащее оказалось под подчинением транзитивного глагола – эргативный падеж, а объект – дополнение (ближайший объект), вопреки логике, вышло на доминирующую позицию подлежащего – именительный падеж.

Долго в лингвистической литературе обсуждался этот факт. Появились различные теории: 1) активности, 2) пассивности и 3) нейтральности эргативной конструкции. Давали этому факту даже мифологическую интерпретацию¹. Однако, в конечном счете пришлось мириться с реальным языковым грамматическим фактом.

Исследования А. С. Чикобава показали, что «эргативная конструкция порождена собственно грамматическими причинами (разрядка автора): особенности эргативной конструкции упираются в своеобразие переходного глагола, неразличающего залогов, индифферентного в отношении залогов (разрядка автора); а это последнее, в конечном счете, обусловлено своеобразным характером отношения глагольной основы к именной...» (разрядка автора)².

В последнее время мысль о соподчинительном взаимозависимом характере связи между подлежащим и сказуемым получает все большее признание в индоевропеистике.

«В отличие от других видов синтаксических отношений, – пишет Е. В. Кротевич, – предикативные отношения характеризуют

¹ См.: Арн. Чикобава. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, II. Теория сущности эргативной конструкции. Тбилиси, 1961, стр. 163 (на грузинском языке).

² Арн. Чикобава. Указ. Работа, стр. 168.

ся двусторонней зависимостью, которая устанавливается только между одними и теми же, всегда соотносительными членами двусоставного предложения – сказуемым и подлежащим»¹.

«Характерной особенностью этой (координации – Ш.А.) связи в отличие от субординации, является не одностороннее, а взаимонаправленное подчинение соответствующих словоформ», – читаем у И. П. Распопова².

«По-видимому, ближе к сущности данного языкового явления находятся наблюдения, – Г. А. Золотова, – говорящие о взаимозависимости главных членов предложения, о двусторонних связях...»³. Говоря о различиях между согласованием и грамматической координацией форм подлежащего и сказуемого, Н. Ю. Шведова пишет: «Черты различия здесь следующие: 1. При согласовании осуществляется подчинение формы зависимого слова форме слова господствующего, при соединении главных членов – взаимное уподобление форм слов, которые занимают места компонентов структурной основы предложения, причем ни одна из них не является ни главенствующей, ни зависимой. 2. При согласовании осуществляется связь слова во всей системе его форм с формами другого слова (новый дом, нового дома...), при формальном уподоблении подлежащего и сказуемого всегда – связь двух определенных словоформ. 3. Словосочетание, образующееся на основе связи согласования, имеет систему форм, predeterminedную системой форм главенствующего слова; структурная схема предложения, в пределах которой осуществляется уподобление двух организующих ее словоформ, имеет свою систему форм, predeterminedную категориями уровня предложения. 4. При согласовании возникают собственно характеризующие отношения, не связанные ни с каким объективно-модальным планом; при

¹ Е.В. Кротевич. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения. «Вопросы русского языкознания», кн. 2, Львов, 1956, стр. 12.

² И.П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970, стр. 36.

³ Г.А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 59.

уподоблении главных членов возникает такая связь, которая обязательно относит признак и его носителя в определенный объективно-модальный план»¹.

Связь слов в предложении абхазского языка слабо изучена. Ей посвящена лишь одна статья². Затрагивали этот вопрос попутно и некоторые другие авторы (см. выше). Мнения всех авторов, касавшихся этого вопроса, сходятся в том, что между компонентами структурной основы предложения устанавливается односторонняя связь – согласование, направленное от именных (субъекта и объекта) компонентов к глагольному (предикату).

Существует и другое общепризнанное мнение, согласно которому «об эргативной конструкции может ставиться вопрос в абхазском языке, который не различает падежей (эргат..., родит.), но в спряжении переходных глаголов обнаруживает черты, характерные для других иберийско-кавказских языков с эргативной конструкцией»³. Общепризнано также, что «в отличие от некоторых иберийско-кавказских языков, в которых эргативная конструкция является конструкцией предложения с переходными глаголами, т. е. синтаксической конструкцией (груз.) – «охотник убил оленя», в абхазском она не выходит за рамки морфологии; язык выражает эргативную конструкцию средствами морфологии (инкорпорацией аффиксов в глагольную форму)»⁴.

Как это легко заметить, трудно согласовать одностороннюю связь, направленную от именных компонентов к глагольному в предикативном словосочетании, с наличием эргативной конструкции предложения, так как эргативная конструкция – порождение прежде всего двусторонней подчинительной связи между именными и глагольными компонентами. При наличии в предикативном словосочетании лишь односторонней подчинительной связи вопрос об эргативной конструкции автоматически снимается. Не внушает доверия и положение о том, что эр-

гативная конструкция в абхазском языке «не выходит за рамки морфологии» (см. выше). Стоит ли говорить о том, что в «рамках» морфологии не может быть и речи вообще о какой-либо синтаксической конструкции.

Нам кажется, что причина всех этих противоречий в недостаточной изученности связи конституирующих компонентов предикативного словосочетания. Обратимся к фактам.

Как мы уже отмечали выше, исследователи всю связь именных и глагольных компонентов предикативного словосочетания в абхазском языке сводят к согласованию в лице, числе и классе. После проведенного выше краткого описания имени с точки зрения наличия или отсутствия в нем морфологических форм лица, класса и числа, легко заметить, что категория лица в связи компонентов, структурной основы предложения не может быть предопределена соответствующей морфологической формой имени по той простой причине, что оно (имя) не обладает морфологически этой категорией (исключения см. выше). Форма лица не может быть предопределена также и глагольным компонентом, поскольку он (глагол) обладает способностью изменяться по всем трем лицам и ему безразлично, какая из его трех личных форм будет использована в связи. Возможно, лицо продиктовано семантикой именного компонента? Это явление в действительности имеет место в тех случаях, когда позицию субъектно-объектных компонентов занимают личные местоимения. В таком случае лицо в связи предопределяется лексической семантикой субъектного (и объектного) компонента. Личному местоимению – субъекту определенного лица (и объекту) должна соответствовать форма того же лица глагола-предиката, в котором она (категория лица) получает свое морфологическое выражение в личных префиксах: *сара сцэажэоит* – «Я разговариваю»; *уара (м) у-цэажэоит* – «Ты (м.) разговариваешь»; *бара б-цэажэоит* – «Ты (ж.) разговариваешь».

Другие же имена не имеют значения лица и в своей лексической семантике. Это видно хотя бы из того, что имена в предикативной синтагме в позиции субъекта (и объекта) могут быть использованы со значением различных лиц. При наличии же в лексической семантике имени значения определенного лица (как

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 548.

² Л.П. Чкадуа. Указ. Работ, стр. 77.

³ Арн. Чикобава. Указ. Работа, стр. 130.

⁴ М.М. Циколия. Указ. Работа, стр. 357.

это имеет место в личных местоимениях) возможность использования его в значении различных лиц исключалась бы.

Однако надо учитывать одно внеязыковое обстоятельство в данном случае. Дело в том, что по объективному внеязыковому положению имена класса вещей не могут быть ни говорящими, ни адресатами; в предложении может идти лишь речь о них (за исключением случаев персонификации) и, соответственно, как правило, в информации они выступают со значением третьего лица. Например: *аеы ашҭаҭы и-гылоуп* – «конь стоит во дворе»; *и-рҭиуеит ашәкәы* – «книга продается».

Имена же класса человека в зависимости от того, кого они обозначают в речи – говорящего, адресата или не участвующего в речи, могут выступать со значением всех трех лиц:

<i>Ахәыцқәа х-цеит</i>	«Дети (мы) пошли»,
<i>Ахәыцқәа шә-цеит</i>	«Дети (вы) пошли»
<i>Ахәыцқәа и-цеит</i>	«Дети (они) пошли»,
<i>Зегьы х-цеит</i>	«Все (мы) ушли»,
<i>Зегьы шә-цеит</i>	«Все (вы) ушли»,
<i>Зегьы и-цеит</i>	«Все (они) ушли».

Иасон Соломон-иҭа ихацәа ханыкәыңшлак... зегьы х-ааикәтәон (М. А., «Ааҭын мш. раан», 19) – «Заметив Ясона Соломоновича, все (мы) мгновенно успокаивались»; *Ҝнак ахәыцқәа х-аиманы амхырҭа аҭны х-аакылсит* (М. А., «Ааҭын мш. раан», 19) – «Однажды дети (мы) вместе пришли на ниву»; *Акоммунистцәеи акомҭареидгыла иалази х-аизеит* (М. А. «Ааҭын мш. раан», 156) – «Собрались коммунисты и комсомольцы (мы)»; *Астудентцәа зегьы х-аизеит атеатр аҭны* (М. А.) – «Студенты все (мы) собрались в театре»; *Ҝнак ашкол аҭны – хҭатәкәа ханрылга, аҭаҭцәа хшәырақәа хазкәынҭа хәңшәмартәкәа рахь х-цон* (М. А.) – «Однажды после уроков ученики (мы) с сумками на спине шли по своим домам»; *Арҭыс уажәақәа уаарызхәыц* (Б. Шь.) – «Парень, обдумай свои слова».

Бывают случаи, когда для конкретизации значения лица именного компонента рядом с ним используется личное местоимение. Однако случаи эти редки в абхазском языке ввиду того, что субъектно-объектные лица достаточно четко фиксируются в предикате соответствующими личными формантами.

Как видно из вышеизложенного, синтаксическое лицо субъектного (и объектного) компонента может предопределяться:

Лексической семантикой именного компонента:

<i>сара ашкол ахь с-цоит</i>	«Я иду в школу»,
<i>уара ашкол ахь у-цоит</i>	«Ты (м.) идешь...»,
<i>иара ашкол ахь д-цоит</i>	«Он идет в школу».

Морфологической (личной) формой именного компонента:

<i>х-ҭыҭыагы х-цеит ашкол ахь</i>	«Мы двое пошли в школу»,
<i>шә-ҭыҭыагы шә-цеит ашкол ахь</i>	«Вы двое...»,
<i>р-ҭыҭыагы (и)-цеит ашкол ахь</i>	«Они двое...»,
<i>с-хатә с-цеит ашкол ахь</i>	«Я сам пошел в школу»,
<i>у-хатә у-цеит ашкол ахь</i>	«Ты (м) сам ...»,
<i>и-хатә д-цеит ашкол ахь</i>	«Он сам пошел в школу».

Позицией именного компонента в акте речи:

а) в позиции говорящего – первое лицо: *(Ахәыцқәа) х-цеит ашкол ахь* – «Дети (мы) пошли в школу»;

б) в позиции адресата – второе лицо: *(Ахәыцқәа) шә-цеит ашкол ахь* – «Дети (вы) пошли в школу»;

в) в позиции не участвующего в речи – третье лицо: *(Ахәыцқәа) (и)-цеит ашкол ахь* – «Дети (они) пошли в школу».

Синтаксическое лицо именных компонентов (субъектного и объектного) предикативного словосочетания получает преимущественно морфологическое выражение в предикате (личной формой глагола). В определенных случаях (при опущении личного форманта в предикате) лицо именного компонента выражается синтаксической оппозицией с другими морфологически выраженными нормами (1-го и 2-го) лица (т. е. само отсутствие личного форманта становится показателем третьего лица):

<i>ахәыцқәа х-тәоуп</i>	«дети (мы) сидим»,
<i>ахәыцқәа шә-тәоуп</i>	«дети (вы) сидите»,
<i>ахәыцқәа (и)-тәоуп</i>	«дети (они) сидят».

Во всех вышеизложенных случаях связь направлена от именных компонентов (субъекта и объекта) к глагольному (компоненту).

Возникает вопрос, исчерпали ли мы вышеприведенным описанием всю связь компонентов предикативного словосочетания в абхазском языке? Положительный ответ вызывают следующие два вопроса:

1. Как осуществляется в этом случае различие субъекта и объекта в предикативном словосочетании (ведь вышеописанная связь в лице, числе и классе одинаково характерна и для субъектного и объектного компонентов)?

2. Как объяснить на основе односторонней связи наличие механизма эргативной конструкции в абхазском языке?

Языковые факты убеждают нас в том, что связь компонентов структурной основы предложения в лице, числе и классе с направлением ее от именных компонентов к глагольному представляет собой лишь одну сторону сложных синтаксических взаимоотношений, которые устанавливаются между этими компонентами.

Другая, не менее существенная сторона связи увязывается непосредственно с глагольным компонентом (предикатом). Формальная и функциональная оппозиция субъектно-объектных отношений основывается именно на оппозиции переходности и непереходности глагола-предиката.

Дело в том, что субъектный и объектный компоненты предикативного словосочетания не имеют сами по себе формальных различий ввиду отсутствия склонения в абхазском языке. Различаются же они позиционной и функциональной (в определенных случаях и формальной) оппозицией личных аффиксов двух рядов: ряда **д** и ряда **л**, связанных по линии лица, числа и (в определенных случаях) класса с субъектным и объектным компонентами. А оппозиция двух рядов личных аффиксов коррелируется переходностью и непереходностью глагола-предиката. Так, переходный глагол-предикат требует:

1. обозначения субъекта аффиксами ряда **л** и постановки их на позицию непосредственно перед своей основой (при сложно-составной основе – внутрь основы); обозначения ближай-

шего объекта аффиксами ряда **д** и постановки их на первую (от начала слова) позицию:

<i>Сара ахэычы д-с-аазоит</i>	<i>«Я воспитываю ребенка»</i>
<i>Уара ахэычы д-у-аазоит</i>	<i>«Ты (м.) воспитываешь ребенка»</i>
<i>Бара ахэычы д-б-аазоит</i>	<i>«Ты (ж.) воспитываешь ребенка»</i>
<i>Иара ахэычы д-и-аазоит</i>	<i>«Он воспитывает ребенка»</i>
<i>Лара ахэычы д-л-аазоит</i>	<i>«Она воспитывает ребенка»</i>
<i>Хара ахэычы д-х-аазоит</i>	<i>«Мы воспитываем ребенка»</i>
<i>Шэара ахэычы д-шэ-аазоит</i>	<i>«Вы воспитываете ребенка»</i>
<i>Дара ахэычы д-р-аазоит</i>	<i>«Они воспитывают ребенка»</i>

Непереходный же глагол требует:

1. обозначения субъекта аффиксами ряда **д** и постановки их на первую позицию;

2. обозначения объекта (косвенного) аффиксами ряда **л** и постановки их на вторую позицию: Сара уара с-у-ацэажэоит – «Я с тобою говорю»; Иара лара д-л-ацэажэ-оит – «Он с ней говорит».

Следовательно, в предикативном словосочетании противопоставляются субъект предложения переходного (эргативного) строя и субъект предложения непереходного (абсолютного) строя. Субъект предложения переходного строя обозначается аффиксами ряда **л** и занимает вторую позицию, субъект же предложения непереходного строя обозначается аффиксами ряда **д** и занимает первую позицию. Ближайший объект обозначается теми же аффиксами, что и субъект предложения непереходного строя (аффиксами ряда **д**) и занимает ту же позицию (первую), что субъект предложения того же непереходного строя.

Как легко заметить, для обозначения субъекта используются два ряда личных аффиксов с соответствующими им позициями, для обозначения же ближайшего объекта – один ряд (ряд **д**), ряд субъекта предложения непереходного строя.

Таким образом, двум падежам субъекта в языках эргативного строя (абсолютному и эргативному) соответствуют два ряда личных аффиксов с соответствующими им позициями в предложениях переходного и непереходного строя; одному падежу ближай-

шего объекта и субъекта предложения абсолютного строя – один ряд личных аффиксов (ряд *д*). Перед нами полный механизм эргативного строя предложения. Различие наблюдается лишь в форме выражения.

Далее относительно того мнения, что «эргативная конструкция в абхазском языке не выходит за рамки морфологии»¹. Данное положение, утвердившееся в специальной литературе, порождено неразграничением некоторыми авторами морфологических и синтаксических явлений.

Нельзя отождествлять функцию личных формантов двух рядов в структуре глагола как морфологической единицы с их функцией в структуре предикативного словосочетания как единицы уровня предложения. В морфологии мы еще не касаемся отношений между словами. Тут глагол и его формоизменение рассматриваются в парадигматической оппозиции, а отношения между компонентами словосочетания рассматриваются в синтагматическом ряду. И, естественно, субъектно-объектные форманты в структуре предикативного словосочетания увязываются непосредственно с субъектно-объектными отношениями. Интересно отметить тот факт, что в специальной литературе рядом сосуществуют два противоположных мнения.

Согласно первому, известному уже нам положению, «эргативная конструкция в абхазском языке не выходит за рамки морфологии», согласно же второму – в абхазском языке личные аффиксы двух рядов выполняют функцию падежей². Стоит ли утверждать тот факт, что падежные функции проявляются лишь на уровне синтаксиса и что, выполняя падежные функции, субъектно-объектные аффиксы одновременно вступают уже в область синтаксиса.

Все вышеизложенное неминуемо приводит нас к очень важному выводу о том, что механизм эргативной конструкции предложения в абхазском языке получает свою четкую реализацию

¹ К.В. Ломтатидзе. Категория переходности в абхазском глаголе. Изв. ИЯ-ИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 1–29; ее же. Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка. Сообщения АН ГССР, т. III, 4, 1942, стр. 389.

² М.М. Циколия. Указ. работа, стр. 357.

именно на уровне синтаксиса в строе предикативного словосочетания.

Совершенно иное дело тот факт, что возможность этой реализации заложена в спряжении переходного глагола, что подмечено Арн. Чикобава (см. выше).

Как видно из всего вышеизложенного относительно связи, между компонентами структурной основы предложения (субъектом-объектом, с одной стороны, и предикатом – другой) в абхазском языке устанавливается двусторонняя соподчинительная связь¹.

Для более или менее полной квалификации описываемой связи мы должны охарактеризовать ее и со стороны функции. Этой стороны вопроса мы уже частично касались в связи с эргативной конструкцией.

Функция описываемой связи сводится к выражению субъектно-объектных отношений между конституирующими компонентами структурной основы предложения.

В специальной литературе встречается мнение, согласно которому в абхазском языке в определенных случаях субъектно-объектные отношения выражаются фиксированной позицией соответствующих именных и глагольных компонентов². Следует сразу же отметить, что компоненты структурной основы предложения в абхазском языке ни при каких случаях не имеют строго фиксированной позиции. Затруднение в различии субъекта и объекта действительно имеет место в том случае, когда субъектный и объектный аффиксы совпадают в лице, числе и классе: *Миха Темыр д-и-ацэажэоит* – «Миха разговаривает с Темыром»; *Ауаса абга и-а-феит* – «Овцу волк съел».

Однако нельзя категорически утверждать, что вся функция субъектно-объектных различий выполняется позицией соответствующих компонентов.

Дело в том, что, во-первых, субъектно-объектные аффиксы и в данном случае занимают свои законные фиксированные пози-

¹ Ш.К. Аристава. Подлежащее. Сборник материалов по абхазскому языку, стр. 29.

² М.М. Циколия. Указ. работа, стр. 357–358.

ции (различаются они даже и материально: **д-и, и-а**); во-вторых, субъектный и объектный компоненты и в данном случае не имеют строго фиксированной позиции. Одинаково естественно для языка употребление субъекта на первой позиции, объекта – на второй и наоборот.

В случаях, когда субъект и объект относятся к классу вещей даже более естественным становится препозитивная позиция объекта: *Ауаса абга иафеит* – «Овцу волк съел»; *Акаты ахшь иагеит* – «Курцу тетеревику унес»; *Хажэ абга иафеит* – «Нашу корову волк съел».

В аналогичных случаях некоторую роль играет и необратимость самого реального процесса: овцу, корову и т. д. может съесть волк, но не может быть обратного случая.

Для уточнения субъекта в описываемых случаях может быть использован контекст или логическое ударение: *Ахэыцы Алиас д-и-аагеит* – «Ребенка Алиас вырастил»; *Аб аңа д-и-шьит* – «Отца сын убил», *Апан Есыф ахак д-аа-и-ңхьан, дад, уара ууара сгэаңхеит ихэан чара ду уны иңха диитгеит* («Аңс. л.») – «Попа Иосифа вызвал к себе царь и сказал ему, что он ему понравился, сыграл свадьбу и выдал ему свою дочь (царевну)»; *Бағааза дани инаркны иаб бзиа дииаагеит* («Аңс. л.») – «Багуазу с детства хорошо воспитал (его) отец»; *Абрагэы дыркара ах ауаа ишьтеийгеит* («Аңс. л.») – «Царь послал погоню за абреком, чтобы поймать его»; *Ари лыңкэын иара бзиа дибомызт...* («Аңс. л.») – «Ее сына он недолго любил»; *Аңкэын иан данңсы иабңса.. тың иимтэ, дииаңауа далагеит* («Аңс. л.») – «Мальчика, после смерти его матери, отчим стал ругать».

Ясно одно: позиция субъекта и объекта в описываемых случаях не является строго фиксированной. Поэтому порядок слов не может, естественно, брать на себя полностью функцию различения субъекта и объекта.

Функцию связи компонентов предикативного словосочетания нельзя рассматривать в отрыве от категории предикативности. Изучение в связи с этим связи в непредикативных словосочетаниях показало, что связь компонентов структурной основы предложения в формальном отношении полностью воспроизводится и в некоторых непредикативных словосочетаниях.

Примером могут служить деепричастные конструкции. Дело в том, что деепричастие в абхазском языке наряду с другими глагольными признаками обладает и субъектно-объектным спряжением. В деепричастных конструкциях, в которых деепричастие играет роль организующего центра, могут быть и субъектный, и объектный компоненты. Отношения между всеми тремя компонентами (субъектом, объектом и деепричастием) конструкции выражаются теми же двумя рядами классно-личных аффиксов: *Сара уара с-у-аңэаңэо...* – «Я, разговаривая с тобой»; *Аңафы ашэңкэы д-а-ңхьо...* – «Ученик, читая книгу...»; *Аңгэы ахэынаң и-а-лахэмаруа...* – «Кошка, играя с мышью...» и т. д.

Однако полное воспроизведение связи и соответствующих отношений в деепричастных конструкциях, как это видно из примеров, не дает категории предикативности, что вызвано отсутствием в них (деепричастных конструкциях) модальных отношений. Деепричастие, как в морфологическом, так и синтаксическом планах не различает модальных отношений: оно не обладает грамматическими категориями времени и наклонения.

Может ли данный факт послужить основанием для вывода о том, что предикативность может формироваться без субъектно-объектных отношений, без соподчинительной связи, что мы описали выше.

Изучение материалов с этой точки зрения методом эксперимента показало, что для предложений определенной структуры (субъектно-объектного строя), составляющих в языке абсолютное большинство, исключение связи и, соответственно, субъектно-объектных отношений неминуемо ведет к разрушению структурной основы предложения и категории предикативности. Например: *Сара сфыза с-и-аңэаңэоит* – «Я со своим товарищем разговариваю»; *сара сфыза ;и-и-аңэаңэоит*; *сара сфыза ;аңэ-аңэоит*.

Как видно, частичное (во втором варианте) и полное (в третьем) удаление связи одинаково ведет к разрушению субъектно-объектных отношений и структурной основы предложения вместе со своим грамматическим значением предикативности.

Однако это положение нельзя распространить на предложения с однокомпонентной основой типа: *Шеит* – «Рассвело», *Халеит*

– «*Стемнело*», *Хьтәоуп* – «*Холодно*», *Зынроуп* – «*Зима (есть)*», *Аапынроуп* – «*Весна (есть)*» и др.

Приведенный тип предложений, как видно из примеров, – бес-
субъектно-объектной однокомпонентной структуры. Здесь, есте-
ственно, нельзя вести речь о субъектно-объектных отношениях и
соответствующей связи, поскольку нет ни субъектного, ни объект-
ного компонентов. Структурную основу составляет один глаголь-
ный компонент, обладающий как морфологически, так и синтакси-
чески категориями времени и наклонения.

Семантика аналогичной структурной основы предложения со-
относится с действительностью непосредственно, минуя субъект-
но-объектные отношения.

Однако отсутствие субъектно-объектных отношений и соот-
ветствующей связи не равняется полному отсутствию синтаксиче-
ского лица в данных типах предложений. Дело в том, что из трех
актов речи говорящий, адресат и неучаствующий, предложения
однокомпонентной структуры занимают третий акт – неучаствую-
щий в речи, что равняется синтаксическому третьему лицу. Таким
образом, в контекстуально-необусловленной позиции семантика
аналогичных предложений ясно понимается как не относящаяся
ни к первому, ни ко второму лицу, а, значит, как относящаяся к тре-
тьему лицу. Этот факт не дает нам права говорить об абсолютном
отсутствии в предложениях подобной структуры субъектно-объ-
ектных отношений. Понятия объекта и предиката в данном случае
как бы слиты в одном компоненте-предикате.

Учитывая вышеприведенные моменты, можно сделать вывод
о том, что субъектно-объектные отношения и соответствующая
связь относятся к числу необходимых, но не единственных при-
знаков категории предикативности. Они образуют категорию пре-
дикативности в сочетании с модальными отношениями.

Теперь несколько слов о названии вышеизложенной связи. Из
сказанного ясно, что сложные синтаксические взаимоотношения,
устанавливающиеся между компонентами структурной основы
предложения, отличаются в формальном и функциональном отно-
шениях от связи согласования.

В специальной литературе встречаются случаи обозначения
аналогичной связи такими терминами, как «координация»¹, «со-
пряжение»², «предикативная связь»³ и др. Однако нет еще обще-
принятого термина. Это, видимо, объясняется тем, что связь эта по
характеру и форме своего выражения проявляет значительные
различия в разных языках. Объединяющей чертой этой связи (в
разных языках) может быть лишь функциональная сторона – вы-
ражение субъектно-объектных отношений и участие в формиро-
вании предикативности. Исходя из последней особенности, из-за
неимения более подходящего термина, учитывающего и харак-
тер, и функцию связи, связь эту в абхазском языке мы назовем
условно вслед за А. М. Мухиным предикативной.

Связь между субъектом и предикатом

Связь между субъектом и предикатом осуществляется двумя
рядами классно-личных префиксов. Употребление того или иного
ряда непосредственно связано с переходностью и непереходно-
стью глагола-предиката.

Связь между субъектом и непереходным глаголом-предикатом

Непереходный глагол-предикат может быть одноличным, двух-
личным и трехличным. Во всех этих случаях связь между субъек-
том и предикатом идентична. Поэтому нет необходимости рассма-
тривать каждый из этих случаев в отдельности.

Между субъектом и предикатом устанавливается связь в лице,
числе и (в определенных случаях) классе. Причем формы выраже-
ния этих категорий различны в субъектном и предикатном компо-
нентах. В предикате категории лица, числа и класса выражаются
синкретически посредством личных префиксов ряда **д**, в субъект-
ном же компоненте они имеют различные формы выражения.

¹ Арн. Чикобава. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тби-
лиси, 1968 (на грузинском языке); И.П. Распопов. Указ. работа.

² Г.А. Золотова. Указ. работа.

³ А.М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968.

Категория лица в связи субъекта с предикатом

Между субъектом и предикатом всегда налична синтаксическая связь в лице, которая может быть предопределена семантикой, категориальной формой лица или синтаксической позицией субъектного компонента.

Предопределение лица семантикой субъектного компонента имеет место в том случае, когда субъект выражен словом, семантическим значением которого является значение лица. К таким словам относятся, например, личные местоимения.

С субъектом, выраженным личным местоимением первого лица, согласуется предикат в первом лице:

<i>Сара с-цэажэоит</i>	«Я разговариваю»
<i>Хара х-цэажэоит</i>	«Мы разговариваем»

С субъектом, выраженным личным местоимением второго лица, согласуется предикат во втором лице:

<i>Уара у-цэажэоит</i>	– «Ты (м.) разговариваешь»
<i>Бара б-цэажэоит</i>	– «Ты (ж.) разговариваешь»
<i>Шэара шэ-цэажэоит</i>	– «Вы разговариваете»

С субъектом, выраженным личным местоимением третьего лица, предикат согласуется в третьем лице:

<i>Иара (лара) д-цэажэоит</i>	– «Он (она) разговаривает»
<i>Дара (и)-цэажэоит</i>	– «Они разговаривают»

Сашэа мхэакэа са с-аанҕасуам (Б.Шь.) – «Не допев свою песню, я не перестану петь»; *Лыңсатҕа бзиахааит, рыцҕа, лара айахэартҕа д-ыкоуп, сара амцхэартҕа с-ыкоуп* (И.П.) «Царство ей небесное, она там, где правду говорят, а я здесь, где неправду говорят»; *Уара у-еихабун, иара д-еицбыз* (Б.Шь.) – «Ты старше, пусть он будет младше».

Предопределение синтаксического лица категориальной формой лица субъектного компонента имеет место в том случае, когда субъект выражен словом, обладающим морфологической формой лица. Этот случай имеет наименьшее распространение в абхазском языке из-за отсутствия морфологической категории лица в именах.

К словам, обладающим морфологической категорией лица можно отнести, например, определительные местоимения: *с-хатҕа, у-хатҕа, б-хатҕа, и-хатҕа, л-хатҕа, х-хатҕа, шэ-хатҕа, р-хатҕа*; собирательные числительные с притяжательными личными префиксами: *х-фыцҕагы, шэ-фыцҕагы, р-фыцҕагы*:

<i>Шэ-фыцҕагы шэ-цеит</i>	– «Вдвоем (вы) пошли»
<i>С-хатҕа с-лацэажэеит</i>	– «Сам (я) с ней поговорил»
<i>У-хатҕа у-ца!</i>	– «Сам (ты) иди!»

Предопределение лица синтаксической позицией субъектного компонента имеет место во всех многочисленных случаях, когда субъект выражен словами, не обладающими ни семантическим, ни морфологическим значением лица. Синтаксическое же значение лица они приобретают в словосочетании, оказавшись в позиции говорящего (первое лицо), собеседника (второе лицо) или неучаствующего в речи (третье лицо). Во всех этих случаях синтаксическое лицо не получает морфологического выражения в субъектном компоненте, в предикате же оно обозначается посредством субъектных префиксов.

К словам, приобретающим значение определенного синтаксического лица в словосочетании (особенно предикативном), относятся имена существительные (собственные и нарицательные), имена прилагательные, указательные местоимения, инфинитная форма глагола, различные словосочетания с предметным значением и др.

При этом следует отметить, что слова с семантическим значением класса вещей не могут выступать в силу своей семантики в позиции говорящего или собеседника. Они встречаются, как правило, в позиции неучаствующего в речи, т. е. выступают со значением третьего синтаксического лица. Слова же с семантикой класса человека могут встречаться во всех трех позициях, т. е. в позиции говорящего, собеседника и неучаствующего в речи.

Уаҕхьа с-гылоуп, абар, абрагь Шьаруан (Б.Шь.) «Вот стою я, абрек-Шаруан, перед тобой!»; *Ҷнак ахэыцкэа хайманы амхарҕаҕы хааит* (М.Х.) – «Однажды дети (мы) пришли вместе на ниву»; *Акоммунистҕаеи акомҕар еидгыла иалази х-аизеит* (М.Х.) – «Коммунисты и комсомоль-

цы (мы) собрались»; *Арҭыс уажәақәа у-аарызхәыц* (Б.Шь.) «Парень, обдумай свои слова»; *Д-неиуеит Хацъарат агаҭа давалан* (Б.Шь.) «Идет Хаджарат по набережной»; *Шарҭазык Алиас Торҭанраа рҭы д-ааит* (Д.Гә.) – «Однажды ранним утром Алиас пришел к Торкану домой»; *Арҭыс д-ныџналт асасаиртҭа захьзыз* (Б.Шь.) – «Какой-то парень вошел в гостиную»; *Ҫуафык агәашә д-аадхылеит* (Б.Шь.) «Какой-то всадник подскочил к воротам»; *Инацшызар, абна и-аалҭеит мшәи, бгадуи, бгахәыци* (Б.Ш.) «Из лесу вышли медведь, волк и лиса»; *Уи д-аадәылҭит дыццаккы, Агәашә шыҭоу ихы рханы* (Б.Ш.) «Тот вышел впопыхах, направляясь к воротам»; *Алиас у-оума? Уааишь арахь!* (Д. Г.) «Это ты, Алиас? Заходи, пожалуйста!»; *И-нхон хҭеишьцәа* («Аҭс. л.») «Жили три брата»; *Абык ихылҭыз х-ҭеишьцәа х-аҭан* («Аҭс. л.») «Были (мы) пятеро братьев»; *Абас ахра иалиааз ахра еиҭш ды-гәгәоуп...* (Б.Ш.) – «Рожденный скалой тверд как скала»; *Уала ихцәаз д-ыхцәазеит, гала ихцәаз деиҭаанхеит* (Пословица) – «Разоренный врагом ожил снова, разоренный родней разорен навсегда»; *Ацәгьа зхәыцуа цәгьала д-иасуеит* (Поговорка) – «Злоумышленник умерает в муках»; *Иааиз ашә д-асуа д-алагеит* (И.П.) – «Пришедший стал стучаться в двери»; *Са исыкәыршаны итәаз рыхқәа рықәыжьны и-зырҭуан* (А.Г.) – «Сидевшие вокруг меня, опустив головы, слушали».

Как видно из последних примеров, в позиции субъекта нередко выступает инфинитная конструкция. Внутри такой конструкции могут быть выражены различные субъектно-объектные личные отношения (*Сара и-с-ыкәыршаны итәаз...*). Однако эти внутриконструктивные личные отношения не вступают в связь с предикатом непосредственно. Инфинитная конструкция в позиции субъекта субстантивируется, приобретает значение предметности и одновременно значение определенного синтаксического лица. Последнее, т. е. позиционное синтаксическое лицо инфинитной конструкции, не получает морфологического выражения в самой конструкции, она обозначается лишь в глаголе-предикате соответствующим личным префиксом (примеры смотри выше).

Как видно из вышеизложенного, морфологическое выражение значения синтаксического лица субъектного компонента предикативного словосочетания в самом субъектном компоненте не характерно для абхазского языка.

А как обстоит дело с выражением синтаксического субъектного лица в предикате?

Синтаксическое субъектное лицо, независимо от морфологической выраженности или невыраженности в самом субъектном компоненте, всегда получает свое обозначение в предикате. Оно обозначается в предикате как глагольной, так и именной основы простой, сложной и составной структуры. Причем в предикатах непереходной глагольной и именной основы синтаксическое субъектное лицо обозначается префиксами ряда **д**.

<i>сара с-цәажәоит</i>	«Я разговариваю»
<i>уара у-цәажәоит</i>	«Ты (м.) разговариваешь»
<i>бара б-цәажәоит</i>	«Ты (ж.) разговариваешь»
<i>иара д-цәажәоит</i>	«Он (м.) разговаривает»
<i>лара д-цәажәоит</i>	«Она (ж.) разговаривает»
<i>ҳара х-цәажәоит</i>	«Мы разговариваем»
<i>шәара шә-цәажәоит</i>	«Вы разговариваете»
<i>дара (и)-цәажәоит</i>	«Они разговаривают»
<i>сара с-хәычуп</i>	«Я маленький»
<i>уара у-хәычуп</i>	«Ты (м.) маленький»
<i>бара б-хәычуп</i>	«Ты (ж.) маленькая»
<i>иара д-хәычуп</i>	«Он маленький»
<i>лара д-хәычуп</i>	«Она маленькая»
<i>ҳара х-хәычқәоуп</i>	«Мы маленькие»
<i>шәара шә-хәычқәоуп</i>	«Вы маленькие»
<i>дара (и)-хәычқәоуп</i>	«Они маленькие»
<i>сара ашәахәара с-алагеит</i>	«Я начал петь»
<i>уара ашәахәара у-алагеит</i>	«Ты (м.) начал петь»
<i>бара ашәахәара б-алагеит</i>	«Ты (ж.) начала петь»
<i>иара ашәахәара д-алагеит</i>	«Он начал петь»
<i>лара ашәахәара д-алагеит</i>	«Она начала петь»
<i>ҳара ашәахәара х-алагеит</i>	«Мы начали петь»
<i>шәара ашәахәара шә-алагеит</i>	«Вы начали петь»
<i>дара ашәахәара и-алагеит</i>	«Они начали петь»

<i>сара с-ырѣаф бзиоуп</i>	«Я хороший учитель»
<i>уара у-рѣаф бзиоуп</i>	«Ты (м.) хороший учитель»
<i>бара б-ырѣаф бзиоуп</i>	«Ты (ж.) хорошая учительница»
<i>иара д-ырѣаф бзиоуп</i>	«Он хороший учитель»
<i>лара д-ырѣаф бзиоуп</i>	«Она хорошая учительница»
<i>ҳара ҥ-арѣафцаа бзиақәоуп</i>	«Мы хорошие учителя»
<i>шәара шә-ырѣафцаа бзиақәоуп</i>	«Вы хорошие учителя»
<i>дара и-рѣафцаа бзиақәоуп</i>	«Они хорошие учителя»

В составном глагольном предикате синтаксическое субъектное лицо обозначается обычно в вспомогательной части, однако в определенных случаях оно может обозначаться в основной и вспомогательной частях или в одной основной части. (Это зависит от того, чем выражены основная и вспомогательная части).

Есма ацәажәара д-алагеит (Д.Г.э) – «Эсма стала разговаривать»; *Уара асѣаҕья у-смацәхар қалон* (И.П.) – «Ты мог не ругать меня так крепко»; *Сара абра цьаранза с-неир с-таҳуп* (Д. Гә.) – «Я хочу пойти куда-то».

Субъектное лицо обозначается обычно в вспомогательной части и при именном составном предикате. Однако в определенных случаях оно может обозначаться в обеих частях или лишь в основной части.

Уи ацьар қаңшь еидгыла мазаныкәафыс д-амоуп («Алашара») «Тот является секретарем Общества Красного Креста»; *Мазлоу иҕамчы налхыкьан д-лаха д-аашьтахеит* («Аҕс. л.») – «Мазлоу ударил ее плетью, и она превратилась в собаку»; *Уртқәа зегьы башоуп, уи дуаф қьйоуп* («Аҕс. л.») – «Это все ни к чему, он добрый, честный человек».

Категория класса в связи субъекта с предикатом

Категория класса в связи субъекта с предикатом реализуется лишь во втором и третьем лицах единственного числа. В первом лице единственного числа и во всех лицах множественного числа категория класса не получает своей реализации. Причем в субъектном компоненте (как и в объектном) предикативного словосоче-

тания не имеет места морфологически выраженная оппозиция по классам. Тут различие по классам носит преимущественно семантический характер. Это связано с тем, что семантическое деление имен по классам не получает в них морфологического выражения в форме единственного числа. Оно не имеет регулярного выражения и в форме множественного числа имен, так как и тут нет специальных формантов для выражения категории класса. Суффиксы же множественного числа, использующиеся в этой функции, не образуют регулярной оппозиции по классам. И при наличии морфологического различия имен по классам во множественном числе исключалась бы связь субъекта с предикатом в классе, поскольку предикат во множественном числе (по субъектному и объектному лицам) не различает классов.

Таким образом, говоря о связи субъекта с предикатом в классе, мы можем иметь в виду лишь морфологическое обозначение семантического различия субъектных компонентов по классам в предикате с соответствующими классно-личными префиксами. Если субъект выражен именем или другим субстантивированным словом (или словосочетанием, инфинитной конструкцией) с семантикой класса вещей, то в предикате он (субъект) получает соответствующее морфологическое обозначение.

Акармаҕыс абжьи ҳаракны и-шаахәоит – «Соловей громко поет»; *Лыхцәы ңиқа шыкьыруа лызқәа и-қәын* (И.П.) – «Косы ее пышные лежали на спине»; *Иан изыкалҕаз иуапа кьаф и-царшәуп* (Б.Ш.) – «Лежит под ним короткая бурка, приготовленная матерью»; *Амра амшын и-нзаалеит* (С.Ч.) – «Солнце опустилось в море»; *Афнқәа и-рыфналеит маҕҕас агәырға* (Б.Шь.) – «Пошло по дворам, словно змея, горе».

Если же субъект выражен словом с семантикой класса человека, то в предикате он получает соответствующее морфологическое обозначение.

Ара д-ыҕам атәы, д-ыҕам ағар (Б.Шь.) – «Здесь нет раба, нет бедного»; *Торқангы д-фагылан, ажәжәахәа аееилахәара д-аҕын* (Д.Г.э) – «Торкан встал и в попыхах стал одеваться»; *Уахсит иақәңоз уаха илымшо д-ааҕсан, д-каҳаит* (Н.С.) – «Боровшийся с Уахситом устал и упал»; *Азыршы иацәшәаз амца д-ақәңалт* (Поговорка) – «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь»; *Ауаа иреицәоу ауаа*

д-ырхыччоит (Поговорка) – «Тот, кто хуже всех, смеется над всеми»; Уи шәаңхьа д-тәоуп (С.Ч.) – «Тот сидит перед вами»; Уара у-цәажәоит – «Ты(м.)разговариваешь»; Бара ашәкәы б-аңхьоит – «Ты (ж.) читаешь книгу».

Категория числа в связи субъекта с предикатом

Между субъектом и предикатом устанавливается связь в числе. Связь в числе, как правило, морфологически маркирована в обоих компонентах. В предикате она выражается вместе с лицом и классом субъектными личными префиксами, в субъектном же компоненте форма множественного числа выражена суффиксами **-қәа, -цәа, -аа//раа**, форма единственного числа маркируется нулевым формантом. Связь в числе всегда направлена от субъектного компонента к предикату, т. е. она предопределяется категориальной формой числа субъектного компонента.

Акьаф д-фамзеит, ау д-ымлакаит (Поговорка) – «Короткий не достал, высокий не нагнул»; И-шәтит раңхьа ахәаса (Б.Шь.) – «Расцвела сначала алыча»; Абзацәа х-ақәзааит, аңсцәа (и)-бзахоит (Б.Шь.) – «Живые (мы) исчезнем, мертвые воскреснут»; Икәша инатәалон ахәыцқәа гәырғайдә... (Б.Шь.) – «Вокруг него рассаживались радостно дети».

Предикат согласуется с субъектом в форме собирательности во множественном числе.

Гәыңфык ауаажәлар «Метрополь» ашәахь рәаа-р-хеит (И.П.) – «Группа людей направилась (направились) к дверям «Метрополя»; Афар асоцеицлабра еиҕы-р-кааит – «Молодежь организовала (организовали) соцсоревнование»; Аңь амҕа ауаа еицә-ажәо и-тәан (И.П.) – «У дуба сидел (сидели) народ, беседа».

Бывают случаи, когда число в субъектном компоненте не маркировано. И в таких случаях семантическое значение числа субъектного компонента получает свое морфологическое выражение в предикате.

Афыҕагы астал иахатәаны... айтәы аҕара и-аҕын (И.П.) «Оба, сидя за столом, учили задание»; Ҧыҕа (и)-чкәынцәан, азәы д-ызгабын («Алашара») – «Двое были парни, одна была девушка»;

Иааиз ашә д-асуа д-алагеит (И.П.) – «Пришедший стал стучаться в дверь»; Айла (и)-гылоуп рыңсы заны (Б.Шь.) – «Деревья (дерево) стоят, притаившись»; Азыршы иацәшәаз амца д-ақәҕалт (Поговорка) – «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь»; Ашьыж ишьацәхныслаз шьыбжьаанза д-шьацәхныслоит (Пословица) – «Споткнувшийся утром, спотыкается до обеда»; И-неибарччеит астал иахатәаз (И.П.) – «Засмеялись сидевшие за столом»; Абилет змаз иҕысны ашәахь рҕына-р-хеит (И.П.) – «Имевшие билеты двинулись к дверям».

Связь между субъектом и переходным глаголом-предикатом

Вышеописанная связь между субъектом и непереходным глаголом-предикатом в лице, числе и классе воспроизводится полностью и в данном случае. И поэтому здесь нет надобности повторять ее. Мы остановимся лишь на различии, заключающемся в средствах выражения этой связи.

Связь субъекта с переходным глаголом-предикатом в лице, число и классе обозначается в предикате классно-личными префиксами ряда **л**. Причем дифференциация класса человека на подкласс мужчин и подкласс женщин происходит как во втором, так и третьем лицах единственного числа.

Зина и-л-уантҕоит аҕкы – «Зина гладит платье»; Алиас ахәыцы д-и-аазоит – «Алиас воспитывает ребенка»; Уара ашәкәы ҕыц аа-у-хәеит – «Ты (м.) купил новую книгу»; Бара аҕафы ил-б-ырҕоит, аңхьара – «Ты (ж.) учишь ученицу читать»; Уара д-у-бама нас хатәала? – «Ты сам увидел его самого?»; Сеибашьуазтҕы сабҕьар нкыла, Сыңсадгьыл ду са и-сыхьчон, Ашьа азка-с-тәон Аңсынтәыла, Схатәы бызшәа са и-сыхьчон (Б.Шь.) – «Воюя с винтовкой в руках, я защищал свою великую Родину, за Абхазию я кровь проливал, защищал я свой родной язык»; Бара быцә, нан, урт зегы бара гәырҕас иҕа-б-ымҕан! (Д.Гә.) – «Ты, родная, спи, за все это ты не переживай!»; Урт и-р-фоит акәац, акәтыж... (Б.Шь.) – «Они (те) едят мясо, курятину»; Иуиаауа аанда уале-и-шшуеит (Пословица) – «Победитель твой приплетет тебя к забору».

Связь между ближайшим объектом и предикатом

Ближайший объект возможен лишь при переходном глаголе предикате. Между ближайшим объектом и предикатом устанавливается также связь в лице, числе и классе. В объектном компоненте связь эта выражается точно так же, как в субъектном компоненте. В предикате же связь с ближайшим объектом обозначается личными объектными префиксами ряда **д**, занимающими всегда первую позицию. Связь направлена от ближайшего объекта к предикату. Объектное лицо предиката может быть predetermined:

1) семантикой объектного компонента: *Сара уи аҭаҭмада с-иаазахьан* («Аҭс. л.») – «*Меня воспитал тот старик*»; *Ҳара аҭшәма ҳ-неиҭхьеит аҭныҭа* – «*Нас пригласил хозяин в дом*»;

2) синтаксической позицией (говорящего, адресата и неучаствующего в речи) объектного компонента: *Мез данындәылҭ Леуарса д-ибеит* (И.П.) – «*Мез, когда вышел из дому, увидел Леуарсу*»; *Ҷнагә уаҭа д-рыдыркылт* (М.Л.) – «*Ҷнагуа там приняли*»; *Ҳанашә дытҭәаны д-ыргеит наҭ нхыҭҭа асакҭа* (М.Л.) – «*Ханашва, полонив его, забрали по ту сторону садзы*»; *Бзиала уаабеит, улеи арахь!* – *иҭәан игылаз аҭныҭа д-ааиҭхьеит* (М.Л.) – «*Добро пожаловать! – сказал он и пригласил в дом стоявшего*»; *Днаигәыҭасны д-ааирҭыхеит ахара здыз* (М.Л.) – «*Толкнул и разбудил он обвиняемого*»; *Астудентцәа сынтәа чаихыхра ҳдәықәырҭоит* «*Студентов (нас) в этом году посылают на сбор чая*»;

3) морфологической формой лица объектного компонента: *Ухатә у-сшьуеит* – «*Тебя самого убью*»; *Ҳыҭыагы заагара ҳ-дәықәырҭеит* – «*Нас обоих послали по воду*».

Семантическим различием объектных компонентов по классам predetermined также класс предиката (по объекту): *Сара д-саазеит ахәычы* – «*Я воспитал ребенка*»; *Зина и-лаазеит асыс* – «*Зина вырастила ягненка*»; *Сыеггы хамтас иара истоит* («Алашара») – «*Я ему подарю и своего коня*»; *И-аагишь арахь скамчы!* – (М.Л.) «*Принеси-ка сюда мою плеть*».

Связь ближайшего объекта с предикатом в числе predetermined определяется категориальной формой числа объектного компонента.

Ҳасасцәа акрыҭәҭаны и-шьтәшәҭа... (М.Л.) – «*Накормите и уложите наших гостей*»; *Ақәын имакәан дылтәҭшын и-ааҭихт*

иҭшзаза иҭаз шәҭәык (М.Л.) – «*Мальчик открыл сумку и вытащил одну красивую книгу*»; *Ҳрач асасцәа и-ныхәеит, Леуарса д-иныхәеит разнала ичаҭаз аҭаҭхьала* (И.П.) – «*Ҳрач поднял тост за здоровье гостей и Леуарсы*»; *Аҭаҭмада Цыгә Ҳанашә.... Ашәшьыра дыҭатәаны аҭәҭеимаакәа (и)-изахуан* – «*Старик Цыгу Ханаш, сидя в тени, шил чувяки*».

Связь между косвенным (лично-относительным) объектом и предикатом

Предикат вступает в связь в лице, числе и классе и с косвенным объектом. Причем эта связь и в данном случае направлена от косвенного объекта к предикату и может быть predetermined категориальной формой, семантикой или синтаксической позицией объектного компонента. В этом отношении косвенный объект не обнаруживает никаких отличий от ближайшего объекта. Различие обнаруживается лишь в обозначении связи в предикате. Косвенный объект возможен лишь при полиперсональном переходном глаголе-предикате или при трехличном переходном глаголе-предикате. В обоих случаях связь в предикате обозначается объектными аффиксами ряда **л**. Причем, как показали последние исследования К. В. Ломтатидзе, объектные аффиксы ряда **л** подразделяются на префиксы ряда **л** с аффиксом косвенного отношения и префиксы ряда **л** без аффикса косвенного отношения¹.

<i>Уара сара у-са-цәажәоит</i>	« <i>Ты (м.) разговариваешь со мной</i> »
<i>Сара уара с- уа-цәажәоит</i>	« <i>Я разговариваю с тобой (м.)</i> »
<i>Сара бара с-ба-цәажәоит</i>	« <i>Я разговариваю с тобой (ж.)</i> »
<i>Сара иара с-иа-цәажәоит</i>	« <i>Я с ним разговариваю</i> »
<i>Сара лара с-ла-цәажәоит</i>	« <i>Я с ней разговариваю</i> »
<i>Сара шәара с-шә-а-цәажәоит</i>	« <i>Я с вами разговариваю</i> »
<i>Сара дара с-ра-цәажәоит</i>	« <i>Я с ними разговариваю</i> »

¹ К.В. Ломтатидзе. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков, I. Фонологическая система и фонетические процессы (на грузинском языке, резюме на русском). Изд. «Мецниереба». Тбилиси, 1976, стр. 90 и сл.

<i>Сара уара и-у-сырkit ашәкәы</i>	«Я тебе (м.) передал книгу»
<i>Сара бара и-б-сырkit ашәкәы</i>	«Я тебе (ж.) передал книгу»
<i>Сара лара и-л-сырkit ашәкәы</i>	«Я ей передал книгу»
<i>Сара иара и-и-сырkit ашәкәы</i>	«Я ему передал книгу» и т. д.

Как это отмечено в специальной литературе, бывают случаи, когда формант косвенного объекта в предикате заменяется превербом-основой¹. Это бывает при объекте (косвенном) в форме единственного числа, во множественном же числе формант косвенного объекта в предикате восстанавливается.

Сара ақарда сы-қә-тәеит – «Я сел на табуретку», но: *Сара ақардақәа с-р-ықә-тәеит* – «Я сел на табуретки».

Преверб, заменяющий объектный формант, в этих случаях связан с объектом локально-пространственным значением.

Сара афны сыфналеит – «Я вошел в дом»; *Миха ағба дтәлеит* – «Миха сел (вошел) на пароход»; *Ашәарыцаф ашьха дхалеит* – «Охотник поднялся (взобрался) на гору».

Как видно из примеров, связь объекта с предикатом в этих случаях носит двойкий характер. В форме множественного числа объект связан с предикатом, как это бывает обычно, категориями лица и числа. В форме же единственного числа объект примыкает к предикату локальнопространственной семантикой. Причем употребление того или иного преверба-основы предопределяется семантикой объекта.

Сравним: *Ашьха с-ха-леит* – «Я взобрался на гору», но: *Азы с-тә-леит* – «Я вошел в воду»; *Ақды с-ықә-тәеит* – «Я сел на бревно», но: *Акабина с-тә-тәеит* – «Я сел в кабину».

Таким образом, связь и в данном случае направлена от объекта к предикату.

Естественно, удаление из предложения объекта вместе с обусловливаемым им превербом-основой вызывает разрушение структурной основы. Это говорит о том, что косвенный объект и в данном случае остается конституирующим компонентом структурной основы предложения.

¹ К.В. Ломтатидзе. К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке. ИКЯ, т. IV. Тбилиси, 1953, стр. 125.

Словосочетание

Словосочетание – это конструкция, образующаяся на основе подчинительных связей: согласование, управление (координация) и примыкание. Оно состоит из двух и более самостоятельных слов, между которыми устанавливаются определительные, обстоятельственные, субъектно-объектные и другие отношения. Этими отношениями выражаются соответствующие синтаксические значения. В составе словосочетания выделяются компонент стержневой (подчиняющий) и компонент зависимый. Стержневым компонентом является грамматически главенствующее слово, своими лексико-грамматическими свойствами предопределяющее связь с зависимым компонентом.

В зависимости от того, какое слово является стержневым словосочетания делятся на глагольные, именные и наречные. В глагольных словосочетаниях глаголу подчиняются имена, местоимения, числительные, наречие: *ажь атәара* – «сбор винограда», *атәтын аитәхара* – «посадка табака», *амхы атәгалара* – «сбор урожая», *иара иацәажәара* – «говорить с ним», *лара лабжьара* – «дать ей советы», *хара ацара* – «идти далеко», *хыхь ахалара* – «подняться вверх» и т.д.

В именных словосочетаниях имени существительному подчиняются существительное, прилагательное, местоимение, числительное: *аб иуана* – «бурка отца», *ан лысаби* – «ребенок матери», *ақам ашьапы* – «ножка стула», *абырфын кассы* – «шелковая косынка», *аласа қалқад* – «шерстяные носки», *ахьтәы мацәаз* – «золотое кольцо», *сара сышәкәы* – «моя книга», *бара бфыза* – «твоя подруга», *ажәабатәи ашкол* – «десятая школа», *афны еихагыла* – «многоэтажный дом»...

В наречных словосочетаниях наречиям подчиняются наречия: *даара хара ацара* – «идти очень далеко», *мыцхәы ирласны ацәажәара* – «слишком быстро говорить»...

По своему составу словосочетания могут быть простым, сложным и составным. Простое словосочетание строится на основе одной синтаксической связи с одним главенствующим словом. Например, *ашәкәы ғыц* – «новая книга», *ацых лашьца* – «темная

ночь», актәи акласс – «первый класс», афны ҳарак – «высотный дом».

Сложное словосочетание строится на основе двух и более видов связи: ауастацаа идыргылаз афны җыц – «новый дом, построенный строителями», аїафы иааихааз ашәкәкәа – «книги, купленные учеником», сара сҗыза истәз ашәкәы – «книга, переданная мною другу»...

Составное или комбинированное словосочетание строится на основе связей, исходящих от разных стержневых слов: иаахәаны сҗыза истәз ашәкәы – «книгу, купив которую я передал другу», амшәгәкәа раан ихыҗыз азкәа – «реки, разлившиеся в дни дождливой погоды», алашәрыцакәа иїдыркәаз ажәа – «заяц, вытравленный охотничьими собаками».

Словосочетание может быть свободным и несвободным. В свободном словосочетании полностью сохраняются лексические значения входящих в него слов: ашкол ахь ацара – «идти в школу», ахәычы иаазара – «воспитание ребенка», ашәкәы аахәара – «купить книгу». В несвободных словосочетаниях лексическое значение одного из компонентов затемнено или совсем утрачено. Такое словосочетание приравнивается к отдельному составу: игәы ңжәеит – «сильно разволновался (букв. сердце разорвалось)», иңсахы еибакит – «разнервничал», илахь еикәуп – «он грустный». Такие словосочетания предметом грамматики не являются. Например: рыңсы еихәлоуп – «они душа в душу», иг иҗы иахәом – «не может сказать чего ему надо (что ему надо рот не может сказать)».

Свободное словосочетание имеет свое формоизменение (кроме наречных). Оно изменяется по формам составляющих его компонентов. Позиционное словосочетание имеет некоторую специфику. Управляющее слово в данном случае, не изменяется, если относится к классу вещей и предшествует определяемому. Однако семантически оно принимает форму определяемого слова: ахахәтә фны – ахахәтә фынкәа – «каменный дом – каменные дома (каменный дома)»; ахьтәы мацәаз – ахьтәы мацәазкәа – «золотое кольцо – золотые кольца (золотое кольца)». Компоненты словосочетания согласуются в числе, если они относятся к классу

человека: аїаф бзиа – аїафцәа бзиақәа – «хороший ученик – хорошие ученики»; аҗыза бзиа – аҗызцәа бзиақәа – «хороший друг – хорошие друзья». Морфологически согласование в классе не происходит в виду того, что имя прилагательное не изменяется по классам. Семантически в данном случае мы имеем согласование в классе. Словосочетание изменяется и по другим именным формам: ахьтәы саат – ахьтәы саатк, ахьтәы саатс, сыхьтәы сааткәа «золотые часы – ...».

Схема изменения позиционных словосочетаний

ахьтәы саат	аҗыза бзиа
ахьтәы саатк	җыза бзиақ
сыхьтәы саат	сҗыза бзиа
ахьтәы сааткәа	аҗызцәа бзиақәа

Глагольные словосочетания тоже имеют свою специфику. Например, в словосочетании сара сзацәажәо аїафы – «ученик, с которым я разговариваю» позицию глагола занимает инфинитная форма, в которой субъект обозначен субъектным формантом **С**, а косвенный объект – относительным местоимением **И**, который не обозначает ни лица, ни числа, ни класса. Поэтому глагольная инфинитная форма не меняется по этим категориям:

сара с-з-ацәажәо аїафы, аїафцәа	«ученик (ученики), с которым(и) я разговариваю
уара у-з-ацәажәо аїафы, аїафцәа	«ученик (ученики), с которым(и) ты (м) разговариваешь
бара б-з-ацәажәо аїафы, аїафцәа	«ученик (ученики), с которым(и) ты (ж) разговариваешь
иара д-з-ацәажәо аїафы, аїафцәа	«ученик (ученики), с которым(и) он (м) разговаривает
лара д-з-ацәажәо аїафы, аїафцәа	«ученик (ученики), с которым(и) она (ж) разговаривает
ҳара җ-з-ацәажәо аїафы, аїафцәа	«ученик (ученики), с которым(и) мы разговариваем
шәара шә-з-ацәажәо аїафы, аїафцәа	«ученик (ученики), с которым(и) вы разговариваете

дара (и)-зацэажо аїафы, аїафцэа «ученик (ученики), с которым(и) они разговаривают

В глагольном словосочетании с двухличной переходной инфинитной формой глагола не имеем формоизменения по лицу прямого объекта:

сара и-аа-с-хээз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги, которую купил я»
уара и-аа-у-хээз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги, которые купил ты»
бара и-аа-б-хээз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги, которые купила ты»
иара и-аа-и-хээз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги, которые купил он»
лара и-аа-л-хээз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги, которые купила она»
ҳара и-аа-ҳ-хээз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги, которые купили мы»
шәара и-аа-шә-хээз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги, которые купили вы»
дара и-аа-р-хээз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги, которые купили они»

В глагольном словосочетании с трехличным переходным глаголом инфинитной формы, не имеет формоизменения по лицу прямого объекта:

сара уара и-у-с-тәз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги которые я тебе (м) дал»
сара бара и-бы-с-тәз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги которые я тебе (ж) дал»
сара иара и-с-тәз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги которые я ему дал»
сара лара и-лы-с-тәз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги которые я ей дал»
сара шәара и-шәы-с-тәз ашәкәы, ашәкәқәа	«книга, книги которые я вам дал»

сара дара и-рыстәз ашәкәы, ашәкәқәа «книга, книги которые я им дал»

Если позицию глагольного компонента занимает одноличный глагол инфинитной формы, мы не имеем формоизменения по субъектному лицу:

ашкол ахь ицо	сара	я	в школу идут	он	вы они
	уара	ты (м)		он	
	бара	ты (ж)		она	
	иара	она		мы	
	лара	мы			
	ҳара				
	шәара				
	дара				

Словосочетание, с одной стороны, имеет общие черты со словом и предложения, с другой стороны, отличается от них.

Как и слово, словосочетание может выступить в функции члена предложения; не имеет значение предикативности; не имеет интонации предложения.

В отличие от слова свободное словосочетание состоит не менее из двух самостоятельных слов:

Словосочетание в предложении

Словосочетание в предложении может занимать самые различные позиции: позицию главных членов предложения и позицию распространителей предложения. В позиции главного члена предложения часто выступает словосочетание (инфинитная конструкция) в пословицах и поговорках: акы згыз игыз идьруан, фба згыз игыз издыруамызт – «Тот, кто имел один недостаток, знал о своем недостатке, а тот, кто имел два недостатка, не знал о своих недостатках»; азыршы иацәшәаз амца дақәңалт – «Тот, кто испугался горячей воды, прыгнул в огонь»; амшә иакыз «дад» ихәеит – «Тот, кого медведь поймал «дад» сказал»; аїлақәа ирхыңшы абна зымбаз дифызахеит – «Он стал подобен тому, кто

за деревьями не увидел леса»; *аибашьра иақәымшәац дхәйа гәгәоуп* – «Кто не был на войне считает себя героем»; *ахәа зшьыз атыша итәиҳәалеит* – «Тот, кто убил кабана (дикого) бросил в пропасть»; *ајәуашьа ззымдырыз ихы ңеит* – «Кто не умел плакать (оплакивать покойника), тот разбил свою голову»; *аңхәыс бааңсы азафы уганы азы умыржәкәа уаалгоит* – «Злая женщина поведет тебя к речке и не дав напиток вернет обратно»; *ахы зымјарјаз алымҳа ифеит* – «Кому подали голову уши поел».

Словосочетание в позиции ближайшего объекта: *аеы иақәымтәац аеы дканамыжьцт* – «Кто не ездил на коне, тот с коня не падал»; *зңа дымңсыц, уңа диумырјәуан* – «Не дай оплакать своего сына, тому, кто не знает подобного горя (у кого сын не умирал)»; *иагханы иааз хазы идыртәоит* – «Тех кто опоздал, сажают отдельно»; *еиқәа зшьамыз зеиқәа кылјәаз дихыччон* – «Безштанник смеялся над тем, у кого штаны дырявые».

Словосочетание в позиции дополнения: *ңәара уск иахнагаз рыда зегъы аизарафы икан* – «Кроме тех, кто по каким-то делам отсутствовал, все были на собрании»; *аңша гәгәа шақа иасуаз ала идырит амиш шыцәгъахоз* – «По усилившемуся ветру он понял, что погода изменится».

Словосочетание в позиции определения: *зан иацымныкәаз аејыс абга иафеит* – «жеребенок, оторвавшегося от матери, волк съел»; *ғашәа змамыз ала ахафы шьала итәын* – «у голодного пса морда полна крови»; *атәкәажә икәнылшьаз арбағъ, абга иагеит* – «не признанного старушкой петуха, лиса забрала».

Словосочетания в позиции обстоятельств: обстоятельство образа действия: *Алаф шырхәоз, ишыччоз атәтынрыңхра иналагеит* (Н.Х.) – «Шутя, смеясь, они приступили к низке табака»; *Ихы иқәыжьны дышцоз ала, акы дшазхәыцуаз удырратәы икан* (Н.Х.) – «По тому как он шел опустив голову, можно было догадаться, что он о чем-то думает»; *Езыгә ииҳәаз ңәашьаны инаңшы-ааңшит, ишырзеилымкааз удырратәы* (Н.Х.) – «По тому как от слов Езыгу они удивленно переглянулись, можно было догадаться, что они не поняли (его)».

Словосочетание в позиции определения: *Агәыла-азла еилы-хо афатәкајара ианафыз, иара дазхәыцуан, афатә рхианы астол*

ианаахатәалак икалараны икоу (И.П.) – «Соседи пока готовили еду, он думал, приготовив еду, когда они сядут за стол, что должно было случиться»; *Мыкыч дычкәынан иахәшьа Катиа атырқәа Махмет данигоз* (И.П.) – «Мыкыч был молод, когда его сестру Катю забрал в жены турок Махмет»; *Дигәа иңи инапи анизәзәа, афынду ахь ифынеихеит* (И.П.) – «Дигуа, когда умылся, направился в большой дом».

Словосочетание может выступить в предложении и с другими синтаксическими функциями.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

В настоящее время в теоретической литературе, посвященной проблемам синтаксиса, окончательно не установлено определение предложения, однако уже определены основные его признаки. Предложение (как минимальная синтаксическая единица речи информации) должно обладать синтаксическими категориями времени и наклонения, которые вместе с категорией синтаксического лица образуют абстрактный образец – структурную схему – предикативность. Предикативность – это основное синтаксическое значение предложения, вне предикативности нет предложения.

Предикативная основа простого предложения Категория модальности

Несмотря на серьезное внимание, уделяемое специалистами категории модальности, как одному из определяющих признаков предложения, многие вопросы, связанные с ней, все еще остаются не до конца решенными. Так, например, нет еще единства мнений о значениях, объединяемых этой категорией. Одни специалисты категорию модальности рассматривают в широком плане, включая в нее такие явления, как различие предложений по целевой установке речи, значения утверждения – отрицания, реальности – ирреальности, необходимости – возможности и др.¹ Подразде-

¹ См.; В.В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Института русского языка, т.2. М.–Л., 1950, стр. 41; В.Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 164; Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976, стр. 180.

ляют модальность на внутреннюю и внешнюю. Внешнюю, в свою очередь, подразделяют на внешнюю модальность I типа и внешнюю модальность II типа.¹

Другие же объемы категории модальности ограничивают более узкими рамками².

Так, говоря о таком широком понимании модальности, В. З. Панфилов пишет: «При таком подходе категория модальности становится весьма аморфной, по существу в нее попадают все языковые явления, которые по тем или иным причинам не находят места среди других грамматических или лексико-грамматических категорий³». Он считает «бесспорно модальными два типа значений: объективный (антологический) и субъективный (пресуазивный)». «Первая из них отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые. Вторая выражает оценку со стороны говорящего степени познавательности этих связей, т. е. она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности⁴».

Мы придерживаемся последнего определения модальности и деления ее на объективную и субъективную.

Объективная модальность

Объективная модальность организуется противопоставлением синтаксического индикатива синтаксическим ирреальным наклонениям. Морфологическим средством выражения объективной модальности является наклонения глагола.

¹ Л.С. Ермолаева. Типология системы наклонения в современных германских языках, ВЯ, 1977, 4, стр. 97.

² Г.А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 140.

³ В.З. Панфилов. Категория модальности и ее роль и конституировании структуры предложения и суждения, ВЯ, 1977, 4, стр. 47.

⁴ В.З. Панфилов. Категория модальности и ее роль и конституировании структуры предложения и суждения, ВЯ, 1977, 4, стр. 47.

Синтаксический индикатив

Синтаксический индикатив устанавливает реальные отношения между содержанием предложения и действительностью, утверждает во всех случаях и формах его употребления факт соответствия содержания предложения с действительностью. Синтаксический индикатив имеет положительную и отрицательную формы. В обоих случаях значение утверждения сохраняется.

Морфологическим средством выражения синтаксического индикатива является изъявительное наклонение глагола финитной семантики в формах временных. Изъявительное наклонение глагола инфинитной семантики здесь употребляется лишь в вопросительной форме.

Положительная форма

наст. вр.	– ахэычы дыцаом	«ребенок не засыпает»
аорист	– ахэычы дыцаеит	«ребенок заснул»
прош. несов.	– ахэычы дыцаон	«ребенок засыпал»
прош. неопред.	– ахэычы дыцаан	«ребенок спал»
давно прош.	– ахэычы дыцаахьеит	«ребенок уже спит»
предпрош.	– ахэычы дыцаахьян	«ребенок уже спал»
будущ. I	– ахэычы дыцаап	«ребенок заснет»
будущ. II	– ахэычы дыцаашт	«ребенок будет спать»

Отрицательная форма

наст. вр.	– ахэычы дыцаом	«ребенок не засыпает»
аорист	– ахэычы дмыцаеит	«ребенок не заснул»
прош. несов.	– ахэычы дыцаомызт	«ребенок не засыпал»
прош. неопред.	– ахэычы дмыцаазт	«ребенок не заснул»
давнопрош.	– ахэычы дмыцаацт	«ребенок еще не заснул»
пред.прош.	– ахэычы дмыцаацызт	«ребенок еще не заснул»
будущ. I	– ахэычы дмыцаап	«ребенок не заснет»
будущ. II	– ахэычы дмыцаашт	«ребенок еще не заснет»

Вопросительная форма

наст. вр.	– ахэычы дыцаома?	«ребенок спит?»
аорист	– ахэычы дыцаама?	«ребенок заснул?»

прош. несов.	– ахэычы дыцаозма?	«ребенок засыпал?»
прош. неопред.	– ахэычы дыцаазма?	«ребенок спал?»
давно прош.	– ахэычы дыцаахьоума?	«ребенок уже спит?»
пред.прош.	– ахэычы дыцаахьазма?	«ребенок уже спал?»
будущ. I	– ахэычы дыцаарыма?	«ребенок заснет ли?»
будущ. II	– ахэычы дыцаашама?	«ребенок будет ли спать?»

«Синтаксический индикатив выражается т.н. заглазной формой глагола, которая совмещает в себе значения объективной (индикативной) и субъективной модальности». Заглазная форма обозначает реальное действие с указанием степени осведомленности говорящего.

Самхацаазаап – «Оказывается я заснул, задремал»; Заур ашкол ахь дцазаап – «Заур, оказывается, пошел в школу»; Схэыцра даара инаскьазаап; Са снырхара башьтамзаап, Бнапқаа баша итатзаап, Амалазагы быңшзара уафы дажьоаап (Б.Шь.) – «Думы мои, оказывается, удалились, оказывается, ты обо мне не беспокоись, оказывается, ни к чему нежность твоих рук и красота твоя, оказывается, она обманчива»; Ырпынк ңикарц днавалазаап иахэызба хэычы кны, Дымшэыз ыыршыан баша ирхазаап араха ицэшэаны (Б.Шь.) – «Оказывается, он вышел, чтобы срубить свирель, приняв его за медведя, оказывается, напрасно испугалось стадо».

Заглазная форма индикатива не имеет отрицательного варианта (в синтаксическом образовании).

Синтаксический индикатив может быть выражен также формой конъюнктива с допускательным значением. В таком случае синтаксический индикатив сочетает в себе значения объективной и субъективной модальности. Субъективная модальность здесь связана со значением допущения с оттенком согласия.

Ахэычы ашкол ахь дцазааит – «Ребенок пусть пошел в школу»; Уеибганы уазааит (Ш.Ч.) – «Пусть ты вернулся невредимым»; Аригы збазааит (Ш.Ч.) – «Пусть я и это увидел»; Дылгахьазааит, са срыхьзоит (Ш.Ч.) – «Пусть она его (ч) забрала, я их догоню».

Синтаксический индикатив, выраженный формой конъюнктива, не имеет вопросительного варианта (в синтаксическом образовании).

Синтаксические ирреальные наклонения

Объединяющим значением всех синтаксических ирреальных наклонений является выражение ими объективно-модального значения ирреальности, которая мыслится как требуемое, возможное или желаемое.

Побудительное наклонение

Синтаксическое побудительное наклонение обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо. Это может быть повеление, повеление с оттенком пожелания, просьбы, требования и т.д. Временное значение побудительного наклонения направлено на осуществление чего-либо в реальном будущем: *Ашкол ахь уца!* – «Иди в школу!»; *Ашәкәы аахә!* – «Купи книгу!»; *Ахәыцбахча аҥнытә ахәычы даага* – «Приведи ребенка из детского сада!»

В синтаксическом побудительном наклонении значение побуждения является признаком несоответствия содержания предложения действительности. Побуждение вызвано стремлением говорящего привести в соответствие содержание предложения с действительностью. Объективно-модальное значение ирреальности здесь проявляется в виде побуждения.

Основными морфологическими средствами выражения синтаксической побудительной модальности является форма повелительного наклонения глагола. В этой функции используются также изъявительное наклонение глагола в первом лице множественного числа, формы сослагательного наклонения и желательного наклонений глагола и конъюнктив.

Форма повелительного наклонения

Уа сыхаара, салам умоун! Сара иахьа гәәҥрак сымоун. Сааит цуасхәарц сеиханы! Уааи са сышҥа улбааны! (Б.Шь.) – «Приветствую тебя, мой свет! Сегодня я очень обеспокоен, пришел посоветоваться с тобой, спустись на миг ко мне!»; *Сухәоит иахьа, сыуа мҭашьа,*

исырҥа нас ашәахәашьа! (Б.Шь.) – «Прошу тебя, мой приятель, научи меня петь!»; *Шәнеибац, шәнеибац, аҥсуаа рычкәынцәа!* – «Вперед, вперед, сыны Абхазии!» (Из народной песни).

Форма конъюнктива

Форма конъюнктива может быть использована для выражения объективной модальности.

Значение объективной модальности в ней связано с выражением повеления, которое может быть с некоторым оттенком просьбы увещевания или пожелания. В этом случае конъюнктив используется для выражения побудительной модальности предложения.

Для выражения побудительной модальности используется конъюнктив, образованный от чистой динамической основы глагола посредством суффикса **-ааит**. В качестве субъектного лица выступает третье (реже второе) лицо единственного и множественного числа. Форма конъюнктива в этом случае употребления имеет значение синтаксического будущего времени.

Аҥафы ашәкәы ааихәааит! – «Пусть ученик книгу купит!»; *Алиас аизарахь дцааит!* – «Пусть Алиас на собрание пойдет!»; *Ахаҥа ичхара учхарахааит, аҥхәыс лыгәагьра угәагьрахааит!* («Н.С.») – «Пусть ты будешь наделен мужским терпением и женской рискованностью!»; *Абри убас лахьынҥас имазааит: дгьыл харак аҥны ҥхәызбак длеилахааит, дхәаны дима дшаауа, амҭан амца неицраланы дыблааит...* («Н.С.») – «Пусть будет он наделен такой судьбой: пусть он влюбится в девушку той страны, сосватав ее, когда он отправится с ней домой, пусть он сгорит!»; *Ирхадмыршҭааит, ирхәалааит хабациа рашәа!* (С.Ч.) – «Пусть не забывают, пусть поют песни наших отцов!»

В редких случаях для выражения побудительного наклонения используется форма конъюнктива с первым субъектным лицом.

... *Саргьы издырааит уара угәаҥра, узхатаркыз атәы хәа...* (Б.Шь.) – «Пусть и я узнаю, скажи, по какому поводу тебя посадили!».

Форма будущего первого времени динамического глагола финитной семантики с первым субъектным лицом мн. (реже ед.) чис-

ла (с инклюзивным значением) может быть использована для выражения синтаксического побудительного наклонения.

Шэааи, иахъа атеатр ахъ ҳаап! – «Давайте, пойдем сегодня в театр!»; *Ҳнеип афныка!– Уағхъа сцом. Мап, уара умсит, икалом!* (Б.Шь.) – «Зайдем ко мне домой! Прошу пойти!»

Форма желательного наклонения глагола со вторым субъектным лицом может быть использована для выражения смягченного повеления.

В этом случае желательная форма используется для выражения побудительной модальности предложения.

Ҳаи дад, азы сырыжэганда («Ақс. ф. ам.») – «Дети мои, помогли бы мне перейти речку!»; *Уара афыжара шэафуп, астал хык нашэҗанда!* («Аеаршыцыларақәа реизга») – «Вы пьете вино, выбрали бы тамаду!»; *Абри агазет, усағхъанда!* – «Прочитал бы ты мне эту газету!»; *Афнынза унабжьысында!* – «Прошелся бы ты до дому!»; *Зык сбыржэында!* – «Подала бы ты мне (стакан) воды!»; *Сызҗаб аҗара сызлыҗанда!* (С.Ч.) – «Смог бы я дать образование своей дочери!»; *Арҗи сареи акы ҳаиңырнагандаз!* (С.Ч.) – «Не видеть бы их нам больше!».

Форма сослагательного наклонения глагола с первым субъектным лицом может быть использована для выражения синтаксического побудительного наклонения.

Бара, абри аколнхара ҳалаларын! – «Вступим-ка мы в колхоз!»; *Аҳ икнынза сцарын!* («Ақс. л.») – «Пойду-ка я до царя!».

В редких случаях для выражения побудительного наклонения используется форма настоящего времени динамического глагола со вторым субъектным лицом.

Абарт ачкэынцэа афывхэа ртың афы иугоит! («Алаш.», 1972, 11, 20) – «Этих ребят ты (м.) быстренько до их места доведешь!»; *Ахэыққәа урыццоит. Уарха ақыта иналаргыланы ухынхәуеит. Ашара ухымзааит амала!...* («Алаш.», 1961, 2, 45) – «Пойдешь ты (м.) с детьми. Доведешь их до села Уарха и вернешься до рассвета!»

Во всех случаях своего выражения синтаксическое побудительное наклонение не имеет вопросительного варианта (в синтаксическом образовании).

Синтаксическое желательное наклонение

Синтаксическое желательное наклонение выражает желание говорящего, чтобы содержание предложения пришло в соответствие с действительностью. Желание это носит пассивный характер, т.е. от говорящего лица не чувствуется активности действия, в противоположность побудительному наклонению. Побудительному наклонению оно противопоставляется именно отсутствием в нем активного волеизъявления. Семантика желательного наклонения ирреальная.

Морфологическим средством его выражения является желательное наклонение глагола.

Сара абри ашәкәы иану здыруандаз! – «Знал бы я, что в этой книге написано»; *Ашәкәы сара исымандаз!* – «Имел бы я ту книгу!»; *Ари хзызуз дызустоу здыруандаз!* – «Знал бы я, кто так с нами поступил!»; *Арҗи хареи акы ҳаиңырнагандаз!* (С.Ч.) – «Развело бы нас с ними что-либо!»; *Сызҗаб аҗара сызлыҗанда!* (С.Ч.) – «Смог бы я дать образование своей дочери!»; *Убри зымшала дҗаркыз здыруандаз!* «Знал бы я, из-за кого его посадили!».

Синтаксическое желательное наклонение не имеет вопросительной формы выражения (в синтаксическом образовании).

Синтаксическое сослагательное наклонение

Синтаксическое сослагательное наклонение проявляется, как правило, в сложных синтаксических конструкциях. Это вызвано тем, что морфологическая сослагательная форма глагола, на которой оно основывается, имеет двойную временную ориентацию: на момент речи и на время действия глагола, выражающего условие, при котором могло бы осуществиться содержание сослагательной формы¹.

Синтаксическое сослагательное наклонение показывает, что содержание предложения при известных условиях могло бы осуществиться, но еще не осуществилось. И реальность его значения

¹ Л.П. Чкадуа. Система времен..., стр. 174.

обусловлена ирреальностью тех условий, при наличии которых оно могло бы осуществиться¹.

Леуан сишәырнатыр, аңхарагы афрагы сирҕарын! (Д.Гә.) – «Если Леуан крестил меня, он бы научил меня писать и читать!»; *Кәаста схәы аагара иатәаишьозар, инапала иааганы исиркрын!* (Д.Гә.) – «Если бы Костя позволял себе услужить мне, он доставил бы то мне сам!»

При синтаксическом сослагательном наклонении в позиции соотносительного компонента могут выступить желательная, условная и другие формы глагола инфинитивной семантики.

Сызҕаб аҕара сызлытанда, ҕынтәгы агәыргын схасҕарын! (Д.Гә.) – «Если бы я мог дать образование дочери, то я дважды бы принял крещение!»; *Уи дахьцаз Леуан идыррын* (Д.Гә.) – «Леуан бы знал, куда тот ушел».

Синтаксическое сослагательное наклонение может иметь и вопросительную форму выражения.

Аҕныка дцарызу? – «Пошел бы он (м.) домой?»; *Алыбеи сара иасзаашьтрызи?* (М.Л.) – «Почему бы мне прислал Алыбеи то?»; *Ашәкәы сымазар сзамыңхьарызи?* – «Если бы я имел книгу, почему бы не прочитал?».

Субъективная модальность

«Субъективный момент в ходе любого познавательного акта выражается в том, что говорящий оценивает достоверность формирующейся у него мысли о действительности» (Панфилов В.З.).

Субъективная модальность в абхазском языке формируется оппозицией форм простой, проблематической, категорической модальности.

Абхазский язык располагает широкими возможностями выражения субъективной модальности. Превалирующими способами ее выражения являются морфологический и аналитический. Основой же аналитического способа выражения является сочетание определенной знаменательной части предиката с специальными

вспомогательными глаголами. Из трех видов достоверности: простая, проблематическая и категорическая, простая не имеет специальных показателей и выражается в формах изъявительного наклонения глагола-сказуемого, сопровождаемого соответствующей интонацией.

Проблематическая достоверность

Проблематическая достоверность обозначает такую связь, при которой факт соответствия содержания предложения действительности с точки зрения говорящего носит возможный, вероятный характер. Для выражения проблематической достоверности широко используется заглазная форма глагола. Образуется она, как известно, присоединением к глагольной (или временной) основе суффиксов **-заап, -заарын**. Специфичность этой глагольной формы заключается в своеобразии ее семантики, объединяющей объективно-реальное значение со значением субъективно-проблематическим. Значение субъективной модальности, сочетающейся в этой глагольной форме с объективно-модальным значением, может быть переведено словом **«оказывается»**.

Арт зегы ахшара ссиркәа рымазаап, сынтәа абжьаратә школкәа ырылгозаап, аҕара рҕарц рҕахызаап, сара сырбарц рҕахижьтҕеи крааҕуазаап, аха сара агәлымҕ исзеилымкаазаап... (Ш.Ч.) – «Они все, оказывается, имеют прекрасных детей, все эти дети в этом году, оказывается, кончают школу и хотят учиться дальше, меня давно хотели увидеть, но я глупец об этом, оказывается, совсем и не знал»; *Схәыцра даара инаскьазаап, Са снырхара башьтамзаап, Бнапкәа баша итатазаап, Амалазагы быңшзазаап, Быңшзара ауаҕы дажьозаап* (Б.Шь.) – «Мечты мои, оказывается, напрасны, Обо мне, оказывается, не думаешь, руки твои, оказывается, напрасно мягки, ни к чему, оказывается, твоя красота, она, оказывается, подводит человека»; *Излархәо ала, дыҕазаарын Аңсны Абраскьыл захьзыз* (Д.Гә.) – «Как говорят, оказывается, жил в Абхазии Абраскил»; *Амҕаҕ тақәажәык аҕамчы кны дгылазаарын...* (Абх. с.) – «Оказывается, стояла на дороге какая-то старушка с плетью».

¹ Там же.

Проблематическая достоверность может быть выражена также аналитически. В этом случае к знаменательной части предиката прибавляются вспомогательные глаголы **акалара** – «**сделаться**», **акэхара** – «**становиться**». В качестве знаменательной части при данных вспомогательных глаголах выступает форма условного наклонения с суффиксом –р в будущем I-ом времени. Значение субъективной модальности, выражаемой этим сочетанием, может быть переведено как «**вероятно**», «**возможно**», «**может быть**».

Уи макъана дыцкэыноуп, снапэфы даазгар калап (И.П.) – «Он пока молод, возможно, я его возьму в свои руки»; *Икалал иаарласны рбышээкэа еибакыргыи* (И.П.) – «Возможно, они скоро поймут друг друга»; *Уахь хзымцар калап* (Д.Гэ.) – «Возможно, мы туда не сможем пойти»; *Алиас афны дыказар калап* – «Алиас, возможно, дома».

Вспомогательный глагол **акэхара** (от акэзаара), сочетающийся с условной формой **-зар**, выступает также в форме будущего I-го времени:

Ус баша дбызцаауазар акэхап (Д.Гэ.) – «Он тебя, возможно, просто так спрашивает»; *Уажэы арахь аддахы даадэылйуазар акэхап* (Д.Гэ.) – «Он, возможно, сейчас сюда во двор выйдет»; *Аңхэызба уара дуахэшъазар акэхап* (И.П.) «Девушка, видимо, доводится тебе сестрой».

Проблематическая достоверность нередко выражается предикатом из призрачной формы глагола и вспомогательной части. Значение проблематической достоверности выражается в знаменательной части предиката, объективно-модальное же значение вспомогательным глаголом.

...Цаса иибаз ажэфан еимкьара еихагы аеартбаауашэа ибеит (А.Г.) – «Ему показалось, что просвет в небе, замеченный, им раньше, еще больше расширился»; *Мыкэ ихы дфахан ажэфан днайаңшит: цъара ицэыллашэа икан* (А.Г.) – «Мыку поднял свою голову и посмотрел на небо: где-то там вроде просветлело»; *Санрыхээңшлос сгэы хъаауа, акы гэхъаазгошэа скалон* (Ф. Иск.) – «Когда я смотрел на них, мне казалось, вроде бы скучал о чем-то»; «Москвич» *хэычыкгыи схэхазшэа зуит* (Ш.Ч.) – «Я, вроде бы, купил маленький «Москвич»; *Саргыи сааччашэа зуит* (Ш.Ч.) – «И я вроде бы засмеялся»; *Урт тэанаңы хар имамшэа дыкан* (Дз.Д.) – «Пока они сидели, он вроде чувствовал

себя неплохо»; Сара сналыхэаччашэа касйеит... (Алаш.) – «Я вроде бы засмеялся»; *Саида зназы дааигэыргэеит атәхмада илирхаз ашэа, аха нас деикэшъыхаа, акы деикэнахэалазшэа даакалт* (И.П.) – «Саида сначала обрадовалась песне старика, но затем притихла, что-то вроде бы сковало ее».

Проблематическая модальность нередко передается прибавлением к вспомогательным глаголам, выступающим в сочетании с знаменательной частью в позиции предиката, суффиксов **-заап**, **-заарын**. Суффиксы **-заап**, **-заарын** в данном случае, как и в других случаях, не имеют лексического ограничения.

Сасрыкэа уара уакэзаап! (Аңс. л.) – «Сасрыкэа – это ты, оказываешься!»; *Бара баша бзиа баабозаарын, арахь бхэа дкыдцаланы дбымазаап* (Ш.Ч.) – «Ты, оказывается, не заслуживаешь нашей любви, оказывается, издеваешься над своим мужем»; *Уара зынза еадхэысс суңхэазозаап!* (И.П.) – «Ты, оказывается, считаешь меня глупцом!»; *Дара иарбанзаалакгыи... акы усс ырымхэазо икалазаарын* (Аңс. л.) – «Оказывается, они не считались ни с чем!»; *Апринцэкыагыи иара ихэынтқарраф инагзаны ихы дакэитны дзыкамлозаап* (А.Г.) – «Даже сам принц в своем государстве не имеет, оказывается, полной свободы»; *Уара, ииашан, чкэына шыахэзаап...* (А.Г.) – «Ты и в самом деле, оказывается, хороший парень»; *Шэара шэуафкыиайкэзаап...* (Алаш.) – «Вы в самом деле, оказывается, добрый человек!»; *Арт зегыи... айара рйарц ртахызаап...* (Ш.Ч.) – «Они все, оказывается, хотят учиться»; *Лхэычы данылба, айэуара далагазаап* – «Когда она увидела своего ребенка, оказывается, начала плакать»; *Хара аштэфы хангылаз, иара аеырхиара дафызаарын* – «Когда мы стояли во дворе, он, оказывается, готовился (собирался)».

Проблематическая достоверность может быть выражена и в сложных, синтаксических конструкциях. Это возможно в предложениях с условной инфинитной конструкцией.

Предикат в данном случае выражен сочетанием условной формы глагола на **-р**, **-зар** с вспомогательным глаголом **акалара** в форме изъявительного или сослагательного наклонения.

Арт ифызцаа бзиахэка... айэы илырхуа иалагар, иакэымк иамхахэар калоит (А.Г.) – «Если эти его дружки начнут подтрунивать над ним, он, возможно, обронит что-нибудь»; *Икаларын ус иаанижъ-*

заргы, Шьяаб дахьынхо ахаблахь уск иманы дықанамгалазтгы (Дж.А.) – «Он, возможно, так и оставил бы, если бы не появился по какому-то делу на том месте, где проживает Шааб»; Икаларын иңсы еивѣыхны еивѣаханы дналаңсаргы, убри аамтасы аписар даафнамшылазтгы (Дж.А.) – «Он, возможно, и задохнулся, если бы в этот момент не вошел (в комнату) писарь».

Категорическая достоверность

Категорическая достоверность обозначает такую связь, при которой факт соответствия или несоответствия содержания предложения действительности с точки зрения говорящего носит категорический характер.

Выражается она посредством включения в предикат различных частиц-аффиксов. Наибольшее употребление в этой функции имеют частицы **-цәкьа, ау**.

Аха зынза саб дсылѣуазаргы, уи ңысымкар зуѣкьом (А.Г.) – «Если даже отец откажется от меня, я все равно обязательно вырублю его (дерево)»; Саҗашымѣан, аха уи сара сахәартәѣкьам (А.Г.) – «Извините меня, я с этим действительно не справлюсь!»; Зны-зынла саб дызбайѣкьалоит ңхызла... (Алаш.) – «Иногда мне действительно снится отец»; Абри аазымхәо аңара имаѣкьам (Аңс. л.) – «У того, кто это не купит, действительно нет денег»; Уа аматәахә еизганы еикәыѣкьан (А.Г.) – «Там действительно лежал стройматериал»; Илзыңшыѣкьан афыцәа бзиақәа (А.Г.) – «Ждали ее действительно хорошие друзья»; Басиат даапкыѣкьеит, уафы дизнымкылт (А.Г.) – «Басиат действительно взбесился, никто не смог его удержать».

Частица **ау** всегда предшествует основе глагола. Часто для усиления значения достоверности она сопровождается аффиксом повторности **ж**.

Ажәфан ахтәи даулбаахыз, Дгьылцәангы даукахыз, Жәлары зегы шихахауаз, Иқәымхаи дызмышьтыз (И.К.) – «Не спустился же он с неба, не был же он богом земли, его кровопийцу настигло возмездие»; Амашьына шымоу сылахь иауаныху! (Алаш.) – «Не написано же у меня на лбу, что я имею машину!»; Аха дауцахуаз атәхмада,

– иара арахь дааиааит (ситәхызар хәа ах изицхит (Аңс. л.) – «Но не пошел туда старик, – Если я нужен царю, так пусть он сам пожалует ко мне, – сообщил старик царю»; Длышьтасын амацәаз аашьтыхны данлахааңш, иаулымдырхуаз (Аңс. л.) – «Когда она, подняв его, посмотрела на кольцо, узнала его (как было не узнать его)»; Ауха дауцәахуаз, цәгьала дыгәжәажәо иршеит (Аңс. л.) – «В ту ночь он не сомкнул глаз, дождался в муках утра».

Аффикс **х** иногда встречается в составе предиката самостоятельно с функцией подчеркивания значения достоверности. Глагол-предикат в этом случае выступает в вопросительной форме (но со значением риторического вопроса).

Ааи, дадхеит, знык сара уансңыхьашәа, урт удсырбахуама! (Дз.Д.) – «Раз ты попал ко мне, разве я выдам тебя им!»; Сара уахь сназышьтхуадаз... (Дз.Д.) – «Кто бы пустил меня туда!»; Ускан ақытан ахақьым дабакахыз (А.Г.) – «В то время в деревне не было врача (где можно было найти врача)».

Значение категоричности может быть выражено редко употребляемым в этой функции суффиксом **-тә (а)**.

Хаикәаѣыртә, хащңеикәаѣуеи, – ихәеит аколнхара ахантәафы (А.Г.) – «Не отстанем от него, как же отстать от него, – сказал председатель колхоза»; Кеи, цьушьт, атәтын сахартә!.. (Дз.Д.) – «Нет же, как же мне курить!»; Аскатәи милат ахькылсуа лхала дрыласцартә... (Ш.Ч.) – «Не пустить же мне ее туда, где собирается множество различных наций».

Значение категорической достоверности может быть выражено предикатом из сочетания условной формы и вспомогательного глагола **акәзаара «быть»**.

Вспомогательный глагол **акәзаара** в форме настоящего времени в этом сочетании нередко сливается с условной формой и дает будущее категорическое время¹.

Сара ашәкәы аасхәароуп – «Я обязательно куплю (должен купить) книгу»; Шьтарнахыс бцәажәалароуп иара иахьиахауа (М.Л.) – «С этих пор должна обязательно разговаривать при нем»; Амш шыбзиоу халшәыргароуп... (Б.Ш.) – «Пока погода позволяет, мы должны обя-

¹ Л.П. Чкадуа. Система времен... стр. 193.

зательно закончить то»; Хан-хаңсадгьыл хаңсахароуп, Ихалымшац халхаршароуп (Б.Шь.) – «Мы обязательно должны быть достойны матери родины, что еще не успели, обязательно должны успеть»; Сара, дад, абра сиит, абра саазеит, абра сагьсыроуп (И.П.) – «Я, дад, родился здесь, вырос здесь и должен умереть обязательно здесь».

Значение категоричности характерно и для предиката условно-целевой формы и вспомогательного глагола **аказаара**¹.

Дук мырџыкџа ақыта аизара карџарц икоуп (С.Ч.) – «На днях в селе должны обязательно созвать собрание»; Уаџџашьтахь хэылџазы даарц дыкоуп (Д. Гџ.) «Послезавтра вечером он обязательно должен приехать».

Простая, проблематическая и категорическая достоверности могут быть выражены и лексически, например, с помощью вводных слов и словосочетаний. Однако на этом способе выражения субъективной модальности мы здесь особо не останавливаемся.

Цабыргуп, џытџраамџак аколнхаџа русымџаџа ашџџа ианиџошџа-егьџуашџа дыкан... (Дз.Д.) – «Правда, некоторое время он вроде бы фиксировал работу колхозников...»; Цабыргны, ауаџшь дгьыл џыт-чытџк идкылашџа иман... (Дз.Д.) – «Правда вроде бы обрабатывал некоторую часть общественной земли...»; Ахџыџџа акыр ихџџхраит, аиашџзы, атџџын арашџареи арыџхрей рџы (Дз. Д.) – «Дети, правда, немного помогли нам в прополке и низке табака»; Хџарас иатџахузеи, уи аџа акынџа дазнагомызт... (Дз. Д.) – «Безусловно, это не хватило ему до нового урожая»; Ииашџџџаны, уи дахьынхо знык снеихьџеит (Ш. Ч.) – «В самом деле, я был у него дома раз»; Издыруада, амџа цџџа изымдыруазар? (Ш.Ч.) – «Возможно, он дорогу хорошо не знает?»; Изамџа снаџџџызар, иашџџџџаны, илыбџышџџа иџаланы иџон (Ш.Ч.) – «Взглянул я на него: в самом деле слезы текли у него по щекам»; Ездора ианынаидџыла, ирхианы ирымазар акџахарын, аџылгды неимџарџеит (А.Г.) – «Когда они подошли к Ездоре, видимо, заранее приготовили, подали ему лучший кусок мяса».

Лексически, с помощью модальных глаголов **алшара – «мочь», аџаххара – «желать», «намереваться»** и др. могут быть выражены такие значения, как **желание, намерение, возможность...**

¹ Там же, стр. 196.

Шџара ишџылышџит абартџ рахџара (Б.Шь.) – «Вы сможете их прогнать»; Иџегь иласны ихџргылозар хџалшон аџнџџа (Ш.Ч.) – «Мы могли еще быстрее строить дома»; Излабџџо ала, аџџџын аинститут дџаларџ иџахуп (Ш.Ч.) – «По твоим словам, парень хочет в институт поступить»; Иарбан факультету бызџаларџ ибџаху? «На какой факультет хочешь поступить?».

Категория времени

В формировании и выражении категории предикативности участвуют временные формы глагола с абсолютным временным значением, с непосредственной временной ориентацией на точку отсчета. Точка отсчета – это грамматический момент речи.

Глагол абхазского языка богат временными формами, представленными в двух вариантах:

1) временные формы глагола изъявительного наклонения финитной семантики;

2) временные формы глагола изъявительного наклонения инфинитной семантики.

Временные формы в первом варианте выступают с абсолютным временным значением и участвуют в формировании и выражении категории предикативности, временные же формы во втором варианте выступают с относительным временным значением и не участвуют в формировании и выражении категории предикативности.

Синтаксический индикатив представлен восьмью временными формами глаголов изъявительного наклонения финитной семантики, из которых: пять – прошедших, одна – настоящая и две формы будущего времени.

Все они характеризуются непосредственной ориентацией на грамматический момент речи и абсолютным временным значением¹.

¹ См. Л.П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских значениях, стр. 11 и след.

Синтаксический индикатив всегда получает свое морфологическое выражение в предикате в формах восьми вышеприведенных временных образований.

Синтаксическое настоящее время в синтаксическом индикативе получает свое морфологическое выражение в форме настоящего времени как статического, так и динамического глагола финитного образования. Форма настоящего времени глагола финитного образования всегда имеет непосредственную ориентацию на грамматический момент речи и выступает с абсолютным временным значением.

Предикат получает полное свое морфологическое оформление (в лице, времени, наклонении), и в том случае, когда он выражен именной основой.

Например:

Сара с-ыстудент-у-п – «Я студент» (букв. «Я студент есть»);
Алиас д-ышәкәыџ-у-п – «Алиас писатель» (писатель – есть);
Адгәыр д-џаџ-у-п – «Адгәыр ученик (ученик есть)»;
Ахра сара д-ысџызо-у-п – «Ахра мой друг (мой друг – есть)»;
Уареи сареи х-аикәла-цәо-у-п – «Мы с тобой (я и ты) ровесники (ровесники – есть)».

Этим случаем объясняется отсутствие в абхазском предложении морфологически неоформленного именного предиката.

Синтаксическое настоящее время в зависимости от контекста, ситуации и др. форм употребления может иметь значения настоящего актуального, неактуального, повествовательного, абстрактного (Л.П. Чкадуа).

Форма настоящего времени глагола инфинитной семантики ввиду относительности ее временного значения не используется для выражения синтаксического настоящего времени.

Синтаксическое прошедшее время в синтаксическом индикативе получает свое морфологическое выражение в пяти формах прошедшего времени глагола финитного образования, общим, объединяющим значением которых является выражение действия, предшествующего грамматическому моменту речи.

Форма аориста динамического глагола финитной семантики выступает с абсолютным временным значением с указанием завершенности действия.

Адәыгба цеит – «Ушел поезд»; *Алиас дтаркит* – «Алиаса посадили»; *Есма дымчазаџеит* «Эсма заболела»; *Шеит* – «Рассвело»; *Хәлеит* «Стемнело».

Аорист глагола инфинитной семантики не используется в предикате для обозначения синтаксического прошедшего времени.

Форма прошедшего несовершенного времени динамического глагола финитной семантики выступает с абсолютным временным значением безотносительно к пределу и результату действия.

Абас шаанза аб игәәкәуаз иџарпын, гызуан, агәәк ашәа наџ изџаџуаз *Абахәгы гәынкәуан* (Б.Шь.) – «Так до рассвета стонал ачарпын несчастного отца внемля звуку ачарпына стонала и сказала»; *Хьмур дзахуан, дсуан* (И.П.) – «Хьмур шила, кроила».

Форма прошедшего неопределенного времени динамических глаголов финитной семантики выступает с абсолютным временным значением, с указанием одновременно на завершенность действия и на последующее действие.

Указание на последующее действие является спецификой ее семантики в отличие от аориста. В употреблении эта специфика проявляется в том, что отсутствие в предложении последующего действия вызывает значение незавершенности семантики. Поэтому в предложении за предикатом, выраженным глаголом в форме прошедшего неопределенного времени, обязательно следует другой глагол в форме, обычно, аориста.

Тамел ашырхәа дџагылан аџны дындәылкәеит (И.П.) – «Тамел быстро встал и выбежал из дому»; *Анџица ҕымтзакәа дџагылан... азал д-ныџнысын... дындәылџит* (И.П.) – «Антица молча прошла через зал и вышла из дома».

Форма прошедшего неопределенного времени статических глаголов финитной семантики не имеет такого дополнительного значения указания на последующее действие и самостоятельно выступает в функции предиката.

Абрака икан Шьарифа, Селма, Уазамат (Д.Гә.) – «Тут были Шарифа, Селма, Уазамат»; *Аштә агәтә игылан тәәйла дук* (С.Ч.) – «В середине поляны стояло большое липовое дерево»; *Камачыц... аџны дыкамызт* (Д.Гә.) – «Камачич не было дома».

Форма давнопрошедшего времени глагола финитной семантики выступает с абсолютным временным значением предшеству-

ющего действия с указанием некоторой длины отрезка до момента речи, т.е. с указанием степени отдаленности от грамматического момента речи.

Адәыгба цахъеит – «Поезд уже ушел»; *Дамеи Мактина длышь-тҕыџхъеит* (И.П.) – «Дамей уже перестал ухаживать за Мактиной»; *Агъычра шхәартам уажәыгъы иузеилымкаацт* (Д.Гә.) – «Ты еще не понял, что воровать нехорошо».

Форма давнопрошедшего упреждающего времени употребляется с абсолютным временным значением с дополнительной относительной временной ориентацией. Причем значение дополнительной временной ориентации проявляется не в контексте, а заключено в самой временной форме глагола. Однако дополнительная относительная временная ориентация не мешает этой временной форме выступать самостоятельно в функции предиката.

Пшькәаҕ-иҕа Манча хайа иқарагъ крифахъан, ҕсра зқәым ахъз ирхәхъан («Аҕс.жәл.рп.») – «Пшкиач-ипа Манча-герой был уже в летах, и славою он уже гремел»; *Уи аҕхәыс ҕшьынқажәеи жәафык ауаа лыхшахъан* («Н.С.») – «Эта женщина родила уже 99 детей»; *Ишылашьцара илашьцахъан* (И.П.) – «Было уже темно»; *Амра жәхъан еиҕш ифеиҳъан, Цьырхуа ақытан азаза бахъан* (Б.Шь.) – «Солнце висело уже высоко, высохла уже роса в деревне Джирхва».

Синтаксическое будущее время получает свое морфологическое выражение в формах настоящего (в конситуативно обусловленной позиции) и двух формах будущего времени динамических глаголов финитной семантики.

Употребление формы настоящего времени динамического глагола финитной семантики для обозначения будущего синтаксического времени всегда контекстуально обусловлено и является обычным частым явлением в абхазском языке. Оно связано также и с аспектуальными различиями (Л.П. Чкадуа).

Иахьаџәкьа Андриа ицә ахә истаҕит (Д.Гә.) – «Сегодня же я отдам Андриу стоимость его быка»; *Са сұтахымзар сцоит* (Қь. А.) – «Если я тебе не нужен, уйду».

Формы будущего I и будущего II времени глаголов финитной семантики являются абсолютными временными формами с непосредственной ориентацией на грамматический момент речи.

Они противопоставляются лишь по характеру модальной окрашенности (Л.П. Чкадуа).

Аиеи, убри азы хаилацаажәап (С.Ч.) – «Да, поговорим по этому поводу»; *Дамеи дақәысхып уара гәыбган уҕара, ...аеы ахә шәатәызар, убракагъы суцхраап* (И.П.) – «Дамея я заставлю снять с тебя обвинения, если же придется заплатить за коня, и тут я тебе помогу»; *Ақытсовет есқьынгъы ишәызәлымхәзаашт, ишәыгу-ишәыбзоу гәанаталашт* (С.Ч.) – «Сельсовет будет вас, поддерживать, раскрывать ваши недостатки»; *Ахы, уләыжәџишь, сылухәаҕшышт* («Н.С.») – «Сойди-ка с коня, я посмотрю на тебя».

Категория синтаксического времени имеет своеобразное выражение в формах синтаксических ирреальных наклонений.

В синтаксическом побудительном наклонении во всех формах его проявления синтаксическое время, как правило, не имеет морфологического выражения. Временное значение в побудительном наклонении всегда абсолютное. Модальное значение побуждения соотносится с грамматическим моментом речи непосредственно. Оно мыслится как последующее за грамматическим моментом речи. Форма выражения времени – синтаксическая.

Ей, уара ахәычы! Аеы ааги арахь!.. («Алашара») – «Эй ты, мальчик! Подай сюда коня!»; *Ишәхәо закәызеи, бара, имазажәамзар саргъы исашәхә!* (Д.Гә.) – «О чем вы там говорите, если не секрет, скажите и мне тоже!»; *Уаха-зайәык уцәқәырҕа, уаха-зайәык уеырба, Улеи, улеи узхара!* (Б.Шь.) – «В эту ночь ты побуянь, в эту ночь ты погарцуй, несись вдоволь, несись!»

Синтаксическое будущее время получает свое морфологическое оформление лишь в том случае, когда побудительное наклонение выражено формой будущего I времени глагола.

Бааи, хнеип иара иахь, ирахтәп хабжьи! (Б.Шь.) – «Давай, пойдем к нему, отдадим свои голоса!»; *Хнеип афныка!..* (Б.Шь.) – «Зайдем-ка домой»

Синтаксическое желательное наклонение предполагает такую семантику, которая может осуществиться после момента речи.

Ориентация на момент речи при этом непосредственная и единственная.

Время и в данном случае выражено синтаксически.

Значение будущего времени сохраняется и в тех случаях, когда синтаксическое желательное наклонение выражено формами прошедшего времени глагола желательного наклонения.

Абри ашәкәы сара сапхьахьандаз! – «Эта книга была бы мною уже прочитана!»; *Ҳаи, зыбжьы газ аҭба сара истәызшәа икәндаз!* (С.Ч.) – «Пароход, что гудит сейчас, был бы моим!»; *Азқәа хыҭит, шьтә амш аеааннакыландаз!* (С.Ч.) – «Реки разлились, погода прояснилась бы уже!»; *Сашьцәа шәрымбандаз..!* (С.Ч.) – «Мои братья не заметили бы вас!»

Категория лица

Синтаксическая категория лица, наряду с категориями модальности и времени, выражает отнесенность высказывания к действительности через ситуацию речевого общения, создаваемую соотношением его участников, поэтому под синтаксической категорией лица следует понимать соответствие субъекта носителя действия и объекта одному из трех лиц участников-неучастников общения.

<i>Миха сара с-иаазоит</i>	«Миха меня растит»
<i>Миха уара у-иаазоит</i>	«Миха тебя (м.) растит»
<i>Миха бара б-иаазоит</i>	«Миха тебя (ж.) растит»
<i>Миха иара д-иаазоит</i>	«Миха его (м.) растит»
<i>Миха лара д-иаазоит</i>	«Миха ее (ж.) растит»
<i>Миха хара х-иаазоит</i>	«Миха нас растит»
<i>Миха шәара шә-иаазоит</i>	«Миха вас растит»
<i>Миха дара (и)-иаазоит</i>	«Миха их растит».

Синтаксическое лицо может быть выражено самыми различными средствами (лексически с помощью личных местоимений, морфологически-личными формами глагола, синтаксически – структурной основой предложения).

В абхазском языке синтаксическое лицо получает свое выражение преимущественно в личных аффиксах, указывающих на лицо не только субъекта, но и объекта (объектов). Выполняя функцию отсутствующих в абхазском языке падежей, они наряду с лицом, числом и классом (в определенных случаях), указывают

своей строго фиксированной позицией и на субъектно-объектные различия в непереходных и переходных глаголах.

Например: *Аҭафцәа ахәыцқәа х-р-ацәажәоит* – «Учителя (мы) с детьми разговариваем»; *Арҭафцәа ахәыцқәа шә-р-ацәажәоит* – «Учителя с детьми разговариваете»; *Арҭафцәа ахәыцқәа и-р-ацәажәоит* – «Учителя с детьми разговаривают»; *Арҭафцәа ахәыцқәа шәхәцәажәоит* – «Учителя (вы) с детьми (нами) разговариваете»; *Арҭафцәа ахәыцқәа шә-р-ацәажәоит* – «Учителя с детьми (ними) разговариваете»; *Арҭафцәа ахәыцқәа р-ацәажәоит* – «С учителями дети разговаривают».

Как видно из сопоставления этих предложений, слова *артцафцәа* – «учителя», *ахәыцқәа* – «дети» в них выступают в функции и субъекта, и объекта, и первого лица, и второго, и третьего, не претерпевая при этом абсолютно формальных изменений. Различия субъектно-объектные личные и числовые (единственное и множественное) выражаются лишь личными аффиксами.

Бывают определенные случаи, когда личный аффикс (субъектный или объектный) опускается в сказуемом, а именные компоненты (субъект и объект) не имеют значения лица.

Например, субъектный: *зегьы-цеит* – «все ушли»; *аеы-хәуеит* – «конь пасется»; объектный: *ашәарыцаф ажьа* – *ишьит* – «охотник убил зайца»; *аҭафы ашәкәы* – *ааихәеит* – «ученик купил книгу».

В таких случаях синтаксическое лицо выражается всей структурной основой, т. е. синтаксической позицией именного компонента в структурной основе. А синтаксическая позиция именного компонента в отношении лица выявляется в оппозиции морфологически невыраженного ряда с морфологически выраженным рядом. Тут надо учитывать то, что функция синтаксического лица выявляется в синтагматическом ряду, т. е. в синтаксических отношениях между соответствующими компонентами синтагмы.

Сравним:

1. <i>Миха ауафы д-иаазеит</i>	«Миха вырастил человека»
2. <i>Миха ала и-аазеит</i>	«Миха вырастил собаку»
1. <i>Миха д-цәажәоит</i>	«Миха разговаривает»
2. <i>Аеы (и)-хәуеит</i>	«Конь пасется».

Следует отметить, что опускается личный аффикс третьего лица (субъектный и объектный) в позиции непосредственно после соотносительного компонента (объектного или субъектного) (примеры выше). А в других позициях он не опускается.

Например, в препозиции:

<i>и-ҳәуеит аҭеы</i>	«пасется конь»,
<i>и-ҳәуеит аҭеқәа</i>	«пасутся кони»,
<i>и-цәажәоит ахәыцқәа</i>	«разговаривают дети».

Сара арцафы с-и-ацәажәоит – «Я с учителем разговариваю».

Опускаются субъектные аффиксы единственного числа второго лица **у, б** при глаголе-сказуемом в положительно-повелительной форме.

Например:

<i>уара ахәычы д-(у)-ааза</i>	«ты (м.) вырасти ребенка»
<i>бара ахәычы д-(б)ааза</i>	«ты (ж.) вырасти ребенка»

Данный случай опущения субъектного аффикса не является позиционным, а увязывается с историей классно-личного спряжения глагола¹.

Бывают случаи, когда субъектный аффикс в именном составном предикате заменяется аффиксом соотносительного местоимения, не различающего ни лица, ни числа, ни класса.

Аффикс и в данном случае указывает лишь на то, что соотносительный с ним компонент синтагмы имеет функцию субъекта.

<i>Сара акиацәымшәо сибашьәуп</i>	«Я бесстрашный боец»
<i>Уара акиацәымшәо еибашьәуп</i>	«Ты бесстрашный боец»
<i>Иара акиацәымшәо еибашьәуп</i>	«Он (м.) бесстрашный боец»
<i>Ҳара акиацәымшәо еибашьәоуп</i>	«Мы бесстрашные бойцы»
<i>Ҥемир акиацәымшәо еибашьәуп</i>	«Темир бесстрашный боец» и т. д.

Синтаксическое субъектное лицо не имеет своего морфологического выражения и в том случае, когда структурная основа

предложения полностью лишена синтаксической позиции субъекта. Таких примеров немного в абхазском языке, но встречаются.

Например: *Ишеит* – «рассвело»; *Хьтәоуп* – «холодно» («холодно есть»); *Зынроуп* – «зима» (*зима есть*).

Однако, с нашей точки зрения, надо учесть то обстоятельство, что действие или состояние, которое выражено компонентом структурной основы, соотносится синтаксически с третьим лицом. По крайней мере, говорящий и собеседник воспринимают семантику такой структурной основы, как не относящуюся к ним, т. е. ни к первому, ни ко второму лицу, а к какому-то иному, следовательно, третьему. При полном же отсутствии значения лица нельзя было бы понять, к чему относится эта семантика. Здесь можно заметить лишь отсутствие деятеля, процессуального субъекта, или иначе субъекта действия. В аналогичной структурной основе отсутствует отношение между подлежащим и сказуемым. Семантика структурной основы со значением процесса или состояния непосредственно соотносится с действительностью. Схематически это можно изобразить так:

Р → Д

И в данном случае семантика структурной основы соотносится с действительностью посредством категорий синтаксического наклонения, времени и лица. Разница заключается в том, что категория синтаксического лица здесь соотносит не отношение подлежащего и сказуемого с действительностью, а семантику предиката непосредственно с действительностью.

Существующая многочисленная литература по этому поводу и сами языковые факты не дают более правдоподобного решения этого вопроса.

Безличные предложения, соотносимые с личными типа «*пах-нет листвой*», не встречаются в абхазском языке.

Личные аффиксы обозначают наряду с лицом, число и класс.

В связи с этим следует определить соотношение категории числа и класса с категорией предикативности.

Сразу же следует указать, что категории числа и класса не имеют непосредственного отношения к формированию и выражению категории предикативности.

¹ См. К.В. Ломтатидзе. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола. ИКЯ, т.II. Тбилиси, 1948, стр. 1 (на грузинском языке, резюме на русском).

Функция синтаксической категории числа заключается в том, что она дифференцирует субъект и объект с точки зрения принадлежности их к одному из двух чисел – единственному или множественному без конкретизации количества.

Аџаџы иааихаеит ашаџаы – «Ученик купил книгу»; *Аџаџцаа иаархаеит ашаџаџаа* – «Ученики купили книги».

Категория синтаксического класса проявляется лишь во втором и третьем лице единственного числа. Функция ее заключается в конкретизации субъекта и объекта с точки зрения принадлежности их к одному из двух основных грамматических классов – к классу человека и классу вещей.

Зина лхаычы акриџалџеит – «Зина накормила своего ребенка»; *Аџаџы аџа акраџанаџеит* – «Кошка своего котенка накормила».

Как мы уже отметили выше, синтаксическое субъектное (иногда и объектное) лицо в структурной основе предложения может иметь обобщенное или неопределенное значение лица (кстати, здесь можно указать на тот факт, что значение неопределенности и обобщенности лица может проявляться лишь на синтаксическом уровне. Лицо глагола как морфологическая единица не может иметь этих значений).

Обобщенное значение характерно для второго и третьего лица единственного числа. Однако употребление аффиксов второго и третьего лица единственного числа не связано с выражением определенного числа.

Оно является лишь формой выражения значения обобщенности лица:

Уаџхьа икаџауа у-ихымыччан (поговорка) – «Перед чужой бедой не смейся (букв. не смейся над тем, кто раньше тебя упал)».

Для выражения значения неопределенности используется показатель третьего лица множественного числа **р//д** или **и**.

Астудентцаа чаихыхра идэыџырџеит – «Студентов послали на сбор чая»; *Аџны рџиуеит* – «Дом продается (букв. дом продается)».

И в приведенных случаях не приходится говорить об отсутствии синтаксического лица, следует лишь указать на его специфическое значение.

Здесь ни лицо, ни число, ни класс не являются определенными. Значение, которое выражено личным аффиксом, может одинаково

относиться ко всем лицам, но и только лицам. Следовательно, значение лица вовсе не потеряно, оно только обобщенное или не определенное.

Завершая этот параграф, мы можем сделать некоторые выводы.

1. Категория синтаксического лица, если не путать ее с процессуальным субъектом, иначе с деятелем, или же логическим субъектом, является характерным признаком предикативности в абхазском языке. Она дифференцирует субъект и объект как говорящий адресат и не участвующий в речи¹.

2. Категория синтаксического лица получает свое морфологическое выражение преимущественно в личных аффиксах двух рядов, сочетающих эту функцию с функцией выражения субъектно-объектных отношений. Таким образом; категория синтаксического лица неотделима от субъектно-объектных отношений, устанавливающихся в соответствующих моделях структурной основы предложения в абхазском языке.

3. В немногих случаях синтаксическое лицо может не иметь своего морфологического выражения. В этих случаях оно выражается конструктивно-синтаксически.

Интонация

Интонация, как единица фонетики, не обладает значением, поэтому не может участвовать в формировании и выражении предикативности. Интонацию можно определить как сопутствующий структурную схему предложения элемент, но не конституирующий. Несмотря на универсальный характер использования интонации, роль ее в различных языках не одинакова. Например, как показывают материалы разговорной речи, письменного и литературного языка, роль интонации в предложениях абхазского языка ограничена. Это будет понятно, если учесть, что, во-первых, она почти не используется в вопросительных предложениях для выражения вопроса, поскольку вопрос в них выражается специальными мор-

¹ См.: Ш.К. Аристава. Сказуемое (сказуемое и сказемость). В сб.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 39.

фологическими средствами, во-вторых, для абхазского языка не характерны так называемые номинативные предложения, в которых интонация объявляется основным, порою, и единственным средством выражения предикации. Роль интонации в основном, сводится к выделению компонентов логической фразы, наряду с другими средствами их выделения. Такие типы предложения, как повествовательные, побудительные, желательные и вопросительные имеют соответствующее интонационное оформление, однако вопросительная фразовая интонация в предложениях, в которых вопрос имеет морфологическое выражение, почти совпадает с повествовательной интонацией.

СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Основу предложения составляют компоненты, участвующие в обозначении и выражении синтаксического значения предложения – предикативность. К ним относятся подлежащее, сказуемое и лично-относительное дополнение. Структурная основа предложения бывает однокомпонентной, двухкомпонентной, трехкомпонентной и четырехкомпонентной.

Однокомпонентная основа предложения

Для выражения однокомпонентной структурной основы используются абсолютные глаголы в форме третьего субъектного лица единственного числа класса вещей, обозначающие различные метеорологические и физические явления природы, наличие предметов и т.д. Синтаксическую позицию субъектного аффикса в них занимает (как это и положено) показатель третьего лица единственного числа класса вещей, аффикс ряда Д и. Однако аффикс этот в данном случае функционально и семантический пустой, в связи с чем он может присутствовать или отсутствовать, не вызывая при этом малейшего изменения в структурной основе.

Например:

и-шеит – «*рассвело*», но: *шеит*;

и-хәлеит – «*стемнело*», но: *хәлеит*;

и-хьтәууп – «*холодно (есть)*», но: *хьтәууп* и т. д.

Субъект в такой конструкции совершенно не мыслится. Действие или состояние ни семантически, ни грамматически не приписывается, ни процессуальному (реальному), ни грамматическому субъекту. Это явление нельзя увязывать с морфологической безличностью глагола, так как в абхазском языке, как известно, нет

безличных глаголов. Те же глаголы в других случаях употребляются с определенным значением лица. Они могут быть релятивными и даже переходными.

Например: *Ус уаҭеимшхарала хшеилатәаз икьаҭьаза иаа-х-аршеит* (Б. Шь. «Ацынцәарах», 83) – «Так в муках дождались мы рассвета» (букв.: «мы заставили то рассветать»); *Хәлеижьтәеи акгыи ҭзомеи, изыршеи?* («Апс. л.», II, 266) – «Стемнело только что, как же так рассвело (кто заставило то рассветать?)»; *И-х-архәлеит, шьтә хдәықәлаанза!* (Из разговора). – «Стемнело, отправились бы уже (мы заставили то стемнеть)!»; *Атыша ҭаулан, аха Гәында дшын-тәрыжьызыҭәкьа и-аа-лырлашеит* («Н.С.») – «Пропасть была темная, но как только туда бросили Гунду, в пропасти стало светло».

– Вышеназванные глаголы могут изменяться по лицам и морфологически и синтаксически, и в абсолютной форме с иной (переносной) лишь семантикой.

Например, *с-шеит, у-шеит, б-шеит, хазшеит...*

Иахьа у-шеит (ушаны уқоуп) – «Сегодня ты (м.) в хорошем настроении (т. е. расцвел)»; *И-лашьцеит уан рыцха лдунеи* (Из народной песни). – «Закатилось солнце твоей матери (букв.: стемнел мир твоей матери)!»

Бессубъектное употребление глаголов в вышеприведенной функции, видимо, связано с своеобразием логической структуры мыслей, выражаемых этими синтаксическими конструкциями.

В связи с этим представляет интерес тот факт, что аналогичные мысли передаются бессубъектными конструкциями и в тех языках, в которых они (эти мысли) выражаются двусоставными (субъектно-предикатной) конструкциями.

Например, анализируя аналогичные конструкции в немецком языке В. Г. Адмони пишет: «Если в бытийных предложениях конкретный предмет или явление определяется самой общей формой бытия, то в безличных предложениях положение обратное: конкретным характером обладает здесь форма бытия, а обобщенно неопределенный характер свойственен «производителю» этой формы бытия, который чаще всего выражается здесь в форме безличного номинативного *es*»¹ (*Es regnet*).

То же самое мы имеем и в английском языке, в котором «безличные предложения отличаются от русских безличных предложений тем, что в них безличность выражена не отсутствием подлежащего, а в семантической опустошенности подлежащего или в его безличности»¹. (*It is dark* и «Темно»; *It is getting dark* и «Темнеет»).

Однако, как нам кажется, полное отсутствие синтаксической позиции субъекта не означает абсолютного отсутствия синтаксического лица.

Дело в том, что семантика анализируемых конструкций мыслится как принадлежащая третьему синтаксическому лицу.

Как мы видели выше, при подстановке других лиц значение лица восстанавливается (*с-шеит, у-шеит*) с одновременным перемещением семантики. Личное употребление этих глаголов вполне может коррелировать с безличной формой их употребления. Однако значение третьего синтаксического лица вовсе не совпадает со значением субъектного лица; здесь субъект и действие как бы слиты, видимо, недифференцированы.

В синтаксисе абхазского языка однокомпонентные конструкции не занимают значительного места. Нам удалось собрать (из всех сфер употребления) лишь около сорока примеров этой конструкции. Однако обойти их нельзя потому что, во-первых, у них специфическая структура, во-вторых, они повторяются часто в тексте (при описании явлений природы и т. д.), в-третьих, они пополняются за счет инноваций. Инновации эти характерны для абжуйского диалекта и литературного языка, в меньшей мере встречаются в бзыбском диалекте. Они основываются на абсолютных глаголах, которые, принимая суффикс превратительности **-тә**, теряют парадигму субъектного лица. Аффикс **-тә** придаст глаголу значение долженствования.

Например, сравним:

с-цоит – «я иду»,

у-цоит – «ты (м.) идешь»

б-цоит – «ты (ж.) идешь»

¹ В.Г. Адмони. Введение в синтаксис немецкого языка. М., 1955, стр. 192.

¹ А.И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 157–158.

д-цоит – «он (она) (ч.) идет»

и-ца-тә-уп – «надо пойти»

и-цоит – «оно (в.) идет»

х-цоит – «мы идем»

шә-цоит – «вы идете»,

и-цоит – «они идут».

Аффикс **и**, занимающий позицию субъекта, функционально пустой, он может одинаково отсутствовать или присутствовать. Например: **и-цатәуп, -цатәуп**.

Лассы афныка игъежътәуп, дысзыңшуп уа сыхаара, акырцъара ицатәуп, аха еигъуп афны аңхара («Алаш.») – «Надо скоро вернуться домой, там ждет меня милая, надо мне и погостить, но лучше тепло родного очага».

Этот случай не следует путать с другим случаем, когда суффикс **-тә**, прибавляясь к основе переходного глагола, даст переходный личный глагол. Например:

и-аа-с-хәеит – «я купил то», *и-аахәа-тә-уп* – «надо купить то»; *ис-тиуеит* – «я продаю то», *и-ти-тә-уп* – «надо продать то»; *и-с-фоит* – «я ем то», *и-фа-тә-уп* – «надо есть то».

Превратительный суффикс прибавляется и к релятивному переходному глаголу, при котором глагол теряет парадигму субъектного лица. Однако в данном случае сохраняется парадигма объектного лица, и глагол образует не однокомпонентную, а двухкомпонентную структурную основу (об этом подробно см. ниже).

Предикат в однокомпонентной структурной основе может быть выражен глаголом, глагольно-именным и фразеологическими сочетаниями, в которые входит обязательно глагол в безличном употреблении.

Однокомпонентная структурная основа предложения встречается:

1. При описании физических и метеорологических явлений природы:

Ахәылбыгехарахь инеихъан (С.Ч.) – «Тянулось к вечеру (вечерело)»; *Хәлеит абар инеихашәа (Б.Шь.)* – «Стемнело»; *Адырфаены акәын, хәылбыгехан (И.П.)* – «Это было на второй день, был вечер»; *Иаатынчрахеит («Алашара»)* – «Стало тихо, стихло»; *Хәылңазын*

(Қь. А.) – «Был вечер»; *Ишеит (С. Ч.)* – «Рассвело»; *Еилахәлахъан (И. П.)* – «Уже было темно».

2. При описании наличия предметов и явлений:

Бахчароуп (С.Ч.) – «Сад есть»; *Аресторан афы гәырғъаран, фыжаран, крыфаран (И.П.)* – «В ресторане было радостно (дарила). Пили (питье было), ели (еда была)»; *Иахъа гәырғъароуп Алиас ифны (Д.Г.ә)* – «Сегодня радость (есть) в доме Алиаса»; *Тынчрахеит... (Б.Шь.)* – «Стало тихо»; *Меышан (А.Г.)* – «Воскресенье было»; *Хақәитроуп, гәырғъароуп СССР иқәынхо ажалар рзы (И. К.)* – «Свобода, радость (есть) для народов СССР».

3. Со значением долженствования.

Аусхәартә ақынза ицатәуп (И.П.) – «До сельсовета надо сходить»; *Афныка игъежътәуп* (из разговора) – «Надо вернуться домой».

В связи с однокомпонентной структурной основой предложения нельзя не упомянуть о так называемых номинативных (именных) конструкциях.

Специальное изучение этого вопроса показало, что для абхазского языка в целом не характерны номинативные конструкции. Они не встречаются в разговорном языке и языке фольклора. Некоторое употребление они имеют в литературном языке.

Встречаются при описании природы, в ремарках к пьесам. Однако чувствуется их искусственность, и они не имеют пока значительного распространения. Нехарактерность, искусственность именных структурных основ для абхазского языка объясняется тем, что любая именная основа в позиции предиката обычно получает предикатное грамматическое оформление.

Сравним: *аїафы* – «ученик», но: *д-їафуп* – «он (ч.) ученик есть»; *арїафы* – «учитель», но: *д-ырїафуп* – «он (ч.) учитель есть» и т. д.

В литературном языке они встречаются под влиянием русского языка.

Москва. Кремль. Абцъар палата. Лакәны иумаҳацзар аиңш збахъада! (Вл. Ан.) – «Москва. Кремль. Оружейная палата. В сказке только увидеть такое!»; *Москва. Уафы игәы тңырзызаауа ажәа аҳауа иалоуп (С.Ч.)* – «Москва. Душераздирающее слово в воздухе».

Аңхын. Ашьыжь. Арбағь фыртуан (Б.Шь.) – «Лето. Утро. Петухи пели»; *Азынра. Бзиа илбон Шьасиа азынра (А. Г.)* «Зима. Любила Шьасиа зиму».

В русском и других языках, где они (номинативные предложения) имеют распространение, номинативные конструкции рассматриваются обычно как самостоятельные предложения, в которых значения лица, времени, модальности выражены синтаксически. Иногда выражение значения предикативности приписывается интонации.

Сравним: положение А. М. Пешковского «Слово море... не принадлежит к числу предикативных. Поэтому оно нуждается в особой, предикативной интонации..., которая и помогает ему выразить отдельную мысль»¹.

В абхазском языке номинативным конструкциям нельзя приписывать статус самостоятельной структурной основы потому, что, во-первых, они всегда конституативно обусловлены; во-вторых, в конституативно необусловленной позиции они заменяются однокомпонентной структурной основой глагольно-предикативного строя.

Сравним: *Азын* – «Зима», но: *Зынроуп* – «Зима есть», *Аңхын* – «Лето», но: *Ҕхынроуп* (*ңхынуп*) – «Лето есть»; *Аңхын. Ашьыжь...* (Б.Шь.) – «Лето. Утро», но: *Ҕхынуп. Шьыжьуп* – «Лето есть. Утро есть».

Нельзя не учитывать и тот факт, что для абхазского языка они вообще не характерны.

Номинативные конструкции в абхазском языке можно квалифицировать лишь как эквиваленты предложений, которые в конституативно обусловленной позиции могут быть использованы для выражения мысли. Да и в других языках их конституативная не обусловленность вряд ли является абсолютной. Это видно, хотя бы, из того, что они при исследовании приводятся обычно в контекстуальном окружении.

Например:

Она! Вся кровь во мне остановилась (А. Пушкин, Борис Годунов)...

Славная осень! Здоровый, ядреный, воздух усталые силы бодрит (Н. Некрасов, Железная дорога)².

¹ А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 173.

² См.: В.В. Бабайцева. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968, стр. 116.

Двухкомпонентная структурная основа предложения

Проведем эксперимент над следующими двумя предложениями:

1. *Миха иахьа поездла Акәака дцеит* – «Миха сегодня поездом в Сухуми поехал».

Заур ҳара ҳархәтәхь днанагеит – «Заур попал в нашу часть (Заура привело в нашу часть)»;

Миха ... поездла Акәака дцеит; Миха... Акәака дцеит; Миха... дцеит; Заур ҳархәтәхь днанагеит; Заур... днанагеит.

В результате последовательного и полного удаления компонентов в первом предложении мы получили структурную основу из двух компонентов – из субъекта и предиката. Экспериментирование второго предложения дало тоже двухкомпонентную структурную основу, но не из субъекта и предиката, а из объекта предиката.

В соответствии с этим двухкомпонентная структурная основа предложения представлена в абхазском языке в двух типах:

а) субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа;

б) объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа.

Субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения

Субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа дает, в свою очередь, два варианта, порождаемые своеобразием строя предиката.

Первый вариант представляет структурная основа из субъекта и предиката, выраженного абсолютным глаголом с субъектными аффиксами из ряда **Д**, занимающими первую позицию. Вторым вариантом представляет структурная основа из субъекта и предиката, выраженного релятивным двухличным глаголом с субъектными аффиксами из ряда **Л**, занимающими вторую позицию при нулевой позиции объекта.

Рассмотрим первый вариант.

В первом варианте предикат выражен всегда абсолютным глаголом, в котором синтаксическая позиция субъекта фиксируется субъектными аффиксами ряда **Д**, занимающими первое место.

Айыс шаахаойт – «Птичка поет»; *Ахаычы д-цэуеит* – «Ребенок плачет»; *Бара б-ыңшоуп* – «Ты (ж.) красивая»; *Уара у-каашойт* – «Ты (м.) танцуешь»; *Аиацэақаа жжаза и-италон хланйы* (И.К.) – «Звезды огненно-яркие низвергались в бездну»; *Ашьхарахь и-инеуан аңтақаа ббаза* (И.К.) – «Мчались (шли) к горам облака»; *Д-неуеит аңхэызба ақыта мфахаастала* (Б. Шь.) – «Идет девушка по деревенской тропе».

Во втором варианте предикат выражен релятивным двухличным глаголом, в котором синтаксическая позиция субъекта фиксируется субъектными аффиксами из ряда **Л**, занимающими второе место. Объектный аффикс, занимающий первое место, в предикате функционально пустой. Вариант этот имеет ограниченную сферу распространения. Он ограничен кругом глаголов, обозначающих в основном различные физические и метеорологические явления природы. В непереходном абсолютном варианте они дают однокомпонентную структурную основу (см. выше), при переходном (формально-грамматическом) релятивном же варианте дают описываемую двухкомпонентную структурную основу.

Уара алашара ырцэаны и-у-рлашьцеит – «Выключив свет, ты (м.) сделал темно»; *Хара ус уагеимшхара хшеилатэаз икьякыза и-аа-х-аршеит* (Б. Шь.) – «Мы до утра коротали ночь (сидя до утра мы заставили рассветать)»; *Сара ашэ аартны ауадафы и-с-ырхьтеит* – «Открыв дверь, я в комнате сделал холодно (букв. перевод)».

Сюда же относятся конструкции типа: *Сара ус (и)-с-хаап* – «Я так скажу»; *Сара ус (и)-з-уп* – «Я так поступлю (сделаю)», в которых синтаксическая позиция объекта отсутствует полностью.

Элемент **ус** «так» в аналогичных конструкциях выступает в функции частицы и примыкает к предикату.

Объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения

В объектно-предикатной двухкомпонентной структурной основе синтаксическая позиция субъекта полностью отсутствует, структурная основа организуется из объекта и предиката. Личный аффикс, занимающий в предикате позицию субъектного префикса, функционально пустой, однако он не выпадает, если сказуемое выражено переходным глаголом. Например: *Сара уахь с-а-геит* «Меня туда перевело (повело)».

Если же сказуемое выражено релятивным непереходным глаголом, префикс, занимающий позицию субъектного аффикса, может выпасть, однако в текстах, как правило, он сохраняется.

Иара абрака ақытанхамфа, арахааазара... уха реиңи икоу азйарақаа акыр и-рыхэаңштәуп, и-азаатгылатәуп ахааххәтра атэгылазаашья («Алашара», 1975, 2 стр. 86).

Бывают редкие случаи, когда в объектно-предикатной двухкомпонентной структурной основе предложения синтаксические позиции косвенного объекта и субъекта полностью отсутствуют.

Сара уахь с-а-х-нагеит – «Меня туда понесло»; *Иара цэка д-а-ц-на-геит* – «Его под низом потянуло»; *Ишаркко ианалага амшцэгыя (и)-а-х-на-геит* («Н.С.») – «К утру погода прояснилась».

Объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения не имеет большого распространения, однако, наличие ее в языке является очевидным фактом.

(Хара) ...хаңсадгыл бзиахэ кажьны цэанат хшашьтаз цэаханым х-а а-на-геит (М. Л., 1, 158) – «Покинув свою прекрасную родину, искали мы рай, а попали (привело нас) в ад»; *Гэыбганс иутозеи, деилахоуп, д-ах-на-геит Ацыргы* («Алашара», 1970, 3, 8); – «Нельзя его обвинять, некогда ему, Аджыра куда-то повело (понесло)»; *...Ианакэзамыз д-ышьтанакит (иара)* – «Не вовремя уложило его (заболел он)».

Уцэаынамкэа иацыу-х-на-мыршэеи (уара), – лхэеит Шьашькэагы арахь даахэны (Ал. Г.) – «Ты тоже далек от молодости, не вчера ты родился, – сказала Шашкуа, повернувшись (сюда)»; *Ақаа амуижьтеи азы акыр и-а-гхеит* (А.Г.) – «С тех пор как нет дождя речка немного

убавилась»; Игәгы еемызт, днаскыацпхьаза еиха-еиха д-а-к-уан (иара) (А.Г.) – «Он был болен, все больше и больше захватывало его»; Абри ашьтахь кыр шықаса йхьан еиңи зны сеитананагеит (сара) сахьыказ атыңан («Аңсны қаңшы, 1975, март 15) – «Прошло много времени после этого, я вновь попал (привело меня) в то же место, где был»; Хқытан ари афны пхэыскгы дыңсны дыкфан, рыцха, убри диңәуарц акәзаарын игәы итәз, аха арахь д-а а-на-геит (иара) (Аңсны қаңшы, 1975, март 15) – «В нашем селе в этот день умерла одна женщина, царство ей небесное, он собирался, видимо, ее оплакивать, но его сюда повело»; Ахәыцқәа ирыцхраатәуп – «Детям надо помочь».

Трехкомпонентная структурная основа предложения

В трехкомпонентной структурной основе предложения предикативное ядро предложения составляют три компонента, полное удаление каждого из которых вызывает разрушение структурной основы. Это положение наглядно можно продемонстрировать на следующем примере:

- 1) Сара иацы ашәкәтиртәфы иаасхәеит ашәкәы фыц – «Вчера я в книжном магазине купил новую книгу (книгу новую);»
- 2) Сара ... ашәкәтиртәфы иаасхәеит ашәкәы фыц;
- 3) Сара... иаасхәеит ашәкәы фыц;
- 4) Сара... иаасхәеит ашәкәы ...;
- 5) Сара... аасхәеит... ;
- 6) ... и-аа-схәеит ашәкәы ...;
- 7) аасхәеит...;
- 8) Сара ашәкәы.

Как видно из эксперимента, полное удаление из предложения объекта (в пятом варианте), субъект (в шестом варианте), субъекта и объекта (в седьмом варианте) и сказуемого (в восьмом варианте) вызвало разрушение предикативной основы предложения соответственно в пятом, шестом, седьмом и восьмом вариантах.

Трехкомпонентная структурная основа представлена в двух вариантах. Первый вариант представляет трехкомпонентная основа, состоящая из субъекта, объекта и предиката. Второй вариант пред-

ставляет структурная основа, состоящая из ближайшего объекта, косвенного объекта и предиката при нулевой позиции субъекта.

Субъектно-объектно-предикатная трехкомпонентная структурная основа предложения

Субъектно-объектно-предикатная трехкомпонентная структурная основа предложения является одним из наиболее распространенных типов структурных основ.

Сара ашәкәы аасхәеит – «Я купил книгу»; Темыр Адшья д-л-а цәажәоит – «Темыр с Адшой разговаривает»; Айафы арйафы д-и зызырфәеит – «Ученик слушает учителя».

Д-и-моугәышьеит иара ахшара (Б.Шь.) – «Не имел он детей»; Дамеи Мактина д-л-ышьтыйхьеит (И.П.) – «Дамей уже перестал ухаживать за Мактиной»; Хфык ахәыцқәа амца иахьахатәаз иара (и)-и-хәаңшуан (И.П.) – «Трое детей, сидя у очага, смотрели на него»; Ах имахәцәа афыцья ағанхш (и) аа-р-геит («Аңс. л.») – «Два зятя царя принесли оленьё молоко»; Атаҳмада фыцья афныхәсақәа (и)-и-дтәалан («Аңс. л.») «Две домохозяйки сидели вместе со стариком»; Хацьарат дөыжәла (и)-и-рхәмаруеит аеы (Б.Шь.) – «Хаджарат скачет (гарцует) на коне (заставляет коня торцевать)»; Айабырг аңсы д-а-ргылоит (пословица) – «Правда воскресит мертвеца»; Ерцахә шла ахра ирхагылоуп урт чаңшьауа (Б.Шь.) – «Седой Ерцаху сторожит их, стоя у их изголовья»; Абнатә рбагь афнатә арбагь дәылназон (поговорка) – «Дикий петух выгонял домашнего петуха из дома»; Анади амахмыз а-таҳуп (пословица) – «Ленивой лошади нужны шпоры»; Шәа-ра и-шә-ылшоит абарт рахцара (Б.Шь.) – «Вы сможете их прогнать»; Асас асас дицәымгын афыцьягы аңшәма и-цәым-гын (поговорка) – «Гость гостя ненавидел, обоих хозяин ненавидел».

Редко встречается структурная основа предложения, состоящая из ближайшего объекта, косвенного и предиката при нулевой позиции субъекта. Синтаксическая позиция субъекта в таком типе структурной основы полностью отсутствует. Аффикс, занимающий позицию субъектного показателя, функционально пустой.

Ацҭа иавсыз ацҭа д-а-ц-нагеит (Поговорка) – «Кто миновал мост, того понесло под мост»; *Ачымазаџ, ацс-цхзы (и)-иқә(на-тәоит)* «Больной потел (больного обливало холодным потом)».

Четырехкомпонентная структурная основа предложения

Четырехкомпонентная структурная основа не содержит незнакомый нам новый компонент. Она основана на трехкомпонентной структурной основе с повторением объектного компонента, т. е. состоит из субъекта, предиката и двух объектов (ближайшего и косвенного, или двух косвенных).

Сара уара и-у-стҭоит ашәкәы – «Я тебе (м.) дам книгу»; *Сара атҭеразы и-л-сырзахуеит ацкы* – «Я заставляю портного (ж.) сшить платье»; *Аблахь ахыхь (уара) (и)-у-х-а-на-р-штҭуеит* (Поговорка) «Боль глаза заставляет тебя забыть про головную боль»; *Сара ахәычы и-л-заа-с-хәеит ахамарга* – «Я для ребенка купил игрушку».

Глагол в абхазском языке морфологически вмещает до четырех личных аффиксов (например, *д-у-з-л-а-с-ырцәажәоит* – «Я заставляю его поговорить с ней для тебя»), однако в текстах и разговорной речи нам не удалось зафиксировать предикат с соответствующими субъектно-объектными аффиксами. Структурная основа предложения с предикатом такой структуры была бы пятикомпонентной, состоящей из одного субъекта, трех объектов и предиката.

В текстах не очень часто встречается и четырехкомпонентная структурная основа предложения.

Существуют в языке такие типы структурных основ предложений, для которых частичное отсутствие субъекта является характерным. Таковыми являются структурные основы обобщенно-личных и неопределенно-личных предложений.

Синтаксическая позиция субъекта в предикате структурной основы обобщенно-личных предложений фиксируется субъектным аффиксом второго лица единственного числа класса мужчин **у**, выступающим с обобщенным значением лица.

Уацхьа икахауа у-ихымыччан (Поговорка) – «Над чужой бедой не смейся». Формант **у** в таком случае нельзя увязывать с определенным лицом, числом и классом. Он имеет значение любого лица,

числа и класса, в чем и заключается обобщенность его значения. Это видно, частично, хотя бы из того, что в обобщенно-личных предложениях он (формант **у**) заменяет субъектный показатель того же второго лица единственного числа класса женщин **б**. (В других случаях такая замена исключается).

Например: В тексте повествование идет от лица невесты, которую впервые вводят в дом будущего супруга:

...Уаргъа шыпы нхы-у-гоит ашәхымс... Нас – уарма. Еизаашәшәо изахны иушәу ацкы кәашза у-ныџналоит уи аџны ...Егьырт иџналогы иршәу кәашкәоушәа у-боит. ...Ус ухы уџаханы, иуџаршәу укасы цәҭаза уалцшны у-нарылацшыхуеит (А.Г.) – «Правой ногой переступаешь порог... Затем – левой. В нарядном белом новом платье войдешь в этот дом. Тебе кажется, что и все остальные одеты в белое... Так, подняв голову, сквозь тонкую косынку посмотришь на людей...».

Структурная основа предложения с обобщенно-личным синтаксическим субъектным вторым лицом и частичным отсутствием субъекта не представляет собой особый бессубъектный тип структурной основы предложения.

Ее нельзя отнести к типу бессубъектной структурной основы по следующим признакам.

Во-первых, в ней мы имеем не полное отсутствие субъекта, а частичное, т. е. синтаксическая позиция в предикате фиксируется субъектным аффиксом. Бывают случаи отсутствия и субъектного аффикса в предикате, но это продиктовано не структурой обобщенно-личного предложения, а формой повелительного наклонения переходного глагола, в которой субъектный аффикс второго лица единственного числа вообще выпадает. Например: *и-у-фоит -иф! И-у-гоит -ига! Иаа-б-хәоит -иаахә!*

Кроме того, надо учитывать и тот факт, что отсутствие морфологического показателя субъектного лица не равняется отсутствию синтаксического субъектного лица. Синтаксическое лицо в таких случаях выражается всей структурной основой в оппозиции со всеми другими личными формами (первого и третьего лица единственного числа, всех лиц во множественном числе.) И, наконец, – наличием и морфологического показателя в той же повелитель-

ной форме переходных глаголов. Сравним: *ига! но: у-аңхьа! Иаахэ! но: у-иацэажэа!* и т. д.

Нхафйас кыру, аамстайас крыф! (Поговорка) – «Работай по-крестьянски, ешь по-княжески»; *Азэы изы икайа, ухапы ийа* (Поговорка) – «Делай для другого, учись для себя»; *Уфатэ агыама убацэжыарц утахызар, умаашьан, аеага кы, аиха кьа... азлагарахь ухала уца* («Алашара», 1970, 3, 5) – «Если хочешь по-настоящему прочувствовать вкус своей еды, то не ленись, возьми мотыгу, возьми топор... и на мельницу сам сходи!».

Во-вторых, обобщенно-личные предложения не исключают наличия варианта и с субъектом.

Уара арахь у-ахоит, иара наф дахоит (Поговорка) – «Ты сюда тянешь, а он туда тянет».

Более того, наличие субъекта в обобщенно-личных предложениях с третьим субъектным лицом единственного числа является обязательным.

Ар ирнымиац дхайа гэгэауи (Поговорка) – «Кто не встречался с войском, тот герой»; *Азыршы иацэшааз амца дакэжалт* (Поговорка) – «Тот, кто испугался горячей воды, прыгнул в огонь»; *Аца иаблыз ахьшаишаагы дацэжэон* (Поговорка) – «Тот, кто обжегся о горячее, дул на холодное»; *Айэуашьа ззымдыруаз ихы циеит* (Поговорка) – «Тот, кто не умел оплакивать покойника, разбил себе голову»; *Ауафы ицсы ахьынзатюу зегы д-реигэыгуазароуп* (Д. Гэ.) – «Человек пока живет, должен надеяться на все».

Синтаксическая позиция субъекта фиксируется в предикате субъектным аффиксом третьего лица множественного числа и или р (д) в неопределенно-личных предложениях.

Ауапакайара ззымдыруаз азы даадыргон (Поговорка) – «Посылали по воду, ту, которая не умела делать бурку»; *Толбашь хэа Тортан джарцеит* (Д. Гэ.) – «Тамадой назначили Торкана».

Архьынакэа ржы аңхынгы и-р-фоит (А. Г.) – «Серых дроздов и летом едят»; *Сара амайура сахьалоу азахырца аремонт азыкайара и-афуп* (И. П., V, 13) – «Ателье, в котором я работаю, ремонтируют»; *Апункт афы аусура и-алагахьан* (И. П., II, 185) – «На пункте уже приступили к работе»; ... *Араион акнытэ ателефон и-асит* (И. П., II, 126) – «Из района позвонили»; *Сара арра и-сыңхьейт...* (И. П., II, 226) – «Меня призвали в армию».

Как наглядно видно из примеров, и структурную основу определенно-личных предложений нельзя отнести к типу бессубъектных структурных основ.

Этому препятствует и тот факт, что предложение с неопределенно-личной (субъектной) семантикой встречается и с субъектом.

В таких случаях субъект выражен обычно неопределенным местоимением.

Азэы еыла диасны дзон (И. П.) – «Кто-то проезжал верхом на коне»; *Азэы иуаахэцэа ашыхака ирңшуан* (Поговорка) – «Кто-то помогавших ему отвлекал от дела, заставляя смотреть на горы»; *Шьоуки рмашьынакэа ирыкэтаньы иныкэоит* (Б. Шь.) – «Некоторые на своих машинах разъезжают».

Сюда же можно отнести и предложения, в которых субъект выражен в форме неопределенности.

Кармайыск шаахэон абжы харакны (Б. Шь.) – «Пел какой-то соловей»; *Нхафык дыкан* («Апс. л.») – «Жил-был какой-то крестьянин». Здесь можно говорить лишь о частном отсутствии субъекта.

Таким образом, обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения основаны на той же субъектно-предикатной структурной основе предложения с той лишь разницей, что в них наличие субъекта не является обязательным.

Структурная основа описываемых предложений может быть двух-, трех- и четырехкомпонентной в соответствии с количеством объектных компонентов. А субъектный (частично) и предикатный компоненты в структурной основе всегда наличны. Потому структурную основу такого состава нельзя отнести к однокомпонентной.

Как мы уже указывали выше, организующим центром всей структурной основы предложения является предикат. В предикате фиксируются синтаксические позиции субъекта и объекте (объектов) посредством субъектно-объектных аффиксов, указывающих на синтаксическое лицо, число и класс (в определенных случаях) субъекта и объекта (объектов). При отсутствии в структурной основе предложения субъекта или объекта синтаксические функции отсутствующих компонентов могут выполнять частично субъектно-

объектные аффиксы. Поэтому в тексте и в устной речи структурная основа предложения большей частью встречается не в полном своем составе. Может отсутствовать субъект, может отсутствовать и объект (объекты). Это происходит, безусловно, не без некоторой поддержки контекста. Однако предикат вместе со своими субъектно-объектными аффиксами может в миниатюре воспроизвести всю структурную основу предложения. Основная причина этого, конечно, частичное отсутствие субъектно-объектных компонентов. При полном же отсутствии хотя бы одного компонента, как указывали выше, структурная основа разрушается.

Это положение не касается, естественно, однокомпонентной структурной основы предложения, в которой отсутствие единственного компонента равняется ее разрушению.

В структурной основе (двух-, трех- и четырехкомпонентной) предложения часто отсутствует субъект при сохранении в предикате фиксирующего его функцию субъектного аффикса.

Пыткгы д-шаон ақәаңара дыңаланы дахьоз (И.П.) – «Немного и боялась (она-женщина), проходя через лес»; *Есма лхьаа иахәартәхашаз егь-рызхәомызт, егьы-рызйаңомызт* (Д.Гә.) – «Не могли (они) придумать ничего, что могло бы облегчить страдания больной Эсмы»; *Цоуп, сыңмақәа урыцын, аха убри ақарагьы уныкәызгахьейт* (С.Ч.) – «Правда, ты нас моих коз, но тебя (я) столько же и кормил»; *Агьычра шхәартәм уажәыгьы и-у-зеилымкаацт* (Д. Гә.) – «(Ты) до сих пор не понял, что воровать нехорошо»; *Уара уиаанзагь угара ка-ҳ-ңахьан* («Н.С.») «До твоего рождения (мы) сделали твою люльку».

Опущение субъектного или объектного компонента в структурной основе предложения представляет собой эллиптическое явление. Однако здесь можно говорить, лишь о частичном, неполном эллипсисе, поскольку во всех случаях опущения компонента в предикате остается формант, фиксирующий синтаксическую позицию отсутствующего компонента.

Как мы отмечали выше, есть определенные случаи, когда при наличии субъекта или объекта в структурной основе предложения его фиксатор в предикате отсутствует. Например: *Ала -тәоуп* – «Собака лежит»; *Сара ашәкәы и-аасхәейт* – «Я купил книгу».

Однако при опущении субъекта или объекта его фиксатор в предикате обязательно восстанавливается. Сравним: *Агәарң афь ала -тәоуп* – «Во дворе собака лежит»; *Сара ашәкәы и-аасхәейт* – «Я купил книгу»; но: *Агәарң афь и-тәоуп* – «Во дворе лежит (сидит) то»; *Сара и-аасхәейт* – «Я купил то». Таким образом, и в данном случае мы имеем дело с частичным эллипсисом.

Можно считать эллипсисоподобным (но не эллипсисом) частичное отсутствие субъекта в обобщенно-личных и неопределенно личных предложениях, поскольку отсутствие субъекта для их предложений является более характерным.

Приведем примеры опущения объектного компонента в структурной основе предложения.

Уи аңара ифан, иус збаны ңшышықәса аңакра и-қәырҕейт, иңьабаахә ихганы дааит... (И.П.) – «Он растратил деньги, при судили (ему) четыре года лишения свободы, после истечения которого (он) вернулся»; *Мап, макьана цәгьара лыдибалом Саида* (И.П.) – «Нет, пока ничего плохого не замечает (он) в ней»; *Саида ацкы асалам илҕейт...* (И.П.) – «Саида дала ответ на (его) приветствие»; *Иңейгала рзымдырзо еразнак ачарахәа иааиртит (ашә)* (И.П.) – «К их удивлению (он) открыл мгновенно (дверь)». *Илаңш излыкәгом длыхәаңшуейт (лара)* (И. П.) – «Не может (он) отвести от нее глаз, смотрит (он) на нее»; *Идмыргылт ашәафь, икам ақәаңарафь!* – «Не поставили (они) во дворе (машину), нет (ее) и в саду»; *Леуарса илаңш нақәшәейт* (И.П.) – «Леуарса заметил (машину)».

Очень редки случаи опущения предиката в структурной основе предложения в сплошном повествовательном тексте. Чаще это бывает в диалогической речи. Опущение предиката возможно лишь при контекстуально обусловленной позиции, где предикат предыдущего предложения повторяется в последующем предложении. И это понятно, ибо предикат опускается полностью, т. е. синтаксическую позицию предиката не могут фиксировать другие компоненты структурной основы.

Агамаць ашьхақа ддәықәлейт, Ашьхамаць – агақа – «Агамадж отправился в горы, а Ашхамадж – к морю».

Формы простого предложения

Формами простого предложения являются синтаксические категории, посредством которых формируется предикативность. К ним относятся категории лица, времени и модальности.

Формы синтаксического лица

Предложение изменяется по трем формам синтаксического лица.

<i>Сара с-цәагәоит</i>	«Я пашу»
<i>Уара у-цәагәоит</i>	«ты пашешь»
<i>Иара д-цәагәоит</i>	«он пашет»
<i>Хара х-цәагәоит</i>	«мы пашем»
<i>Шәара шә-цәагәоит</i>	«вы пашете»
<i>Дара (и)-цәагәоит</i>	«они пашут»

Предложение изменяется по восьми формам синтаксического времени:

<i>Сара сшәахәеит</i>	«Я спел»
<i>сара сшәахәоит</i>	«я пою»
<i>сара сшәахәон</i>	«я пел»
<i>сара сшәахәан</i>	«я спел...»
<i>сара сшәахәахьеит</i>	«я уже пел»
<i>сара сшәахәахьан</i>	«я уже пел»
<i>сара сштәахәап</i>	«я спою»
<i>сара сшәахәашт</i>	«я спою»

Предложение изменяется по десяти формам объективной и субъективной модальности:

<i>сара ашәкәы саңхьоит</i>	«я читаю книгу»
<i>уара ашәкәы уаңхьа</i>	«ты прочти книгу»
<i>уара ашәкәы уаңхьанда</i>	«ты прочитал бы книгу»
<i>сара ашәкәы саңхьарын // саңхьашан</i>	«я прочтала бы книгу»

<i>сара ашәкәы сауамыңхьах</i>	«я прочла книгу»
<i>сара ашәкәы саңхьацәкьеит</i>	«ты прочитал книгу»
<i>уара ашәкәы уаңхьазаап // уаңхьазаарын</i>	«я, наверное, прочту книгу»
<i>сара ашәкәы саңхьар калап</i>	

Все вышеприведенные синтаксические формы образуют парадигму предложения.

Конструкции предложения

В абхазско-адыгских языках, как и в других кавказских языках, мы имеем две основные конструкции предложения: номинативную и эргативную. Номинативную конструкцию мы имеем при непереходном глаголе-сказуемом, эргативную – при переходном глаголе-сказуемом. При номинативной конструкции подлежащее выражается формой именительного падежа, при эргативной конструкции – формой эргативного падежа.

В абхазско-адыгских языках по-разному выражаются эти две конструкции. В адыгских языках они выражаются падежными формами:

Унэр шьыт – *афны гылоуп*. Подлежащее **унэр** выражено именительным падежом, глагол-сказуемое **шьыт** непереходный; *чы-тыум цыгь-р ыубытыгь* – *кошка поймала мышку*, глагол-сказуемое переходный, подлежащее **чытыум** выражено эргативным падежом.

В абхазском языке конструкции предложения выражаются функциональной и позиционной оппозицией двух рядов субъективно-объективных формантов ряда «Д» и ряда «Л». При номинативной конструкции субъект-подлежащее обозначается глаголом-сказуемым аффиксами ряда «Д», занимающими первую позицию, при эргативной конструкции субъект-подлежащее выражается аффиксами ряда «Л», занимающими в глаголе-сказуемом вторую или третью позицию в зависимости от количества лиц:

Ахьыцы д-цәуеит – «ребенок плачет»; глагол-сказуемое непереходной, субъект обозначен аффиксом ряда «Д» и занимает

первую позицию; *Ан ахэыцы длаазоит* – «Мать воспитывает ребенка» – глагол-сказуемое «длаазоит» переходной, субъект обозначен аффиксом ряда «Л», занимающим вторую позицию.

Как видно, не зависимо от отсутствия падежных форм, механизм конструкции предложения выражается морфологически путем функциональной и позиционной оппозицией двух рядов субъектно-объектных аффиксов.

СТРУКТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Целью настоящей главы является выявление структурных различий повествовательных, вопросительных, побудительных и желательных предложений. Причем имеются в виду различия, которые касаются структурной основы предложения.

В специальной литературе не раз отмечалось то положение, что функциональная классификация предложений не имеет под собой чисто научной основы ни с функциональной, ни со структурной стороны. Так, например, у И. П. Распопова читаем: «Следует отметить, что такое деление, проводимое хотя бы в чисто семантическом плане, с точки зрения строгой научной логики, не вполне правомерно. Названные функциональные типы предложения по тем признакам, которые им могут быть приписаны, во всяком случае, неравноценны»¹.

В самом деле, с одной стороны, повествовательные и побудительные предложения могут быть противопоставлены вопросительным по информативности и определенности своей семантики, но, с другой стороны, побудительные и вопросительные предложения противопоставляются повествовательным по признаку адресованности собеседнику своей семантики.

То же самое наблюдается и в структуре функциональных видов предложений. Известно, например, что вопросительные предложения в русском и многих языках базируются преимущественно на структурной основе повествовательных предложений. Они, за редкими исключениями, не имеют собственной структурной схемы².

¹ И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке, стр. 86.

² См. по этому поводу: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970. стр. 570.

Данные абхазского языка в этом отношении не проявляют принципиальных, сугубо специфических особенностей, но могут расширить, пополнить наши представления о функциональных видах предложений.

Забегая, вперед, мы можем отметить тот факт, что функциональные виды предложения в абхазском языке проявляют больше структурных различий, чем это имеет место, например, в русском языке. Различия эти касаются главным образом грамматических форм предиката, а не самого строения структурной основы предложения.

Повествовательные, вопросительные, побудительные и желательные предложения могут строиться одинаково на однокомпонентной, двухкомпонентной, трехкомпонентной и четырехкомпонентной структурной основе. Следовательно, в конструктивном отношении они могут быть абсолютно тождественными.

Повествовательные предложения

Повествовательные предложения всегда несут определенную информацию, рассчитанную на собеседника, но непосредственно не адресованную ему. Модальность повествовательных предложений всегда реальная, проявляющаяся в положительной или отрицательной семантике синтаксического индикатива.

Характерной грамматической особенностью повествовательных предложений, отличающей их от других функциональных видов предложений, является специальная финитная форма предиката.

Предикат в синтаксическом индикативе в повествовательном предложении как в положительной, так и отрицательной форме оформляется суффиксами финитности **-ит, -т, -и, -п**. Они оформляют предикат как глагольной, так и именной основы в формах всех времен.

Таким образом, поскольку предикат в повествовательном предложении преимущественно выражается в форме синтаксического индикатива, можно сказать, что повествовательные предложения противопоставляются другим видам предложений не только в функциональном, но и в формально-грамматическом отношении.

Предикат повествовательного предложения в форме настоящего времени

Акармаџыс нықатәа-аақәтәо, Амыз гәатәо, ажыц гәатәо, Амџа шытых ицоит, ицоит, Абгахәычы кәараџоит (Б.Шь.) – «Соловей, пересаживаясь с ветки на ветку, пробирается через лес, лисица следует за ним»; Абгахәычы тәаны ихәыцуеит, акармаџыс иаџашыцуеит... (Б.Шь.) – «Лисица в раздумии завидует соловью»; Иңшуп, иңшуп, амшәи абгеи, Цхагәтәнынза дара ңшуп (Б.Шь.) – «Ждут и ждут медведь и волк, до полуночи они ждут»; Адунеиажә цәгьа уеижәгоуп, Ех ҳагоу дутоуп, Шьоуки рзыҳәан уңсыршьагоуп, Шьоуки рзы ухьантоуп (Б.Шь.) – «Мир, ты обманчивый, врагу гостить у тебя, одним ты приносишь отдых, для других ты тяжел»; Ахшаа дызмоу иажәра шкәакәоуп, Димоуп гәығыртәс (Б.Шь.) – «У кого наследник, тот счастливый, наследник – надежда для него».

В предикате отрицательной формы настоящего времени место финитного суффикса занимает аффикс отрицания **м**.

Уи иааңсара сара саңсагәышьам... (Д.Гә.) – «Я не стою его трудов»; Убри ауарбажә шыны агәи агәаџәеи ансмоу егьсырееиуам... (Аңс.л.) – «Если я не получу сердце и печень коршуна, я не спасусь»; Уи аңхәызба дыззымдыруа Адунеиаџ дыказам, Лзара тартар еихытаруа, Лсахьа хәашьак амазам, Абшытгалагьы уи дбашазам, Зегьы илыртәоит апату, Ма атоурыхәџ иџашьазом, Уи шыамтәыла дшақәитү (Б.Шь.) – «Она известна всему миру, стройна, красива, и ее родословная не простая, все уважают ее, истории известно, что t она владеет своей страной».

В форме аориста

Афашистцәа хҭык ишьит. Ашьа иаҳәа инахыишьит, Амаза зхәоз, иџәахкәаз Ақьаадкәа шытихит... – «Трех фашистов убил он, потекла по лезвию кровь, взял с собой секретные документы»; Дтәыџит наҕ азыткәа баара, Деитәныџалт абнеиқәара, Рымахә дуқәа зегь еиышь Аџла игылоу раҕхьа азыжь дныҭыңгылеит игазго (Б.Шь.) – «Вышел он из болота, пошел дальше опять по лесу, подошел к берегу голубого озера, покрытого ветвями деревьев»; Иара ихала

уа дааңшит, уи деиңасуа дыхыташыт, Ибла ңыдақаа аанаңшит (Б.Шь.) – «Проснулся он, замерз, дрожит от холода, с трудом открыл глаза и бросил взгляд в сторону»; Алғыс абғыы ауаса амысит, Ауасақаа абга ркыымсит, Абга Зама дашькламхысит, Зама иабцар айға бжыымсит, Ахәынаңқаа рыцеихамсит, Цис ахәынаң ңханамырсит, Иара цан, ахчат иахыысит, Аха уахқаажә ңис дамысит... (Б.Шь.) – «Ольховые листья овцы не тронули, волк овец не тронул, Зама в волка не выстрелил, крысы не тронули ремень ружья Замы, кот не тронул крыс, но княгиня кота не тронула».

В форме прошедшего несовершенного времени

Қытақ ағы хар змамыз Хаїа шыахәк дынхон, Хаталагыы цагыара зламыз Уафыс дрыңхазон (Б.Шь.) – «В одной деревне жил славный мужчина, был он добрый, занимался хозяйством»; Зны аб ирахә ашыа икыдлон, Иаргыы дцон хьчара, Ицкәын хәычы дидгыжьылон, Дихәон ус иара (Б.Шь.) – «Однажды отец собирался перегнать скот в горы, сынок его крутился около него и просил...»; Икәадырматәа ақәынақаа Еїәошәа иңхауан, Иееиқәа ҳарак аеимтақәа ңагыә иеырңауан (Б.Шь.) – «Седло его сияло отделкой своей, словно звезда, конь его вороной гордо гарцевал»; Дахьаланхоз ақытағы нхафык аеы бзиа дақәтәар каломызт... (И.П.) – «В той деревне, где он жил, крестьяне не имели право ездить на хорошем коне...»; ...Иан лгәазхара дызиеигәырғьомызт (И.П.) «Мать его не могла наглядеться на него»; Ицаз азынра цагыан узхәомызт (И.П.) – «Нельзя было сказать, что прошедшая зима была суровая».

В прошедшем неопределенном

Хтарңа-рқяқя ачыхә ыргьало, Иарак изшазан, Иахәа хәыш ду неидхало Разныла ихфазан (Б.Шь.) – «Башлык его был как бы создан для него. Сабля его с белой рукоятью была отделана серебром»; Ибжыы бзиан, ахаара аїан, Аурыс ашәа уи азказан (Б.Шь.) – «Голос был у него хороший, приятный, пел хорошо русские песни»; Афронт нырцә иқыта шытан, Аха иқыта аға дахын. Уа аңстазаара аеакын (Б.Шь.) – «За линией фронта лежало его село, но там хозяйничал

враг, там была другая жизнь»; Дықан ахак, уи шыарда мазарала дығәған, хшара димамызт («Аңс.л.») – «Жил-был царь, был он богат, но не имел детей»; Ацәгыоура иламызт (И.П.) – «Он не делал плохих поступков».

В форме давнопрошедшего времени

...Уи макъана дагымыцт, дихьазаргыы дагымышәыцызт... («Аңс.л.») – «Он еще не родился, если даже родился, то пока молод (еще не возмужал)».

В форме давнопрошедшего упреждающего времени

Амра лашо жәхьан еиңи ифеиҳьан, Ыьырхәа ақыта азаза бахьан (Б.Шь.) – «Солнце уже поднялось высоко, сошла уже роса»; Алашыцара уи даларшыын, Иблақәа цахьан, Ибарфын-хахә ашыа алашыын, Амаң дырфахьан (Б.Шь.) – «Он лежал в темноте, был он уже слеп, его шелковые кудри были в крови, змеи уже съели его»; Иужәша азыхә ахы ыңнамхыцызт, Макъана уңшқан. Уан лызхара улзымаазацызт, Ииңалури уан! (Б.Шь.) – «Ты был еще молод, мать твоя еще не успела наглядеться на тебя, как перенести ей горе такое!»

В форме будущего I времени

Ахра иавцны амра ангыло, Сгәырғьо сазыңшлап, Ақаңқаңқаа аныңхьарыло рыбжыы сахалап (Б.Шь.) – «Буду смотреть на восход луны из-за хребтов, буду слушать вечернею порой пение горных индеек»; Атың ағы шыыжьза сгылан ахица сырхиалап (Б.Шь.) – «Буду вставать ранним утром и готовить горячее молоко»; Ушәарыцан шәарах жыыла Уааир уааңсаха, Иудызгылап нас хмачырла ахырїәы зфаны (Б.Шь.) – «Когда ты с охоты вернешься с добычей, я встречу тебя с ахмачиром (деревянной кружкой), полным молока»; Аїла сықәтәа сшәахәалап, Уара уеиңшїәкьа қяф зулап (Б.Шь.) – «Буду петь сидя на дереве, как и ты, буду блаженствовать»; Ус акәзар, ара уаха сихылаңшып, сара дсышытрым... («Аңс.л.») – «Если это так, то я сегодня ночью буду сторожить его, не пущу я его»; Темыр

сара дызласымдыруа егыузхэарым (И.П.) – «Ты мне не раскроешь таких черт Темыра, которых я бы, не знал».

В форме будущего II времени

Аейдэ амзеицш изыпхашт, Лфызцаа рапхэа убла лгоит, Лажэа хаара угэы итэанцэашам, Умфа аркыафэуеит, умфа аухашам, Изгэы жьжэаган иузаанхоит (Б.Шь.) – «Не светить же звезде солнцем, раньше своих подруг привлечет взгляд, ее сладкие речи сердце наполняют, дорогу твою укоротят, успокоят тебя»; Аейдэақэа еицшны ипхашам, Ашэтқэа ффыла зегыи бзиам, Ажэа ртамзар ицшзахашам, Гэыла ирпхатэхар уи поезиам (Б.Шь.) – «Не все звезды одинаково светят, не все цветы одинаково пахнут, не отлитое слово – не красивое, сердцем не утомленное – не поэзия»; Саннеи-лак сыхэмаршит. Сылдырратэ сылбашт, сыбжыи царза иналахашт. Сказшыа еиллыргашт (И.К.) – «Когда я примчусь туда на гарцующем коне, она узнает меня, голос мой услышит, поймет мой характер»; Шарпыейдэ макъана избазом, Аха шыта иаагылашит ишамшамуа (Б.Шь.) – «Утреннюю звезду еще не вижу, но она взойдет скоро».

В заглазной форме

Ихъзеи, мшэан, Хоцъан ду, Илалазаап азфа ду, Иннарцэазаап итаацэа ду, Икэзаазаап ирахэ, ифнра ду (Д.Гэ.) – «Что же произошло с Ходжан ду, оказывается, зараза его одолела, уничтожила его семью, скот и двор»; Излархэо ала, дыказаарын Аңсны Абраскыыл захъыыз (Д.Гэ.) – «Как об этом говорят, оказывается, был в Абхазии Абраскил».

Предикат в повелительном предложении может быть выражен глаголом в форме обусловленного наклонения. Однако форма обусловленного наклонения преимущественно употребляется с побудительным значением. Употребление ее в повелительном предложении, как правило, обусловлено контекстом.

Угэы иаанагарын, цыханым мчыс иказ зегыи зныкала еицтыит хэа (С.–Ч.) – «Можно было полагать, что все силы ада разом вышли из ада»; Сара сцъазшыаз ура, аеаңа Цымхэхэа дубар, егыа

дцьюушыарын («Аңс.л.») – «Кто удивляется мне, тот как бы удивился, если бы увидел сына оленя Джамхух»; Цлак ашэара амра анхалалак сгыларын, сееилахэаны пшак аасфэарсны шыбжыхэа сфарын, шыбжышытахэ – уаххэа, нас сышыталарын (Д.Гэ.) – «Вставал я по утрам поздно, прогулявшись немного, обедал, вечером ужинал, а затем ложился спать».

Бывают случаи употребления вопросительных, особенно отрицательно-вопросительных форм глагола для выражения предиката повествовательного предложения. Однако это связано с транспозицией вопросительного предложения в повелительное. В этом случае вопросительное предложение выступает со значением риторического вопроса.

Згэы шытыцэа ацэқэырқэа Уа урцысуа урымами, Аңша унырдоит аңра шлақэа, Аимцэаф игба угарами (Б.Шь.) – «Вздыбленные волны тебя качают, седые паруса тебе веер, разбойничий корабль тебе люлька»; Арахэ уааир цқэа хнамтэози... (Б.Шь.) – «Если бы ты подошел сюда, сели бы мы поудобнее»; Акармацыс баша ипшызма, Ари амбо зынза ижэызма... (Б.Шь.) – «Соловей ведь даром не смотрел, как же мог он этого не заметить!»

Бывают и случаи транспозиции побудительных предложений в повествовательные. Случаи эти обусловлены контекстом.

Ус кашэымцан хэа иахэа хэлаанза урықэыхэаала, дара икарцац карцэит – «Кричи на них целый день, запрещай им, а они свое продолжают».

Вопросительные предложения

В функциональном отношении вопросительные предложения противопоставляются другим видам предложений отсутствием в них позитивной информации. «Они направлены от того, кто не обладает позитивной информацией и хочет ее получить, к тому, кто является потенциальным носителем позитивной информации»¹.

Однако вопросительные предложения не могут характеризоваться единой семантикой и общей, модальностью. Семантическое

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 545.

разнообразие вопросительных предложений может распространяться от прямого вопроса, до вопроса подтверждения.

Ниже мы акцентируем свое внимание на структурной характеристике вопросительных предложений.

Прежде всего, следует отметить тот факт, что вопросительные предложения в абхазском языке обладают своей собственной грамматической структурой, отличающей их от других видов предложений. Особенность эта обусловлена наличием вопросительных образований глагола наряду с невопросительными образованиями. В позиции предиката вопросительных предложений выступают именно глаголы вопросительного образования. Вопросительные и невопросительные глагольные образования противопоставляются грамматически также по категории финитности-инфинитности. Вопросительные глагольные образования лишены категории финитности, соответственно и аффиксов финитности. Соответствующее формально-грамматическое различие наблюдается в формах предикатов вопросительных и повествовательных предложений. Предикат вопросительных предложений не оформляется формантами финитности **-ит, -т, -н** и **-п**. Вместо них здесь мы имеем вопросительные суффиксы **-ма, -зеи/зи, -и, -у, -да** и **-ба** (последний префигируется). При общей грамматической вопросительной семантике суффиксы эти проявляют различия в других частных значениях.

Предикат вопросительного предложения с вопросительным суффиксом –ма

Вопрос, выражаемый суффиксом **-ма**, всегда связан непосредственно с семантикой самого предиката и через него с семантикой всего предложения. Суффикс **-ма** используется, таким образом, при необходимости получения информации относительно осуществления или неосуществления действия или другого признака, обозначенного предикатом. Он прибавляется к временным финитным основам положительного глагола-предиката.

Уа узхылцыз уажэггы ишәтума? Ыц иафума азхара? Насггы дарбан, иңсы тоума Уаггылазцыз ашәкәы абра? (Б.Шь.) – «Цветет

ли еще тот цветок, с которого тебя сорвали? Растет ли он до сих пор? И кто он, жив ли еще тот, кто вложил тебя в книгу?»; Ижәбома ари ашәкәы (И.П.) – «Видите ли вы эту книгу?»; Изцоузеишь урт? Партфелума? Стол мгоума? (И.П.) «В чем же они лежат? В портфеле? В столе?»; Еггы амчыбжь азы хцацәкәыма нас? (И.П.) – «На следующей неделе в самом деле пойдем?»; Уара абри Напха Кьагәа хәа даара зыхьз дуны икоу дудыруама? («Ац.л.») – «Знаешь ли ты прославленного Напха Киагуа?»; Бышьталама бара? – «Ты легла?».

Предикат с вопросительным суффиксом –у

Вопрос, выражаемый суффиксом **-у** также относится к семантике предиката. Он может быть охарактеризован как вопрос-уяснение, используемый при необходимости удостовериться в совершении или несвершении процесса, обозначаемого предикатом. Вопросительный суффикс **-у** прибавляется к временным основам глагола-предиката.

Хазгьари, уашьцәа убар иудыруу? («Ац.л.») – «Хазгиари, если увидишь своих братьев, ты узнаешь их?»; Икалацәкьар-ушь, анацьалбеит, аибашьра? (И.П.) – «Неужели, в самом деле, будет война?»; ...Абри уара иушәу арратә форма аңхәыс илшәылцар илнаалау-у, илнымаалау-у? (И.П.) – «Если военную форму твою оденет женщина, подойдет ей или не подойдет?»; Акриҭабцә-у ма? Аңшәа бызхәо-у қәнагала? (М.Л.) – «Ты накормила его? Хорошо ли встретила ты его?»; Абри асасаиртә ашә дахцәажәаз-у? (М.Л.) – «Он говорил что-либо о двери гостиной?»; Сагьаса, ухайкы, абарт рчара уахаан-у? (М.Л.) – «Сагиаса, дорогой, ты помнишь их свадьбу?»; Ари дудыруу-у? (М.Л.) – «Ты знаешь этого?»; Сара исиааиуа дқалар-у? «Найдется ли такой человек, который бы меня переборол?»; Хьызла акәу, хьымзгәла дтәхо-у? (Б.Шь.) – «Погиб он с позором, или со славой?»; Амайура бало-у ашқол бтәо-у? – дцааит Никәа (И.П.) – «Ты (ж.) служащая или учишься в школе? – переспросил Никуа»

Предикат с вопросительным суффиксом –и

Вопросительный суффикс **-и** используется преимущественно при предикате, выраженном глаголом отрицательной формы. Од-

нако значение отрицания в таком случае затемнено, ослаблено, порою до его полного отсутствия. Предикат такой структуры используется с подтвердительно-вопросительным значением, со значениями риторического вопроса, подлинного вопроса. Нередко в предикат включается суффикс интенсивности **-за, -зе**.

Айдапшы иафызамы хтатын? Цкыа ихаазами хчай хазына агыама? (Б.Шь.) – «Разве не напоминает наш табак красное яблоко? Разве не сладок вкус прекрасного нашего чая?»; Афы этастааз бара бзыноуп. Иааныбкылар камлар-и?! – «Для тебя (ж.) я сделал вино. Нельзя ли тебе поднять бокал?»; Ленин ожэ адаыгба дтымйе-и, Ленин иоум-и иззыншу (Б.Шь.) – «Ведь Ленин сейчас сойдет с поезда, Ленина же ждут тут?»; Икалази нас, иараби, Бзия сбымбазо-и? Имабкуз-и цьюк рысаби, Уаха бгэы мбылзо-и? (Б.Шь.) – «Беда ли со мной приключилась, не любишь ты меня? К чему мучить чужого парня, неужели у тебя сердце не бьется?»; Згэы шытыцуа ацэкэырцакэа Уа уртысуа урым-и. Апша унырдоит апра шлакэа Аимтэаф игба угарам-и (Б.Шь.) – «Вздыбленные волны тебя качают, наганяют на тебя белые паруса вражеского корабля»; Ала ылыркыаны аеа зшыз Уа абри арцыс иакэымхои, Шыкэсык ала дхайамхо-и! (Б.Шь.) – «Вытравив собаку, кто убил оленя, это будет он, за год он вырастет, возмужает»; Аейдакэа кэиц хатам-и Аңырзеиңи иңхоит. Хэыхэи йыси рашатэами, Уцэара ргэаңхеит (Б.Шь.) – «Звезды, словно искры, светят, птицы пенье прекратили, хотят, чтобы ты уснул»; Арашэарахь шэымцазо-и? Амра мгылац, Абна мфыау, шэымбазо-и? (Б.Шь.) – «Не идете ли на работу? Солнце еще не взошло, лес еще не проснулся, не видите-ли?».

Предикат с вопросительными суффиксами -зеи/-зи, -и, -да

Вопросительные суффиксы **-зеи/зи, -и, -да** используются для выражения вопроса, относящегося к субъекту или объекту. При субъекте и объекте класса вещей используются суффиксы **-зеи/-зи, -и**, при субъекте же и объекте класса человека используется суффикс **-да**. Они прибавляются к временным формам инфинитной основы глагола-предиката, образованной аффиксами относительных местоимений **и, з**. Предикат такой структуры используется преимущественно с подлинно-вопросительным значением.

Ари амацааз бызта-да? («Апс.л.») – «Кто тебе дал этот перстень?»; Закаф ртида афаңа рфайаны? Закаф агада хынтэ амхацьыр? (Б.Шь.) – «Сколько людей продали в рабство? Сколько людей унесло махаджирство?»; Измырз-зи жэйтэаахыс хабызша, Ирфыцуа иаххэоит иахьа ара? (Б.Шь.) – «Как сохранился с древних времен наш язык?»; Измырз-зи хчеицьыка, хапату? Изарту-зи икьакыаза хгэашэ? Измырз-зи хашэакэа ихайтэу? (Б.Шь.) – «Как сохранились наше гостеприимство, наш почет? Почему открыты наши двери? Как сохранились наши героические песни?»; Ага итынчу сныгеңыңылан, ла слызхэыцлап, изурызи? Ацэкэырң былгэа-былгэа ишыталан Са сыгэтыхаз ирхэары-зи? (Б.Шь.) – «Усевшись на берегу моря, буду думать о ней, что же мне скажут волны о моей думе?»; Хкыта рбагькэа ирхэаша-зеи, Акисихэа еикэфытуа?! (Б.Шь.) – «О чем поют деревенские наши петухи?»; Данааилак иасхэарызеи Ныгэ? (Б.Шь.) – «Когда вернется Ныгу, что же я ему скажу?»; Исыкэзыршода нас аңсыма Санңслак абра? Сеи скэадыри иакэтарыда?... (Б.Шь.) – «После смерти кто же меня похоронит? Кто же будет ездить на моем коне?»; Абасгыи шаанза игылада? (Б.Шь.) – «Кто так рано встал?»; Зыфны анеира згэы амыхэода? (Б.Шь.) – «Кто не желает заглянуть в свой дом?»; Ахэынтқар, ухайкы, саазго-да сара агмыг абра («Апс.л.») – «Светлейший государь, кто меня, глупца, сюда приведет?»

Предикат с вопросительным аффиксом –ба

Аффикс **-ба** используется для выражения обстоятельственно-вопросительного значения. Он сочетается с обстоятельственными элементами **ахь, ан, ш**, вместе с которыми предшествует основа глагола-предиката. Глагол-предикат и в данном случае, как видно, инфинитного образования.

Вопрос, выражаемый аффиксом **-ба**, может иметь обстоятельственное значение места, времени и образа действия.

Иш-ца-феааи ахахэ кэамца? (Б.Шь.) – «Как оно (дерево) выросло на скале?»; – Ожэы-уаштан дан-ба-цэырцуеи? (Б.Шь.) – «Когда же он появится?»; Ихы-ифы еихачча, ных... Иабакоу? Азэгы ибашам, ибылзеит. Игэы еилгара, сышь... Иабакоу? Икам, икам, ихэашеит

(Б.Шь.) – «Где же его улыбающееся лицо? Оно сгорело. Где же его мудрость сердца? Нет ее, она разбита»; Алцыкә да-бакоу? – дцааит Есма... (И.П.) – «Где Алцыку? – спросила Эсма»; Җаб, җаб рыцха, җааныҗны уабаци?... (И.П.) – «Отец наш, бедный отец, куда ты идешь, оставив нас?»; Иабакаларишь адокументқаа, ахсаалақаа? (И.П.) – «Где должны быть документы, карты?»; Ишцоухәеи сымхәеи уара аҗыбырхацә? (И.П.) – «Как ты сказал, я тебя спрашиваю, рото-зей?»; Ишпакалеи абри? (И.П.) – «Как случилось это?»; Ихахамцакәа, ишпахахамцои Кутат? (И.П.) – «Верим, как же мы не верим, Кутат?»; Цаара пхашьарам, уабанзатәиу, уххь згеит? (И.П.) – «Извините, вы откуда?»

Предикат вопросительного предложения без вопросительных суффиксов

Встречаются случаи употребления глагола инфинитной формы без вопросительных суффиксов в позиции предиката вопросительного предложения. В таких случаях вопросительные суффиксы заменяются вопросительной интонацией. В этой функции чаще встречается условная форма глагола, образованная суффиксами **-зар, -р**. Относительное временное значение условной формы глагола в этих случаях снимается вопросительной интонацией. Этот вид предиката можно квалифицировать как особенность вопросительного предложения, поскольку условная инфинитная форма глагола, как уже было отмечено выше, в силу относительности своего временного значения вне вопросительной интонации не может выступить в позиции предиката.

Ара зыңсы зшьо Соукар Андарбуа дахьыфноу жәдыруазар? (И.П.) – «*Может вы знаете, где живет отдыхающий здесь Соукар Андарбуа?*»; Бара ибдыруазар дахьыфноу? (И.П.) – «*Может, ты (ж.) знаешь, где он проживает?*»; Ахәмаргақәа узаасхаап утаһызар? (И.П.) – «*Куплю я тебе игрушки, если ты хочешь*»; Кәынтеи уареи җьаракыр шәеибабазар?... (И.П.) – «*Ты с Кунтой, может быть, где-нибудь встретились?*»; Пхәызбаки чкәынаки абас иаиуан иубазар? («Аңс.л.») – «*Парень с девушкой проходили здесь, ты их не видел?*»; Икалап, Леуарсагы иҗәы лызцазар? (И.П.) – «*Может быть, она по-*

нравилась и Леуарсе?»; Издыруада, сыхьзгы жәдырыц шәтахызар? (И.П.) – «*Возможно, вы хотите узнать, как меня зовут?*»

Бывают редкие случаи употребления повествовательного предложения с предикатом, выраженным глаголом финитного образования, в функции вопросительного предложения. И в данном случае для выражения вопроса используется вопросительная интонация.

Уара излоухәо ала, аколнхара калаанза уаф бзиа дыкамызт? – дцааит аңаца гәымжәйә (И.П.) – «*По моему заявлению, до возникновения колхозов не было хороших людей?* – спросил бородатый»; Уара укоммунистзар калап? – дцааит аңаца гәымжәйә (И.П.) – «*Ты, наверное, коммунист?* – спросил бородатый»; Аеафра азырханы уафы изаарыхуам? Җаргы баша аҗьабаа аабомт? (И.П.) – «*Нельзя получить высокий урожай? И мы напрасно трудимся?*»; Нас уара ихомҗозаап җабригада еизараҗы ырыласхәаз? (И.П.) – «*Оказывается, ты не веришь тому, что я объявил на собрании нашей бригады?*»

Для выражения вопроса в вопросительном предложении могут быть использованы вопросительные слова. Предикат, к которому примыкает вопросительное слово, и в данном случае выступает вне финитных суффиксов.

Зыкәыр, иарбан аҗәца узасуа? (Б.Шь.) – «*Дзыкур, почему ты по стакану бьешь?*»; Арҗыс имоу иарбан гәтыхоу? (Б.Шь.) – «*Что беспокоит парня?*»; Изакаызеи миәан, иҗәы иалоу? (Б.Шь.) – «*Что тревожит его сердце?*»; Иарбан раңхьа дызлагара? (Б.Шь.) – «*С чего ему начинать?*»

Побудительные предложения

Побудительные предложения всегда связаны с выражением волеизъявления, направленного на осуществление чего-либо. Значения волеизъявления могут быть разнообразными, они охватывают категорическое требование, смягченное требование, требование-просьбу, допущение, желание с оттенком требования, согласие.

В структурном отношении побудительные предложения проявляют ряд особенностей.

1. В позиции предиката побудительного предложения выступают преимущественно глагол в повелительном наклонении и конъюнктив.

Побудительное предложение с предикатом, выраженным глаголом повелительного наклонения, обозначает категорическое требование, направленное ко второму субъектному лицу единственного или множественного числа. Первое и третье синтаксические субъектные лица в данном случае исключаются. Второе синтаксическое лицо единственного числа не получает своего морфологического выражения в том случае, когда в позиции предиката выступает переходный глагол повелительного наклонения положительной формы, субъектное лицо в этом случае выражено синтаксически.

Уара уансмышхаа цэгъароуп илахъынџа, иуџаху сызу, къаранџыыс скаџа!.. (Б.Шь.) – «Если ты мне не поможешь, я пропаду, сделай со мной, что хочешь, сделай меня рабом!»; *Азэ джъа, азэгъы дкы, иаанхазгъы даных! Аџсыцэгъа дуџылар, џарала дхых!* (Б.Шь.) – «Одних обдуривай, других изолируй, а остальных уничтожь! Жадного встретишь, купи его деньгами!»; *Сан, иабаџоу, иаасырба, Абырфынлых сыхџырџа?!* (Б.Шь.) – «Мать, где же он, подай мне шелковый мой башлык?!»; *...Хшык аџара изырхиа, Уи данааилак иныриа!..* (Б.Шь.) – «Приготовь ему горячего молока, когда он придет, подай ему!»; *Ей уара ахэычы! Аеы ааги арахъ!..* («Алашара») – «Эй, ты, мальчик! Подай сюда коня!»; *Ирыгэгъаны скыз Чиа!* («Алашара») – «Крепко держись за меня, Чиа!»; *Абар, иаанкыл сара стапанча, уи амц ахэарц залишом... Уара утэы еибамгар арахъ иааг, уи сара исыт!..* («Алашара») – «Вот, возьми мой пистолет; он не обманет... А свой, сделавший осечку, подай мне сюда!..»; *Аха, сымра, уааи умџшыкэа, сылахъ икэыриш ушэахэа. Са сызхъымзас сускэа Саџхъа иааг еицырхэхэа. Сухэоит ускан: ан лыбжыы хаа Слымха иџарфы «шыышь нани!» Слымха иџарф арџаш мчымха Феихак шамам уахи-ени! «Уари дада» – днаргоит џаџак, Уи ашэала сгэы шыышы!* *Урт инрыџа џсыуа хаџак апџаџахэа иџамч абжыы!* (Б.Шь.) – «Солнышко мое, иди ко мне, освети своими лучами мой лоб! Дела, которые я не успел сделать, перенеси на будущее. Прошу тогда: дай мне услышать сладкий голос матери, поющий «шиш нани» (колыбельную)! Дай мне услышать шуршание ручейка! Дай, мне услышать свадебную песню! Прибавь к ним свист плети абхазца-молодца!»

В остальных случаях синтаксическое субъектное лицо получает свое морфологическое выражение.

Дыхэхэеит уи: Ирласны шэаах, уара сеы! (Б.Шь.) – «Крикнул он»: «Быстро подайте мне коня!» *Ахы, дад шыџа шэџа!..* («Алашара») – «А теперь, дети мои, вы сами идите!»; *Шыџа уеыжэџ Хабашь!* («Алашара») – «Теперь сходи с коня, Хабаш!»; *Шэара шэџала, уаргъы унеила, Иаса!* («Алашара») – «Вы идите, и ты иди, Иаса!»; *Ей уара афаетон хъча, уекэа унарыс!* (Б.Шь.) – «Эй ты, кучер, погони коней!»; *Уаха зэџэык уџэкэырџа, Уаха зэџэык уеырба, Улеи, улеи узхара!* (Б.Шь.) – «В эту ночь ты разливайся, в эту ночь ты покажись, беги, беги вдоволь!»; *Уахатэи аџх шэхашэмырштын!* («Алашара») – «Сегодняшнюю ночь запомните!»; *Аџшэма уџазар уаадэылџ!* (И.Л.) – «Хозяин, если ты дома, выходи!»; *Улахџыхыз сажэеинраала, улахџыхыз улахџых!* (А.Л.) – «Будь бодрым, мой стих, бодрым!»

Как видно из примеров, предикату в описываемом случае представлен чистой основой глагола, вне временных и финитных показателей.

При выражении смягченного требования к предикату прибавляется частица-суффикс **-ишь**.

Да уаасџаџишь, да уаасџаџишь, Убла џбааџа сынџарџишь (Б.Шь.) – «Дай-ка взглянуть на тебя, на твои большие глаза!»; *Унахџэаџеишь нас Арсана, уоуми ахы зку!* (Б.Шь.) – «Скажи-ка слово, Арсан, ты же руководитель!»; *Ифишь, иф уаахан абни!* (Б.Шь.) – «Съешь-ка, съешь вот это!»

При отрицательной семантике к предикату побудительного предложения прибавляется частица-суффикс **-н**.

џааитџит ускан: «Сшэом сара, Уаргъы умшэан, угэы рџынч (Б.Шь.) – «Крикнул он тогда: «Я не боюсь, и ты не бойся, успокойся!»; *Уи шэицэымшэан шэара* («Алашара») – «Вы не завидуйте ему»; *Уагъырмаџэхан, кыргъы рџоумџан!..* («Алашара») – «Не ругай и не корми их!»; *Саргъы аџааџара ду аџы, Хаџэит џааџара џыц аџы сышэхашэмырштын, сышэгэалашэала Жэахаа гыџаџагала!* (Б.Шь.) – «И в семье большой, свободной, не забудьте, помяните добрым, тихим словом»; *Ари ауаџ дыџам, уаанымхан уаха, Сымала снумыжыын, уааины сеиџэырха!* (Б.Шь.) – «Нет этого человека, не оставайся сегодня, не оставляй меня одного, вернись и помоги мне!»

Побудительные предложения с предикатом, выраженным конъюнктивом, обозначают повеление, допущение с оттенком по-

веления, предупреждение-увещевание, согласие. При чистом повелении в качестве синтаксического лица выступает третье лицо единственного и множественного числа, в остальных же случаях – все три лица.

Амала иумхэааит Чиа! («Алашара») – «Однако, чтобы ты не сказал ни слова об этом, Чиа!»; Шьта уеизгы ишоит, Ачапшацаа цаны мацк рыңсы ршьааит («Алашара») – «Уже рассветает, дежурные пусть пойдут и отдохнут немного!»; Иааиз ауафы ивизитта карточка сзаитчааит (Д.Гэ.) – «Пришедший человек пусть пришлет мне свою визитную карточку»; Хазшыуагы хаишьааит, абраїа́кья зеггы царта ха хамазам цыарамзар цыаргы! (Е.Ш.) – «Пусть убьют нас всех здесь, некуда нам идти!»; Шэггы ишахээз збеит, аха шэахымхэааит! («Н.С.») – «Я вижу, что вас обрадовало то, но чтобы вы не пожалели!»; Ахаїа ичхара учхарахааит, аңхэыс лыгэагыра угэагырахааит! (Поговорка) – «Пусть ты будешь наделен терпением мужским, решимостью женскою!»; Идыруазааит аңхэызба рыңца дангэа́лак акы шлышо! (Д.Гэ.) – «Пусть он знает, на что способна девушка!»; Амыцхэ сфацаеит, исзыхалалхааит (К. А.) – «Я переел, пусть мне на пользу пойдет!»; Уи айкыс Камачыч лыхызыааит (Д.Гэ.) – «Пусть зовут ее Камачич».

2. В функции предиката побудительного предложения выступает форма т. н. будущего категорического времени глагола¹, выражающего синтаксическое побудительное наклонение.

Волеизъявление в этом случае имеет значение повеления с оттенком долженствования. Например:

Аңхэызба деїкэ́хархароуп! (И.П.) – «Мы должны спасти девушку»; Са суал ишэ́кэу иахьа́кья исоуроуп! (Б.Шь.) – «Вы мне сегодня же должны вернуть долг!»; Инхо-инїуа афгы ижэ́ироуп. Аха иус ихеимы́рштыроуп! (Б.Шь.) – «Крестьянин иногда должен и выпить, но о своем деле никогда не должен забывать»; Еїла́хэарак улто́ит, исхашты́з нас, ианлымухуа улеихы́рхэароуп уаф́ас! (Б.Шь.) – «Она тебе даст, что я забыла, сверток, когда она тебе подаст его, ты должен ей поклониться!»; Абри наган а́хкэажэ Чыч ианлу́талак, Ианлу́то нан, ушхы́рхэаша уды́рроуп, Хамта́к уаалзы́ншы, лара

дана́хьалак, Ата́к уманы са сахь у́прыроуп! (Б.Шь.) – «Когда это ты подашь княгине Чич (тогда ты должен знать, что надо ей поклониться), ты немного подожди, когда она прочтет, с ответом ты должен полететь ко мне!»; Хан-Ха́псадгы́л ха́псахароуп, Ихалымша́ц халхаршароуп (Б.Шь.) Мы должны быть достойны матери-Родины, чего еще не успели, должны успеть»; Ахэа́кэа ц́кьатэуп, ибы́лтэуп! (С.Ч.) – «Межи надо уничтожить, сжечь!»; ...Ешьас сбы́нхьазозар бсы́цхраароуп! (И.П.) – «Если ты меня считаешь братом своим, ты должна помочь мне!»

Как видно из вышеизложенного, повелительное наклонение глагола, конъюнктив и будущее категорическое время глагола являются характерными средствами выражения предиката побудительного предложения. Они не характерны для других видов предложений.

Бывают случаи транспозиции повествовательного предложения в побудительное. Это достигается главным образом побудительной интонацией. Предикат в таком случае может быть выражен:

1. Формой будущего первого времени глагола финитной семантики первого субъектного лица:

Шар еи́гьхан, Махател. Ааи, ааи, харшан! («Алашара») – «Лучше дожждаться утра, Махател. Да, дождемся утра!»; Хэхьгы́лоу хэ́ычык иманшэ́алам, бгэ́ы иа́цэымгымзар, хнымф́ахы́ып! (И.П.) – «Здесь немного неудобно, отойдем в сторону, если не возражаешь!»; Хара зеггы х́напы еикэ́ырша аколнхара харгэ́гэап! (С.Ч.) – «Мы все дружно укрепим колхоз!»; Егьы́рт црхэ́огы сазызы́рфыпишь!.. (И.П.) – «Послушаю-ка, что другие скажут!»; Хлеип аф́ныка!.. (Б.Шь.) – «Заидемте домой!»

2. Формой настоящего (настояще-будущего) времени глагола финитной семантики второго субъектного лица:

Ахэ́ыцкэа уры́ццоит. Уарха́ ақы́та иналаргы́ланы ухынхэ́уеит («Алашара») – «Пойдешь с детьми. Доведешь их до села Уарха и вернешься, чтобы рассвет не застал тебя... – поручили кому-то»; Абарт́ а́цкэынца́ ачы́вхэа рты́ң а́фы иуго́ит! («Алашара») – «Вот этих ребят доведешь до их места!»

3. Формой обусловленного наклонения первого субъектного лица:

¹ См.: Л.П.Чкадуа. Система времен..., стр.193.

Бара, абри аколхоз халаларын! (С.Ч.) – «Послушай (ж.), поступим в колхоз!»; Уара, сдэықаларын ахэынтқар иахь! (Д.Гэ.) – «Послушай (м.), отправлюсь-ка я к государю!»

Бывают единичные случаи транспозиции желательных и просительных предложений в побудительные.

1) *Сахьуазйаауагы мдырс сумҕхьазакаа исоухэандаз убри зыхкьаз авбақаа (Д.Гэ.) – «Не сочти меня глупцом за то, что я тебя спрашиваю, объяснил бы ты мне причину случившегося».*

2) *...Ари закэ шэахстоу соухэар камлари? (Б.Шь.) – «Не сказал бы ты мне, что за шрам?»*

Мы встретили единственный литературный пример транспозиции побудительного предложения в повествовательное.

Уңшишь нас иихэо, уара ацэгъара ула, Ауачарцаа урықалан ирхала, ишыла. Сара сухзызо уйдахра сағыз... (Б.Шь.) – «Смотри, что он говорит, ты совершай преступления, ограбляй купцов, убивай их, а я, дрожа, буду прятать тебя...»

Желательные предложения

В желательных предложениях предикат выражен желательным наклонением глагола, организующим синтаксическое желательное наклонение. В них отсутствует элемент волеизъявления, они обозначают эмоционально окрашенную устремленность к действительности, желание говорящего, чтобы содержание предложения соответствовало действительности. Предикат желательного предложения лишен финитных суффиксов, он оформляется суффиксами **-нда, -ндаз**, прибавляющимися к временным основам глагола.

В качестве синтаксического субъектного лица могут выступить все три лица. Желательные предложения ограничены рамками синтаксического желательного наклонения и не имеют большого распространения.

Акрыздыруа дагыуанда, дагыуағанда! (Поговорка) – «Умный (человек) был бы и родственником твоим, и врагом твоим!»; Дыздыруанда абри абаа акайара хыс иамоу ауафы! (Д.Гэ.) – «Знал бы я, кто руководил строительством этого храма!»; Уара уеы мчы-

ла ифуанда, сара сеы – насыңла! (Поговорка) – «Скакала бы твоя лошадь силой, а моя – счастьем!»; Паса иухэыцуа уара иумандаз, ашьтахь иухэыцуа сара исымандаз! (Поговорка) – «Первое твое решение осталось бы тебе, а второе твое решение – мне!»; Убри аасоумхаакаа ңытқ уара иутэны исықэындаз! (Д.Гэ.) – «Был бы я в долгу перед тобой, чем слышать от тебя такой разговор!»; Гэыңжаара сзырымундаз! (Б.Г.) – «Не расстроили бы они меня!»; ...Хазғаб айара даанахэанда!.. – «Попала бы наша дочь в школу!»; Хаи, зыбжы газ ағба сара истэушэа икандаз! (Д.Гэ.) – «Был бы пароход, который гудит, моим!»; Сгэақуеит, шанда! Амра гылар, Избоит сышьхақаа хьзыркны (Б.Шь.) – «Мучаюсь, рассвело бы! Взойдет солнце и я увижу горы свои, омытые золотыми лучами»; Амға ухэама, амға башоуп, Хрыламшэанда агыгшэыг! (Б.Шь.) – «Обойдемся без дороги, не попали бы к зверям!»

КОМПОНЕНТЫ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Субъектный компонент

Подлежащее в абхазском языке не имеет специальной грамматической формы, которая отличала бы его от других компонентов предложения. Это объясняется отсутствием категории склонения в абхазском языке. Однако имя в абхазском языке не является грамматически аморфной частью речи. Оно располагает своими морфологически выраженными категориями. К ним относятся категории общности, определенности, неопределенности, притяжательности, превратительности и др. Имя не во всех этих категориях выступает в функции подлежащего. В этом отношении противопоставляются категории общности, неопределенности, определенности, притяжательности и форма лишения, превратительная и послеложные формы имени. Последние формы имени не выступают в функции подлежащего. Они не характерны и для ближайшего объекта. Подлежащее и ближайший объект могут быть выражены лишь общей, определенной, неопределенной и притяжательной формами имени.

Общность синтаксических форм подлежащего и ближайшего объекта в противоположность косвенному и простому объектам (в некоторых случаях) наводит на мысль о том, что, во-первых, в имени уже, хотя и слабо, но наблюдается функционально-грамматическая оппозиция форм: общая определенная и неопределенная, формы имени противопоставляются превратительной форме, форме лишения и послеложным формам; во-вторых, общность словарных форм имени для подлежащего и ближайшего объекта находит свою аналогию в общности формы именительного падежа (независимой словарной формы) для субъекта (при переходном глаголе предикате) и ближайшего объекта (при пере-

ходном глаголе-предикате в иберийско-кавказских языках, обладающих эргативной конструкцией).

В оппозиции словарных форм имени и формы превратительности получают свое отражение зачатки формирования системы склонения в абхазском языке, о чем уже известно из специальной литературы¹.

Наряду с именами существительными синтаксическую позицию подлежащего могут занять субстантивированные имена прилагательные, местоимения, числительные, инфинитная форма глагола, масдар, словосочетание, инфинитная конструкция и т. д.

Имя существительное в синтаксической позиции подлежащего

Нарицательные имена существительные в категории общности являются типичной формой выражения подлежащего.

Аиаџаақәа жжаза и-нџалон хланџы (И.К.) – «Звезды огненно яркие низвергались в бездну»; *Ашьхарахь инеиуан аџтақәа ббаза* (И.К.) – «Мчались (шли) к горам облака»; *Аџстазаара џхьаџа ацара и-аџын* (И.П.) – «Жизнь продолжала идти вперед»; *Днеиуеит аџхьызба ақыта мџахџастала* (Б.Шь.) – «Идет девушка по сельской тропе»; *Ахџасақәа неицаџџеит* (Д.Гџ.) – «Женщины переговаривались».

Неопределенная форма имени в синтаксической позиции подлежащего

Нарицательные имена (и фамилии) в категории неопределенности часто занимают позицию подлежащего.

Кармаџыск шџахџоит абжьы харақы... (Б.Шь.) – «Соловей (какой-то) поет звонко»; *Нхаџык дыџан* («Аџс.л.») – «Жил-был какой-то крестьянин»; *Аимџаацәа рахь уаџ д-цеит* (И.К.) – «К грабителям пошел какой-то человек»; *Раџ дызџам зба зныџаом* (Поговорка) – «Пароход без негра не поплывет (пароход, в котором нет негра)»; *Арыдбак дгыланы д-цаџаџон* (И.К.) – «Арыдба (какой-то) стоя говорил».

¹ К.В. Ломтатидзе. Проблема склонения в абхазском языке (на грузинском языке, резюме на русском). Изв.: ИЯИМК, т.ХІІ. Тб., 1942, стр. 183–197.

Значение определенности в именах существительных (нарицательных) определяется контекстом, в собственных же (в фамилиях) – ударным префиксом **а** – (другие собственные имена по своей семантике являются всегда определенными).

Амаршан д-цеит иуа бара Ашэыка. («Апс. л.») – «Маршан пошел в Ашвы к родственникам»; *Абыркъэиндбақаа қайлара идэықалеит* – «Быркундбовцы отправились совершать набеги»; *Шарқазық Алиас Төрқанраа рғы д-ааит* (Д. Гә.) – «Однажды утром Алиас пришел к Торкану».

Притяжательная форма имени реже встречается в синтаксической позиции подлежащего.

Лхы-лғы ңшза лхаччоит, лыбла шаша тыцьцьаауеит (С.Ч.) – «Лицо ее красивое всегда в улыбке, красивые ее глаза сияют»; *Лыхцэы ңшза шықыруа лыбға иқэын* (И.П.) – «Ее красивые косы лежали на ее спине»; *Айеи бзиа иаб д-ға-хоит* (Поговорка) – «Отец хорошего сына молодеет»; *Сашы ашкол ах д-цеит* – «Мой брат пошел в школу»; *Мқада-шытра ишътхысаа и-неуеит са срашъ саманы* (Н.Б.) – «В неизведанные дали мчит меня мой араш».

Местоимения в синтаксической позиции подлежащего

В синтаксической позиции подлежащего встречаются личные, указательные, неопределенные, определенные, отрицательные и притяжательные местоимения.

Личные и указательные местоимения довольно часто занимают синтаксическую позицию подлежащего.

Сашэа мхэакэа са саанғасуам (Б.Шь.) – «Не донев до конца свою песню, я не перестану петь»; *Уара у-еихабун, иара деицбун!* (Б.Шь.) – «Ты старше, пусть он будет в роли младшего!»; *Шэеицумаазеи нас шэара?* (Б.Шь.) – «Не пришли вы вместе?»; *Лыңсатға бзиахааит, рыцха, лара айахэартға д-ыкоуп, Сара амцхэартға с-ыкоуп* (И.П.) – «Царство ей небесное, она там, где правду говорят, а я здесь, где неправду говорят»; *Урт тэуп, иңхоуп* (Б.Шь.) – «Они в тепле и сыты»; *Урт гэаныла ибзиацэкьаны еибадыруан* (И.П.) – «Они (те) друг друга понимали очень хорошо без слов»; *Шэарт шыапкьакьараа, зынза шэ-еилагеит!* (Б.Шь.) – «Вы, широколапые, совсем с ума сошли!»; *Уи*

дзгычуеит, дқэычуеит... (Б.Шь.) – «Тот ворует...»; *Уи шааңхьа дтаоуп* (С.Ч.) – «Он сидит перед вами».

В функции подлежащего выступают также:

1. Неопределенные местоимения:

Цьюкы ааиуеит ихэмаруа, иччо (Б.Шь.) – и «Кое-кто, (кто-то) идет шутя, смеясь»; *Ғыла азэы диасны дцон* (И.П.) – «Верхом на лошади кто-то проезжал».

2. Определенные местоимения:

Зегъы рнапқаа еиыркьеит, нас инатэеит (Д.Гә.) – «Все похлопали в ладони и сели»; *Шэааскыа зегъы!...* (Б.Шь.) – «Приближайтесь все!»; *Досу рхы ахынахоу ицеит* – «Каждый пошел куда попало».

3. Отрицательные местоимения:

Илақаа шакьшакьо аштэа иаатэгъежыт, аха азэгъы дыкамызт (С.Ч.) – «Глазами он обшарил весь двор, но никого не было».

4. Определительные местоимения:

Ихатға дгылан аштэа агэтаньы – «Сам (он) стоял посреди двора».

Имя прилагательное в позиции подлежащего

Выступая в функции подлежащего, имена прилагательные субстантивируются. В этой функции выступают обычно, качественные прилагательные.

Акьағе днамзеит, ау дымлакаит (Поговорка) – «Короткий не достал, длинный не нагнулся»; *Агэақ д-жаахэафуп* (Пословица) – «Мученик хороший рассказчик».

Имя числительное в позиции подлежащего

В функции подлежащего выступают количественные, собирательные, порядковые и др. имена числительные. В этой функции они приобретают значение предметности.

Количественные числительные до десяти в классе вещей выступают в функции подлежащего обычно в сочетании с именами, которыми они сливаются.

Афрык еибашыуан, Хабжыкэйт дкашон (Поговорка) – «Два войска воевали между собой, а Хабжкэйт плясал»; *Иара уа дышгылаз ф-уасак ааит* («Апс. л.») – «Пока он стоял там, подошли к нему две овцы».

Количественные числительные в классе человека, порядковые и собирательные числительные могут самостоятельно выступать в функции подлежащего.

Илеибартәақәеит ақыцәгы (Ақс.л.) – «Сели оба»; Шәаи, шәыбжьық шәеицқәгыл (Ақс. л.) – «Давайте, все семеро станьте вместе!»; Ақыцәгы цытраамтәк ҕыртәуамызт (И.П.) – «Оба долго молчали»; Уи душыр, имыцхәра уацәы дубан! Убригы игәыдцә! Ахыкгы д-калоит... (Б. Шь.) – «Его убьешь, другой станет! И того убей! Третий появится».

Инфинитная форма глагола в позиции подлежащего

Выступая в функции подлежащего, инфинитная форма глагола приобретает значение предметности.

Акыр ззеилоу акреимаркуеит (Поговорка) – «Спорят (между собой), обычно, те, у кого есть что-то общее»; Иуиаиуа аанда уалеишуеит (Поговорка) – «Кто тебя победит, тот заплетет тебя в забор»; Изша илабашә аакыдхны ддәықәлоит (Поговорка) – «Кому суждено потеряться, тот возьмет свою палку и сам уйдет».

В этой же функции выступает и масдар:

Ари нахыс аныкәара еихагы имариахара икоуп (И.П.) – «В будущем передвигаться (ходить) будет легче»; Аказаара ас сгәы ахшәеит, ахысхысра сымч ашәеит (Б. Ш.) «Жить мне надоело, беготня сломала меня».

Инфинитная конструкция в синтаксической позиции подлежащего

Синтаксическую позицию подлежащего в структуре абхазского предложения нередко занимает инфинитный оборот или инфинитная конструкция.

Ашыжь ишыацәхныслаз шыбжьаанза дшыацәхныслоит (Поговорка) – «Споткнувшийся (человек) утром спотыкается до полудня»; Ицә асаулра ахыртәз Кадыр зынза дараапкит (И.П.) – «Кадыра взбесило то, что его сыну предложили должность есаула»; Атцырқәа гаҕа ршыапы нықәдыргылеит зтәыла ныжьны ицаз (С.Ч.)

– «Ступили на турецкую землю (берег) те, что шли туда, оставив свою Родину»; Абилет змаз ицысны ашәахь рҕынархеит (И.П.) – «Имевшие билеты (те, у кого были билеты) двинулись к дверям».

Конструкция эта, как и другие инфинитные обороты, состоит из двух и более знаменательных слов, объединенных общностью синтаксической функции. Организующим центром конструкции является глагол инфинитной формы.

Уахсит иақәпоз дхәцәацәын (Н.С.) – «Боровшийся с Уахситом был одинок»; Зыбжьы газ Уахсит дишырацы иҕааихеит (Н.С.) – «Тот, чей голос раздался, направился на Уахсита, чтобы убить его»; Зтәы сықәу, уацәы уеизгы уеизгы даауеит (Ақс.л.) «Тот, кому я должен, обязательно завтра придет».

Конструкция эта не имеет своего соответствия в русском языке. Она в абхазском языке выступает в функции придаточного предложения подлежащего. Однако в абхазском языке она лишена абсолютной грамматической предикации и не представляет собой придаточного предложения. При дословном переводе конструкция эта более соответствует причастным оборотам русского языка. Однако синтаксическая позиция эта не характерна для русского причастного оборота.

Астол иахатәақәаз неибарччеит (И.П.) – «Сидевшие за столом засмеялись»; Аеы заааз шыапыла дхыцхыңуеит... (Б.Шь.) – «Вырастивший коня плетется пешком».

Инфинитная конструкция подлежащего переводится на русский язык большей частью придаточным предложением подлежащего.

Сасра имцац асас дизныкәгом (Поговорка) – «Тот, кто не бывал в гостях, не может принимать гостей»; Зхы хатыр ақәыцә азәгы хатыр иқәицәит (Поговорка) – «Кто себя уважает, тот уважит и другого»; Уала ихцәаз дхыцәазеит, гала ихцәаз деитанхеит (Поговорка) – «Тот, кто разорен родственниками, разорен навсегда, а тот, кто разорен врагами, проживет заново».

Инфинитная конструкция во всех случаях, когда она занимает позицию подлежащего, субстантивируется и получает грамматическое значение предметности. Значение предметности грамматически выражается личным аффиксом, посредством которого эта

конструкция вступает в синтаксическую предикативную связь с сказуемым.

Са исыкырышаны итээз рыхкэа рыкэыжыны и-зырфуан (А.Г.) – «Сидевшие вокруг меня, опустив головы, слушали»; *Адырфаны ауал зкэыз ие-и-зеит* («Апс.л.») – «На второй день должник скрылся»; *Ауал згартэз дыччо далагеит* (Апс.л.) – «Тот, кто должен был получить свой долг, стал смеяться».

Как уже было отмечено выше, исследуемая инфинитная конструкция характеризуется относительной смысловой цельностью и синтаксической неразложимостью. Относительная смысловая самостоятельность достигается с помощью глагола инфинитной формы обозначающей действие или состояние и выступающей в одной из временных форм. Однако действие, здесь не увязывается с определенным действующим лицом, т. е. внутри инфинитной конструкции нет выраженного ни лексически, ни грамматически действующего лица, нет синтаксического подлежащего лица. Личный аффикс заменяется здесь аффиксами относительных местоимений **и** или **з**, которые не различают ни лиц, ни числа, ни грамматических классов. Конструкция сама целиком выступает в функции подлежащего и занимает синтаксическую позицию подлежащего.

Ари з-баз ицъар-шъан ах иа-р-хэит («Апс.л.») – «Увидевшие это удивились и сообщили об этом царю»; *Ажалар и-реуэз д-аагылан ие-и-хэит аускэа зеицшраз* («Апс. л.») – «Представитель народа вышел и передал ему о предстоящем деле»; *Абас ахра и-адиааз ахрейци д-ыгэ-гэоуп* (Б. Шь.) – «Рожденный скалой крепок, как скала».

Бывают случаи, когда в инфинитной конструкции и глаголе-сказуемом выступают разные подлежащие. В таком случае подлежащее инфинитной конструкции может получить словесное выражение и обозначиться в глаголе инфинитной формы личным показателем. И в таком случае вся инфинитная конструкция, получив предметное значение, выступает в функции подлежащего глагола-сказуемого и обозначается в нем личным аффиксом.

Ах ине-и-шътыз уи ахабла, афнкэа зегъы рышэкэа ҕаҕаны и-р-беит («Апс. л.») – «Присланные царем (те, которых прислал царь), когда пошли по деревне, увидели, что столбы на всех домах помечены».

Таким образом, реальное подлежащее инфинитной конструкции не получает в сказуемом своего выражения.

В инфинитной конструкции инфинитная форма глагола выступает в одной из временных форм. Однако эта временная форма выступает с относительным значением с дополнительной временной ориентацией. Временное значение глагола инфинитной формы определяется через отношение ко времени глагола. Однако в связи с субстантивацией всей конструкции иное значение ослабляется.

Аха убаскан акахауа знахауаз кьаад бгыцк иитеит цахак иаҕараз (Б.Шь.) – «В это время подавший кофе подал ему кусочек тонкой бумаги»; *Мышкы ахра зауз шэфык рхы хисеит* (Поговорка) – «Получивший на один день престол царя срубил сотням людей головы»; *Ө-жыак ирыштылаз акгыы изымкит* (Пословица) – «Погнавшийся за двумя зайцами ни одного не поймал».

Является относительным и значение модальности, выраженной этой глагольной формой. Инфинитная форма глагола, как и в других инфинитных конструкциях, не может выступать в функции сказуемого, она не может завершить высказывание, в связи с чем оборот не получает интонационной и смысловой законченности и не поддается синтаксическому членению. Исследуемая инфинитная конструкция, заняв позицию подлежащего, вступает в грамматическое отношение с сказуемым. Грамматическая предикация всего предложения формируется именно этим отношением, в результате чего мы получаем не два предикатных центра, а один и только один.

Между инфинитной конструкцией и сказуемым устанавливается, как между обычным подлежащим и сказуемым, предикативная связь. Связь эта выражается аффиксом ряда **д** или **л** в зависимости от переходности и непереходности глагола-сказуемого. Показатель финитной конструкции, выступающий в позиции подлежащего, всегда является синтаксически субъектным лицом.

Уала ихдээз дыхдээзеит, гала ихдээз д-еитанхеит (Пословица) – «Разоренный родственниками разорен навсегда, разоренный врагами заживет опять»; *Ацэгъа зхэыцуа цэгъала диасуеит* (Пословица) – «Злоумышленник умирает плохой смертью»; *Афы иашыыз*

иңсәә иңәуан (Пословица) – «Пьяный оплакивал своих покойников»; *Аандан идыргылаз агәтә дтәлон* (Пословица) – «Тот, кого поставили на краю, лез во внутрь»; *Итәаны ырымбыз дгыланы иед-и-рбон* (Пословица) – «Тот, кого не заметили на месте, тот встал и показлся».

Как видно из вышеприведенных примеров, глагол инфинитной формы, выступающий организующим центром инфинитной конструкции, образован аффиксами относительных местоимений **и, з**. Однако встречаются единичные случаи, когда инфинитная форма образована обстоятельственным элементом **-ахь**. В таком случае синтаксическая связь выражается морфологически лишь в сказуемом аффиксом подлежащего.

Иңа асаулра ахьиртәз Кадыр зынза дараапкит (И.П.) – «Кадыра взбесило то, что его сыну предложили должность есаула»; *Дшәәңырхаңуа днаңшы-ааңшуа, дартынчуамызт Надиеи иареи ре-иниара иалңшаз ахьизымдыруаз* (И.П.) – «Его беспокоило то, что он не знал пока ничего о результатах встречи его с Надеей».

Как показывают материалы, инфинитная конструкция в подавляющем большинстве случаев выступает в функции подлежащего третьего лица единственного числа, реже множественного числа. В редких случаях она выступает в функции подлежащего второго и реже первого лица единственного и множественного числа.

Кроме организующего центра – глагола инфинитной формы – в конструкцию могут входить имена существительные, местоимения, числительные, наречия, прилагательные, масдар, деепричастные формы и др.

Уахсит иакәңоз уаха илымшо дааңсан, дкаҳаит («Н.С.») – «Боровшийся с Уахситом устал и упал»; *Уахсит абни алашара кәзңо еиликаарцы адәықалара иеазикхъан, аха ешьас дказңаз дишьтуамызт* («Н.С.») – «Уахсит уже не раз собирался отправиться туда, чтобы узнать, кто там светит, но не разрешал ему тот, кто его побратал»; *Азыршы иаңәшәаз амца дақәңалеит* (Поговорка) – «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь»; *Шәфык идырңо шәфык дрыңсоуп* (Пословица) – «Тот, кого сто человек критикует, тот всех их стоит»; *Рахәырхара ицаз дақәшаҳәтхеит* («Аңс. л.») –

«Шедший за добычей скота согласился»; Са исыкәыршаны итәазрыхқәа рықәыжьны изырәуан (А.Г.) – «Сидевшие вокруг меня, опустив головы, слушали».

Связь между элементами конструкции осуществляется посредством притяжательных, личных аффиксов, послелогоми, союзами, примыканием, позицией и т. д.

Хьзыла иңсыз уара уоуп («Аңс. л.») – «Погибший с честью есть ты»; *Аҳ инеишьтыз ахабла иалалт...* («Аңс. л.») – «Те, которых послал царь, вошли в село»; *Афы иашьыз иңсәә иңәуан* (Пословица) – «Опьяневший оплакивал своих покойников»; *Аандан идыргылаз агәтә дтәлт* (Пословица) – «Тот, кого оставили на краю двора, влез во двор»; *Зус рызбоз сара сакәын* (Аңс. л.) – «Кого судили, был я»; *Зыңсы еикәхаз ҳаңсы ҳаманы ҳцеит* («Аңс.л.») – «Уцелевшие (мы) ушли впопыхах».

Бывают случаи, когда позицию подлежащего занимают однородные инфинитные конструкции, связанные между собой интонацией. С глаголом-сказуемым они связаны субъектным аффиксом, являющимся общим для всего оборота.

Ладатә иаауа, җадатә иаауа, амрагыларахьтә, амратәшәа-рахьтә иаауа убыстәи ииасуан («Н.С.») – «Шедшие с юга, шедшие с севера, шедшие с востока и запада проходили оттуда»; *Уи датәа-зымбоз, игәтәсуаз иацы, иахьа ишьамхнышлан икалт ркырц* (Б.Шь.) – «Кто не считался с ним, кто толкал его вчера, сегодня будут преклоняться перед ним».

Инфинитная конструкция подлежащего, как видно из примеров, большей частью встречается в повествовательных предложениях. Бывают случаи, когда она встречается и в составе вопросительных, побудительных предложений.

Изакайтә гәагузеи Омар дзыкәшәаз? (Б.Шь.) – «С какой местью столкнулся Омар?»; *Абилет змоу шәтәл амашьына!* (И.П.) – «Те, у кого есть билеты, садитесь в машину!»

Следует отметить, что инфинитная конструкция, занимающая позицию подлежащего, встречается преимущественно в пословицах и поговорках. Нередко встречается в литературном языке. Она является обычной и для разговорной речи.

Словосочетание в синтаксической позиции подлежащего

Позицию подлежащего могут занять синтаксически (функционально) неразложимые словосочетания, состоящие из: 1) имени существительного с другим именем существительным; 2) количественного имени числительного с существительным; 3) местоимения с другим местоимением; 4) имени существительного с местоимением.

Словосочетание в целом связывается с сказуемым, как и подлежащее, субъектным аффиксом.

Хҭык ахәыцқәа амца иахьахатәаз иара и-хәаңшуан (И.П.) «Трое детей, сидя у очага, смотрели на него»; *Қытак ағы инхон ҧыца аишьцаа* («Апс. л.») – «В одной деревне жили два брата!»; *Уаа ҧажәаҧык рабцъар кны дара амҧа ркын* («Апс.л.») – «Человек двадцать вооруженных сидело в засаде»; *Ҧыца ахәсахәыцқәа аҧызхьча лҧы инкылсит* («Апс.л.») – «Две девушки пришли к птичнице»; *Хайаки ҧхәыски реиҧш хайқәгәыгуа хәкоуп уареи сареи* (И.П.) – «Мы с тобой надеемся друг на друга, как супруги»; *Ацҭахәа атҭын рыҧхуа Ахмат иҧызцәеи иареи аказарма иҧатәан* (И.П.) – «Табак низали Ахмат и его друзья, сидя в сарае».

Сказуемое

Сказуемое – это конституирующий компонент структурной основы предложения. Он выступает организующим центром предложения. Сказуемое в предложении абхазского языка наряду с модальновременными отношениями вмещает в себя функции субъектно-объектных отношений. В нем грамматически сконцентрированы синтаксические функции и именных, и глагольных компонентов предложения других языков (например, русского).

Ядром сказуемого является глагол. Широкие синтаксические возможности сказуемого продиктованы полисинтетизмом глагола абхазского языка. Однако понятия «глагол» и «сказуемое» не соотносительны. Они не соотносительны, хотя бы, потому, что относятся к разным языковым уровням.

Категории глагола проявляются в парадигматической оппозиции его форм. Сказуемое же – результат сложных синтакси-

ческих соотношений субъектно-объектных и модально-временных планов. Выше мы указывали, что границы словесных и синтаксических компонентов структурной основы предложения не совпадают. Синтаксические компоненты структурной основы предложения находятся в семантическом взаимопроникновении, взаимозависимости, взаимообусловленности. Части же речи во все не связаны с такими синтаксическими отношениями. Лексико-морфологическая единица (например, глагол) организуется внутренними своими лексико-морфологическими средствами.

Сказуемое же не ограничивается рамками одной лексической единицы. Он может состоять из одного, двух и более самостоятельных лексических единиц, каковыми являются, например, составной глагольный и составное именное сказуемое. Кроме того любая именная основа, оказавшись в позиции сказуемого оформляется личными и модально-временными показателями, т. е. предикативно оформляется.

Различие глагола и сказуемого заключается не только в этом.

Не всякий глагол может взять на себя функции сказуемого. Существует в абхазском языке ряд глагольных образований, морфологическое строение которых не позволяет им выступить в функции сказуемого. Вопрос этот подробно освещен в монографии Л.П. Чадуа «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах». Однако на некоторые моменты мы все же укажем здесь.

Как известно, в абхазском языке по словообразованию и морфологической структуре, глаголы делятся на две группы: глаголы финитного строя и глаголы инфинитного строя. Глаголы инфинитного строя, в свою очередь, подразделяются на вопросительные и невопросительные. Ядром сказуемого являются глаголы финитного строя и глаголы инфинитно-вопросительного строя. Глаголы же инфинитно-невопросительного строя в конститутивно необусловленной позиции не могут выступить в позиции сказуемого. Это связано с тем, что они характеризуются неопределенностью своей семантики и относительным временным значением. Причем неопределенность семантики и относительность временного значения продиктованы не контекстом, а при-

суши глаголам инфинитно-невопросительного строя структурно, что дает им возможность выступать в функции организующего центра инфинитных конструкций, заменяющих в абхазском языке придаточные предложения.

Глаголы финитного строя в позиции сказуемого.

Глаголы изъявительного наклонения финитной семантики в позиции сказуемого

Глаголы изъявительного наклонения финитной семантики обладают абсолютным временным значением и являются основным средством организации синтаксического индикатива. Они выступают в позиции сказуемого в восьми временных формах.

Форма настоящего времени

Синтаксическую позицию сказуемого может занять форма настоящего времени статического и динамического глагола изъявительного наклонения финитной семантики.

Аңсынтәыла икаццоит амра акаңхара, Игәырғьоит иахьа, ишәтәуеит аңсабара, Алада ихәмаруеит ага ацәкәырңара, Афада игьазгьазуеит ашьха фаскьара (Б.Шь.) – «Апсны купается в солнечных лучах, радуется, цветет природа, на юге играет волнами море, на севере блещут горные громады»; *Абла ахьтам алағьыз аауам (Пословица)* – «Где нет глаз, там нет и слез»; *Амра хааза ихақәыццоит, Амшын гәырғьа агәы иеифеиуеит, Ерцахә тғыла иҳалаңшуеит, Хҕыц нхара иазгәырғьауа (С.Ч.)* – «Нас освещают сладкие, солнечные лучи, море от радости волнуется, Ерцаху стал и смотрит на нас, радуясь нашей новой жизни». *Иңшуп, иңшуп амшәи абгеи, Цхагәтәнынза дара ңшуп (Б.Шь.)* – «Ждут, ждут волк и медведь, ждут они до полуночи».

Форма аориста

Аорист выступает в позиции сказуемого со значением однократно совершенного действия.

Торкан дналбаан днеин арахә аатицеит (Д.Гә.) – «Торкан спустился (с балкона) и выгнал скот»; *Шарҕазык Алиас Торканраа рҕы дааит (Д.Гә.)* – «Однажды ранним утром Алиас пришел к Торкану»; *Аңшәмаңхәыс дфагылан дыфхалт афны, иаадәылылгеит аҕәца азна азы, инеилыркит (М.Л.)* – «Хозяйка вышла, вошла в дом, вынесла оттуда стакан воды и подала ему»; *Ицеит урт, амшқәа, Имфасит схәыцра, Исызхаит, сгьацеит, Сарҕысхеит сара (И.К.)* – «Прошли те дни, и прошло детство, вырос я, возмужал»; *Иңкыш-ңкышза лылахь аңхзы чаврала иаалырбеит («Алашара»)* – «Она вытерла со лба крупные капли пота платком».

Форма прошедшего несовершенного времени

Форма прошедшего несовершенного времени выступает в позиции сказуемого со значением прошедшего незаконченного действия.

Иара ацашьа камыршәкәа ицон, ицон (И.П.) – «Она(машина) шла и шла, не убавляя скорости»; *Абас шаанза аб игәакуаз иҕарпын ҕызуан, Агәакашәа наҕ изҕафуаз Абахәгы гәынкьуан (Б.Шь.)* – «Так до рассвета стонал ачарпын (свирель) несчастного отца, слушавшая песню горя, вздыхала скала»; *Ҕыткгы дшәон ақәаҕара дыҕаланы дахьцоз (И.П.)* – «Она, проходя через лес, немного побавалась»; *Камачыч хәычы арт, ирхәоз лаҳазомызт, дҕахәхәа дыцәан (Д. Гә.)* – «Маленькая Камачич не слышала, что они говорили и сладко спала».

Форма прошедшего неопределенного времени

Форма прошедшего неопределенного времени статического и динамического глагола выступает в позиции сказуемого со значением однократного совершенного действия с указанием на последующее действие.

Тамел ашырхәа дфагылан афны дындәылкьеит (И.П.) – «Тамел встал впопыхах и выскочил из дома»; *Аңхәызба лҕы анылызәдә, ҕамфақәак азы лжәын, нас даақәгыжьын, лыңхал алакар инаҕаргыланы, зыла иртәны лкәакәа инықәыргылан, амфәхәстә*

даныланы лҕыналхеит («Н.С.») – «Девушка, умывшись, выпила несколько глотков воды, а затем повернулась и кувшин свой поставила под желобом, наполнила водой, поставила на плечо и пошла по тропе»; Ыьарак қабк азна ақаа жәуа икнахан, егырахъ ғыңа арқарқаа абыста еилахо ақааб иахагылан («Ақс.л.») – «На одном месте варился полный котел мяса, на другом двое ребят стояли над котлом, перемешивая мамалыгу».

Форма давнопрошедшего времени

Форма давнопрошедшего времени, выступая в позиции сказуемого, указывает на отдаленное прошедшее время.

Уареи сареи акыр ыбааа еицаабахъеит (С.Ч.) – «Мы с тобой много в жизни трудились»; Ағычра шхартам уажыгыи иузеилымкаацт (Д.Гә.) – «Ты до сих пор не понял, что воровать нехорошо»; Цоуп, сыңмақаа урыцын, аха убри ақара уныкәызгахъеит (С.Ч.) – «Правда, ты пас моих коз, но я столько и кормил тебя»; Мамоу уңсы злоу макъана исомхәацт («Н.С.») – «Нет, ты еще мне не сказал, где твоя душа»; Дамеи Мактина длыштыңхъеит (И. П.) – «Дамеи уже перестал ухаживать за Мактиной».

Форма давнопрошедшего упреждающего времени

Форма давнопрошедшего упреждающего времени, выступая в позиции сказуемого, указывает на отдаленное прошедшее время, предшествующее другому действию.

Леуарса Мез иеы дақәтәаны дцахъан (И.П.) – «Леуарса верхом на лошади Меза»; Уара уааианзагы абрака ахәсақаа рызхара ихақахъан (Д.Гә.) – «До твоего прихода женщины уже ругали вдоволь нас»; Ышкыаҕ-ица Манча хайа иқарагы крифахъан, ңсра зқәым ахъз ирхәхъан («Ақс. жел. рп.») – «Пшкиач-ипа Манча – герой был уже в летах и славой он уже гремел»; Лара уи асалам шәкәи уажәадагы даңхәақәхъан (И. П.) – «Она это письмо не раз уже перечитывала»; «Уара уианзагы угара қахъахъан («Н.С.») – «До твоего рождения, мы уже приготовили тебе люльку».

Форма будущего первого времени

Форма будущего первого времени, выступая в позиции сказуемого, обозначает действие, которое обязательно совершится в будущем.

Шәалага аус ғың, ишәицхраап ақытсовет, хаихабыра, атрактор-қаагыи шәзаап (С.Ч.) – «Начните новое дело, помогут вам сельсовет, наше правительство, пришлют и тракторы»; Аус ғың азныказы иацуп ауадафрақаа, аха уртгыи акакала шәириааип (С.Ч.) – «Новое начинание всегда связано с трудностями, но вы, их победите»; Ахра иавңны амза ангыло сгәыргыо сазыңшлап, Ақақаққаа аныңхъарыло рыбжыи сақалап (Б.Шь.) – «Я с радостью буду наблюдать восход луны из-за хребтов, слушать пение горных индеек».

Форма будущего второго времени

Форма будущего второго времени, выступая в позиции подлежащего, обозначает действие, в совершении которого говорящий уверен.

Ақытсовет ескынгыи ишәызғымхәзаашт, ишәыгәу-ишәыбзоу гәанаталашт (С.Ч.) – «Сельсовет будет всегда заботиться о вас, выявлять ваши недостатки»; Ахы, улеыжәиши, слаухәаңшышт («Ақс. жел. рп.») – «А ну, сходи-ка с коня, я погляжу на тебя»; Сан-неилак сыхәмаршт, Сылдырратә сылбашт, Сыбжыи ғаазаа инала-хашт, Сказшыи еиллыргашт (И.К.) – «Когда я примчусь к ней, погорцую на коне, она узнает меня, услышит мой пронзительный голос»; Бара избо даеа уамак халабгалашт (И.П.) – «Я уверен в том, что ты придумаешь еще какую-либо дерзость».

Форма будущего категорического времени

Форма будущего категорического времени, сочетая в себе значение категоричности с оттенком повеления, выступает часто в позиции сказуемого.

Сара, дад, абра сиит, абра саазеит, абра сагыңсыроуп (И.П.) – «Я, дад, родился здесь, вырос здесь и должен умереть здесь»; Уажәиңкәи

ииз ачкэын хэычы иахтароуп хэзык (Д.Гэ.) – «Мы должны сейчас дать имя родившемуся ребенку»; Хан-хаңсадгьыл хаңсахароуп, иҳалымшарц халхаршароуп (Б.Шь.) – «Мы должны быть достойными матери-Родины, чего не успели еще, должны успеть»; Сара истәхуп агара! Аха уи агара гара еиңшымзароуп, уи агара аихартәа иалхзароуп. Насгьы ахала агәыдыхәа ийысуазароуп, аха ианйысуа ашытыбжә игароу имахауазароуп («Н.С.») – «Мне нужна люлька! Но она не должна походить ни на какую другую люльку, она должна быть вылита из железа, она сама должна качаться, но ее шум не должен доходить до ребенка»; Ахәаакәа цкьатәуп, ибылтәуп (С.Ч.) – «Межи надо уничтожить, сжечь». Акәатан цьара ицәыцәйәахтәуп (С.Ч.) – «Плуг надо где-нибудь припрятать»

Заглазная форма глагола в позиции сказуемого

Заглазная форма глагола совмещает в себе значения реальной объективной модальности и субъективной модальности с оттенком неуверенности, сомнения, которые исходят всегда от говорящего.

Заглазная форма глагола обладает финитной семантикой и абсолютным временным значением. Встречается нередко в позиции подлежащего.

Схәыцра шьарда инаскьазаап, Са снырхара башьтамзаап, Бнапкәа баша итатазаап, Амалазагьы быңшзазаап, быңшзара ауафы дажьозаап (Б.Шь.) – «Надежда моя, оказывается, удалилась, ты обо мне, оказывается, не думаешь, напрасны нежны, оказывается твои руки, напрасно, оказывается, красивая ты, красота твоя, оказывается, подводит человека»; Ғарпынк ңиқарц днавалазаап иахәызба хэычы кны, дымшәыз цьыршьан баша ирхәзаап арахә ицәшәаны (Б.Шь.) – «Оказывается вышел срезать ачарпын своим маленьким ножом, а скот испугался, оказывается, приняв его за медведя»; Амфәфы тақәажәык қамчык кны дгылазаарын («Ақс.л.») – «Оказывается, на дороге стояла какая-то старушка с плетью»; Излархәо ала дықазаарын Аңсны Абраскьыл захьыыз (Д.Гэ.) – «Как об этом говорят, в Ансны, оказывается, был Абраскил».

Сослагательное наклонение глагола в позиции сказуемого

Сослагательное наклонение, образованное суффиксом **-рын**, в позиции сказуемого выступает с ирреальным значением, с относительным или абсолютным временным планом в зависимости от контекста.

Абсолютное временное значение оно имеет в контексте с побудительной семантикой, в сложных же синтаксических конструкциях – относительное временное значение.

Сослагательное наклонение, образованное суффиксом **-шан** выступает обычно с побудительной семантикой с абсолютным временным значением.

Еидгылеит хаңынмырха еибашьрала... Угәы иаанагарын цьаханым мчыс итәз зегьы зныкала еицтыйт хәа (С.Ч.) – «Столкнулись они в войне насмерть... Можно было подумать, что все силы ада вышла разом». Сара севышьрын, сыңсы тысхрын бгәы ишалымсуа здыруазар (Ш.Р.) – «Я бы покончил с собой, если бы знал, что это тебя не заденет»; Хьчас даазгар истәша здыррын (Д.Гэ.) – «Если бы я его брал в качестве пастуха, я бы знал, что ему положено»; Уара, сдәықаларын ахәынтқар иахь (Д.Гэ.) – «Отправляюсь-ка я к государю»; Зегьы схарштны сидтәаларын сгәы ирхьшәашәаз иркәандарын (Д. Гэ.) – «Забуду-ка я все зло, сяду-ка я рядом с ним, успокоит он обиженное сердце»; Уара Дамеи, ак уасхәарын (И.П.) – «Слушай-ка Дамей, скажу я тебе что-то»; Шәарах ахәәфәу шәымдырзои? Хәычык сшәарыцарын («Ақс. л.») – «Не знаете ли вы, где водится дичь? Поохочусь-ка я немного»; Ақәанза сцашан иахьа! – «Поеду-ка я сегодня в Сухуми».

Конъюнктив в позиции сказуемого выступает со значением ирреальной модальности. Ирреальное значение проявляется с допустительной или побудительной семантикой. В обоих случаях конъюнктив имеет абсолютное временное значение.

Ирхадмыршәаит, иазызырфәаит хабаңа рашәа... (С.Ч.) – «Пусть послушают, пусть помнят песню наших отцов»; Убри злахьынңа хшо, – ихәеит ашаңа руазәык, – убас лахьынңас имазааит дгьыл харак акны ңхәызбак длеилахааит, дзеилахаз аңхәызба дима дшаауа амца неицраланы дыблааит («Н.С.») – «Тот, счастье которого мы обсуждаем, – сказал один из ангелов, – пусть будет наделен таким счастьем»;

Пусть он влюбится в девушку далекой страны. Когда он возвратится с нею, пусть по дороге он сгорит в огне»; Пытрак лхала дыказааит, лгэы лхаштып, – ихэеит Леуарса (И.П.) «Пусть побудет еще она одна, придет в себя, – сказал Леуарса».

Глаголы повелительного наклонения в позиции сказуемого

Глагол повелительного наклонения выступает в позиции сказуемого со значением ирреальной модальности и абсолютного времени.

Да уаасҕаҕишишь, да уаасҕаҕишишь. Убла тҕбаақәа сныртарҕишишь! (Б.Шь.) – «Посмотри-ка мне в глаза, посмотри мне в глаза, дай взглянуть в твои глаза!»; Уахазаҕаҕык уцақәырҕа, уахазаҕаҕык уеырба, Улеи, улеи узхара! (Б.Шь.) – «В эту лишь ночь волнуйся, в эту лишь ночь красуйся, лейся лейся, вдоволь!»; Ифишь, иф, уахан абни! – «Съешь, съешь, возьми то!»; Улахҕыыхыз, сажәеинраала, улахҕыыхыз улахҕыых (А.Л.) – «Будь бодрым, мой стих!»; Уи шәиҕамшыыцын шәара («Алашара») – «Вы не завидуйте ему»; Уагьырмацаҳан, кыргыы рҕоумҕан! – ихэеит Пифагор («Алашара») – «Не ругай их не корми! – сказал Пифагор»; Уаарылаҕишишь арт иеыжәҕыз, зәыр удыруазар аасырҕа... (Б.Шь.) – «Взгляни на спешившихся, если кого знаешь, скажи мне!»; Угэы пумжәан, уеумырҕаҕын Хабашь («Алашара») – «Не нервничай, береги сердце Хабаши»; Уаҕхьа, ухатҕа ублақәа рыла иумбари... («Алашара») – «Прочитай, увидишь сам своими глазами»; Даҕ, уахьааз ала уца, Акгыы згап хәа уақәымгәыгын! (Б.Шь.) – «Сынок, иди туда, откуда пришел, не старайся забрать с собой ничего».

Глаголы желательного наклонения выступают в позиции сказуемого с ирреальным модальным значением пожелания или побуждения. Временное значение при этом у них абсолютное.

Сгәаҕуеит, шанда! Амра гылар. Избоит сышьхақәа хьзыркны (Б.Шь.) – «Мучаюсь, рассвело бы! Солнце взойдет, увижу мои горы, осыпанные золотыми лучами»; Уигыы илшо аабандаз... (Д.Гә.) – «Увидели бы мы и его возможности (что он может)»; Алиас дыдмырзындаз, ари сымхгыы араха еимырҕааргыы (Д.Гә.) – «Не посадили бы Алиаса, если бы даже я лишился урожая...»; Иаамушаз, иахамгәагыишаз анаагәагь, уажәшьтә усгыы ма хазгаб аҕара даанахәандаз (Д.Гә.) – «Раз мы решились на все, хотя бы нашу дочь приняли в школу»; Даныхәычыз

зынзаск даҳмышытындаз Акәаҕа (Дж.А.) – «В детстве не послали бы его в Сухуми»; Хаи, ара итәаны крызфоз сааикәшәандаз! (Д.Гә.) – «Встретился бы я с тем, кто здесь сидя ел»; Аи, дыздыруандаз абри абаа аҕаҕара хыс иамоу ауаҕы (Д.Гә.) – «Знал бы я того, кому поручено строительство этого храма»; Зынза газасгыы сумҕхьазандаз! (И.П.) – «Не принял бы ты меня за глупца!»

Вопросительные формы глагола изъявительной семантики в позиции сказуемого

Вопросительные формы глагола изъявительной семантики выступают в позиции сказуемого со значениями реальной модальности и абсолютного времени преимущественно в вопросительных предложениях. Они выступают в функции сказуемого во всех временных формах изъявительного наклонения.

В форме настоящего времени

Бзия бибозаргыы Төмыри बारेи шәеиңшума? (И.П.) – «Если даже он любит тебя, Төмыр разве достоин тебя?»; Уабацои, сара исоумхәазои? («Аңс. л.») – «Куда ты идешь, не скажешь мне?»; Хазгьари, уашьцаа убар иудыруоу? («Аңс. л.») – «Хазгари, ты узнаешь своих братьев, если увидишь их!; Абри уара иушәу арратә форма аҕхәыс илшәылҕар илнаалоу, илнымаалоу? (И.П.) – «Если оденет женщина твою военную форму, подойдет ей или нет?»

В форме аориста

Акриҕабҕоу ма? Аңсшәа бызхәоу қанагала (М.Л.) – «Ты его накормила? Уделила ему должное внимание?»; Хзышьтәу ашәарах атәартә жәбама? (Б.Шь.) – «Вы не обнаружили следы преследуемого нами зверя?»; Зәыр дидырма, иҕалази, афаст (Б.Шь.) – «Кто-либо узнал его?»; Дахьтәыда, дыжәдырма ари атүҕьар (Б.Шь.) – «Откуда он, кто-либо узнал этого купца?»; Мишәан, исхаштма? Акалтқәа ҕасыреу? Ожә даафналар азахра сшаҕу? (Б.Шь.) – «Не забыл ли я подогнуть подол? А вдруг он зайдет пока я завершу шитье?»

В форме прошедшего несовершенного времени

Абри асасаиртѣ ашѣ дахцѣажѣазу? (М.Л.) – «Говорил ли он о двери в гостиницу?»; Дудыруазу, Цѣат, Қаласа ауачар? (Б.Шь.) – «Знал ли, Джат, Каласу-торговца?»

В форме прошедшего неопределенного времени

Иаковхеит, уаргыы уацѣшѣама ишѣақъ? (Б. Шь.) – «Яков ты испугался его ружья?»; Абас мацара уқазма, Гагра? (Б.Шь.) – «Такая ли была всегда Гагра?»; Аа, аратѣуп, крышѣтахызма? (Б.Шь.) – «Да, я местный, хотели Вы что-либо?»

В форме давнопрошедшего времени

Ари дудыруоу? Дубахѣоума цѣаракыр? (М.Л.) – «Знаешь ли ты его? Видел ли ты его где-либо?»; Цѣгѣала дыцшзаап, дубахѣоу уара? (Б.Шь.) – «Оказывается, она очень красива, видел ты ее?»

В форме будущего времени

Сѣбабақѣа зегѣы набжѣазрыма?.. Гѣақшақѣа исышѣтоу сафсыжѣрыма? (Б.Шь.) – «Пропадет ли весь мой труд? Прощу ли я тех, кто преследует меня?»; Уи даарушѣ нас хѣқытѣа ақынза (Б.Шь.) – «Приедет ли он в нашу деревню?»; Дабацеи мшѣан, лара Астѣанда, Исмоузаришѣ лацѣажѣартѣа? (Б.Шь.) – «Где же Астанда, удастся ли мне поговорить с ней?»

Глаголы инфинитно-вопросительного образования в позиции сказуемого

В позиции сказуемого встречаются глаголы обстоятельственно-вопросительного и относительно-вопросительного инфинитного образования со значением реальной модальности и абсолютного времени.

Глаголы обстоятельственно-вопросительного образования в позиции сказуемого

Инфинитная основа глагола обстоятельственно-вопросительного строя образована обстоятельными элементами **ахь, ан, ш**. Для выражения вопроса в них используется вопросительный аффикс **ба (ца)**.

В функции сказуемого они выступают в формах времен изъявительного наклонения.

В форме настоящего времени

Ачымазаф дышѣақоу? (Д.Гѣ.) – «Как себя чувствует больной?»; Нас артѣ ырызхар ишѣақалоу? («Алашара») – «Как они будут выглядеть, если вырастут?»; Қытѣак рыцѣа дныжѣны сабоугои сара? (И.К.) – «Оставив дочь целого народа, куда ты заберешь меня?»; Ишѣамѣаңыси аконференция? («Алашара») – «Как прошла конференция?»; Уа Кудинат хрыцѣхара зықѣшѣаз, хашѣоуфеи, цѣанат, халганы цѣаханым хашѣааугеи?! («Аңс. л.») – «Как ты нас погубил, Кудинат, как же ты привел нас из рая в ад?!»; Хѣаит, хара адауцѣа хариааиуан, гарак шѣахазнымкылеи?! («Н.С.») – «Мы великанов побеждали, как же мы не смогли остановить льюльку?!»

В форме прошедшего несовершенного времени

Бара бѣы ақазара шѣастѣахымхоз, аха аѣхѣара сырымѣеит, ишѣазурыз («Аңс. л.») – «Как же я могла не желать оставаться у тебя, но не дали мне другого срока!»; Уара цуатѣашѣаны абранза ушѣамааиуаз! – «Как ты мог позволить себе не приходить сюда!»

В форме будущего I времени

Ажѣлар шѣасыхѣаңши сара сашѣа ишѣра шѣашѣтаз ааргама-хар? (И.П.) – «Как посмотрит на меня народ, если выяснится, что я хотел убить брата?»; Аа, Соуқаррааѣы ауп уаха сабақалара? – «У Соукара, где я еще могу быть?»

В функции сказуемого встречается также глагол обстоятельно-вопросительного образования в форме сослагательного наклонения. Сказуемое в данном случае имеет ирреальное модальное значение.

Иќама инаден аафшьны ахахэ дасыр ишпейфыршэарыз («Ақс.л.») «Оправив лезвие кинжала, если бы он ударил камень, как бы он его разрезал!»; *Аха усғыи ишпәубарыз Хьмур сара бзиа дызбоит, уара улыцрың хәа сузнеир?! (И.П.)* – «Как бы ты посмотрел на то, если бы я пришел к тебе и сказал: «Оставь ты Химур, я ее люблю?!»

Глаголы относительно-вопросительного образования в функции сказуемого

Инфинитная основа глаголов относительно-вопросительного строя образована аффиксами относительных местоимений **и, з**. В качестве вопросительных аффиксов здесь используются суффиксы **-да, -зеи, -зи, -и**.

Сказуемое и в данном случае имеет значение реальной модальности и абсолютного времени. В функции сказуемого глаголы относительно-вопросительного строя выступают в формах времени изъявительного наклонения.

В форме настоящего времени

Дарбан хара ахымзгэ хзырго, уи еиңи згәағыада? («Н.С.») – «Кто смеет опозорить нас, кто на это решится?»; *Бара, ари ашәкәы зтәыда* («Алашара») – «Чья эта книга?»; *Уртэ зуштәда, иззашшуеи?* («Алашара») – «Кто они такие, на что они жалуются?»; *Уи бзиоуп, аха цыхыраарас шәзыкәгыгуеи?* («Алашара») – «Это хорошо, но на какую помощь вы рассчитываете?»; *Уи афыза амайура аңхәызба иазылуазеи?* – «К чему такая служба для девушки?»

В форме аориста

Изгада ара икәыз ашәкәы? – «Кто взял книгу, которая лежала здесь?»; *Изйада иахәтәи аурок?* – «Кто выучил сегодняшний урок?»; *Уааишьтзеи Алыбеи?... (М. Л.)* – «Для чего прислал тебя Алыбеи?»

В форме прошедшего несовершенного времени

Илхәцуазеи Хьмур абри аены? (И.П.) – «О чем думала Химур в тот день?»; *Изахауадаз уи иихәоз?* – «Кто слышал то, что он говорил?»

В форме давнопрошедшего времени

Иңызшәахәада са сгәәкра еиңи? (Ш.Р.) – «Кто испытывал подобное горе, как мое?»; *Шакафы ашәра зыкәкәоу ауаа збахәада?* (Д.Гә.) – «Сколько людей, приговоренных к казни, видел я здесь?!»

В форме давнопрошедшего упреждающего времени

Абри уара цәгыара ззуухәадаз? (Д.Гә.) – «Кому же ты делал зло?»; *Абас еиңи агәәкрагыи збахәадаз?* «Кто испытывал такое мучение?»; – *Еилыбкаахьоузеи?* – *Ирхәоит дтәацәарам!* (Б.Шь.) – «Что ты узнала? – Говорят, что он холост!»

В форме будущего I времени

Ех, Хыкәыч, сызлаузаңсахари? (С.Ч.) – «Эх, Хикуч, как отблагодарить тебя?»

Глаголы относительно-вопросительного образования выступают в функции сказуемого и в форме сослагательного наклонения. Сказуемое в таком случае имеет ирреальное модальное значение.

Ацәкәырң былгы-былгы еишьталан сара схәыцраз ирхәарызеи (Б.Шь.) – «Катящиеся друг за другом волны, что скажут о моей думе?»; *Уан агәәкгыи инласхәарызеи?* – «Что же мне сказать твоей несчастной матери?»

Именные основы в позиции сказуемого

В синтаксической позиции сказуемого может выступить любая именная основа. Принимая функцию сказуемого, такая имен-

ная основа получает полное предикативное оформление: к ней присоединяются морфологические показатели синтаксических категорий лица, времени и наклонения.

Абас ахра иалиааз ахра еиџи д-ыгәгәо-уп, Мчы дазынкылом гәыла д-ыцьбаро-уп (Б.Шь.) – «Рожденный скалой неприступен как скала, никакая сила не сможет одолеть его»; *Днеиуеит Хаџьарат агаџа даваланы, И-тшәо-уп иара изы Гәымстә арха еиужьра* (Б.Шь.) – «Узка для Хаджрата пойма реки Гумста»; *Ахтны-мца, тбаазаргь, у-арџхом, лагырз-уп, Аџацха-мца мацзаргьы и-џхоуп, и-раз-уп...* (Б.Шь.) – «Огонь княжеского очага большой, но не греет, огонь апацхи теплый, добрый!»; *Чамхара ақытан иара д-ырџафы-н* (Б.Шь.) – «Он был преподавателем в селе Чамхара»; *Шьтрала д-аамыстан, (и) Маанқәан иара дзыжәлаз...* (Б.Шь.) – «По происхождению он был князь, родители его были из рода Маан»; *Д-ауп, д-агьфархьуп, изара еихыкка...* (Б.Шь.) – «Он высокий, художавый»; *У-чкәыно-уп абзиарақәа шәкы урыниап...* (Б.Шь.) – «Ты молод, много хороших дел ждет тебя»; *Арахә дәныкала и-гро-уп, ауафьтәыфса фнуџкала д-ыгро-уп* (Поговорка) – «Скотина пестра снаружи, человек пестр изнутри»; *Ишәзеило мачым, шә-аамыстцәо-уп, шә-еишьцәо-уп, Иудыруеит Марытхәа иахьа д-ынцәо-уп* (Б.Шь.) – «Немало у вас общего, вы князья, братья, знаешь ты, Марытхуа сегодня бог».

Предикативное оформление получает в позиции сказуемого атрибутивный комплекс.

Са с-жәйтә қьырсиануп, аинрал ухайкы... (Б.Шь.) – «Я старый христианин, высокопочтенный генерал»; *Нахар д-тауад лашо-уп...* (Б.Шь.) – «Нахар – сиятельный дворянин»; *Ацсны иаазаз Абатаа д-хатца гьефын иаамтала* (И.К.) – «Взращенный Абхазией Абатаа был герой из героев».

Виды сказуемого по составу

По своему составу сказуемое бывает простой и составной. Составное сказуемое в свою очередь делится на глагольный и именной.

Простое сказуемое выражается одной глагольной формой. В этой функции выступают временные формы изъявительного наклонения, формы повелительного, желательного и сослагательно-

го наклонений, формы конъюнктива и заглазные, вопросительные формы глагола. Все, о чем мы говорили выше, относится к простому сказуемому.

Глагольное составное сказуемое

В первой основной части глагольного составного сказуемого выступают масдар, деепричастные формы, условные и условно-целевые и призрачные формы глагола. Во второй вспомогательной части выступают вспомогательные глаголы аҟазаара – «быть», «существовать», амазаара – «иметь», акәзаара – «быть», алагара – «начинать», алгара – «кончать» и модальные глаголы агәацхара – «хотеть», аҟаххара – «хотеть», «желать», аҟазкра – «намереваться», алшара – «мочь» и др.

Глагольное составное сказуемое из масдара и вспомогательных глаголов

С масдаром сочетаются вспомогательные глаголы **алагара – «начинать», аҟызаара – «продолжать», «делать», акәыцра – «перестать», алгара – «кончать»** и модальные глаголы **алшара – «мочь», аҟаххара – «хотеть, желать», агәацхара – «хотеть»** и др.

Масдар выступает как носитель основного лексического значения сказуемого, а вспомогательные глаголы выражают синтаксические категории лица, наклонений, времени и значение субъективной модальности.

Сказуемое из масдара и вспомогательного глагола алагара «начинать»

Вспомогательный глагол **алагара** в сочетании с масдаром обозначает, наряду с синтаксическими категориями и начало действия, процесса, выражаемого сказуемым в целом. В вспомогательный глагол могут включаться аффиксы повторности, провербы со значением мгновенности действия и др. Вспомогательный глагол обычно следует за масдаром, но может и предшествовать ему.

Есма ацэажэара далагеит (Д.Гэ.) – «Эсма начала (стала) говорить»; Убра хнеины абри асыцкэа айгэйдцара халагеит (А.Г.) – «Пришли туда и начали играть в снежки»; Алахэа ду ашра иалагеит (Д.Гэ.) – «Большая серая собака начала лаять»; Ила хтны данынацш, ацэылашара иалагахьан (Д.Гэ.) – «Когда, открыв глаза, он выглянул, уже рассветало (уже начинало рассветать)»; Есма адэылцэразы аеырхиара далагахьан (Д.Гэ.) – «Эсма уже готовилась выходить»; Нас зеггы ашэахэара, акуашара еицалагахт (Д.Гэ.) – «Затем начали вновь петь, танцевать»; Басиат дналагеит иажэа ахэара (Д.Гэ.) – «Басиат приступил к своей речи».

Предикат из масдара и вспомогательного глагола афэзаара

Вспомогательный глагол **афэзаара** в сочетании с масдаром обозначает процесс без указания на его начало и конец. Вспомогательный глагол **афэзаара** статический и поэтому встречается лишь в форме настоящего и прошедшего неопределенного времени.

Уа ... амрагэ ацэырцэра иафын (Д.Гэ.) – «Там и солнце уже всходило»; Анемец фырхацэа хык абра иафын айх агара (Б.Шь.) – «Три немецких молодчика тут коротали ночь»; Зынзак дышцэрааны акэашара дафын (Д.Гэ.) – «Танцевал(а) он (она) очень легко (словно взлетал)»; Амра цашэаанза иафыхысра иафын («Алашара») – «До захода солнца перестрелка продолжалась».

Сказуемое из масдара и вспомогательного глагола акэыцэра

Вспомогательный глагол **акэыцэра** в сочетании с масдаром обозначает конец действия.

...Амца еихсыгын, азы ашра иакэыцэит (И.П.) – «Огонь горел слабо – вода перестала кипеть»; Дгэыргэайцэа Ныгэгы даакалан, ифарпын дакэыцэит архэара (Б.Шь.) – «Ныгу обрадовался и перестал играть на ачарпыне».

Сказуемое из масдара и модальных глаголов

В сочетании с масдаром выступают модальные глаголы **алшара, аеазкра, атаххара**.

Бзиала, сфызцэа, шэыбзиаз, шэара ишэылшоит абарт, рахцара (Б.Шь.) – «Прощайте друзья, вы сможете их прогнать»; Ишакэхалакгы ацара атахуп уахь (Д.Гэ.) – «Как бы то ни было надо туда пойти»; Хэылбыхоуп, аилашэшэра аеазнакуеит (Б.Шь.) – «Вечер, вот уже темнеет».

Сказуемое из условных форм глагола и вспомогательных глаголов

Условные формы глагола, образованные суффиксами **-р, -зар** выступают в позиции сказуемого в сочетании с вспомогательными глаголами **акалара, акэзаара**.

Синтаксическое субъектное лицо получает свое выражение в первой, условной части сказуемого, а модальность – в вспомогательной части. Синтаксическое время в зависимости от состава сказуемого иногда выражается в первой части, в большинстве же случаев – в вспомогательной части.

Вспомогательные глаголы, кроме того, несут значение субъективной модальности (возможность-невозможность).

Сказуемое из условной формы на -р и вспомогательных глаголов

Условная форма глагола на **-р** сочетается с вспомогательными глаголами **акалара** и **акэзаара**.

Сказуемое, состоящий из условной формы на **-р** и вспомогательного глагола **акалара**, встречается в будущем и в прошедшем синтаксическом времени. Вспомогательный глагол **акалара** при этом встречается в формах будущего I, II, прошедшего несовершенного времени и в форме аориста (в отрицательном образовании).

Уи макьана дыцкэыноуп снапэы даазгар калан (И.П.) – «Он пока молод, может быть, мне удастся взять его в свои руки»; Бызгыло –

узеи, мшаан, бтаар камлари? (И.П.) – «Почему ты (ж.) стоишь, нельзя ли тебе присесть»; Аамыстацаақаак рыхъз анын уажараанза, уалакысыр каломызт («Алашара») – «До сих пор то числилось на имя каких-то князей, нельзя было то трогать»; Уара асѣѣкѣа усмацахар калон (И.П.) – «Ты мог так крепко не ругать меня»; Уа ыара цхыраарак сутаргыы калон (И.П.) – «Ты мог помочь мне где-то там»; Арт абна илѣны имцар камлеит (И.П.) – «Им нельзя было не уходить из лесу»; Аха бычкэын ыабаахгарак икэымшээр зыкалашам (И.П.) – «Однако сыну твоему нельзя не понести какое-нибудь наказание».

Вспомогательный глагол **акалара** обычно следует за условной формой, но может и предшествовать ей.

Икалап иаарласны рбызшаақаа еибакыргыы (И.П.) – «Возможно, они скоро поймут друг друга».

Сказуемое из условной формы на **-р** и вспомогательного глагола акэзаара // акэхара встречается преимущественно в прошедшем синтаксическом времени, реже – в будущем синтаксическом времени.

Ус шыкалоз сазхэыцыр акэын («Алашара») – «Я заранее должен был подумать, что так может случиться»; Аскаамтагыы идэықалар акэын..., аха дзықашаақаз деицадырхеит (И.П.) – «До сих пор надо было отправить их, но ему помешали кое-какие обстоятельства»; Иара итаы иналакысыз ауафы адунеи даныѣыр акэын («Алашара») – «Тот, кто осмелится тронуть собственность, должен попроситься с миром»; Сфызцэеи сареи уа хаикэымшээр, афныка сгыжыыр акэхон (И.П.) – «Если бы я с товарищами не встретился там, то мне пришлось бы вернуться обратно»; Аңара былымшагэышьозар шыарала хаилгар акэхейт (И.П.) – «Если у тебя нет денег, то придется тебе натурой расплатиться».

Условная форма на **-р** встречается в сочетании с модальными глаголами **атаххара – «хотеть», алшара – «мочь», аура – «делать»**.

Абри хьаас икейейт, еиликаар итаххейт («Аңс.л.») – «Его беспокоило то, он захотел выяснить то»; Акы еиңшымкэа илеихээр итаххейт (И.П.) – «Ему очень захотелось сказать ей то»; Уажэы ихы нықэйданы, илацаақаа еихышыны даныфагыла, днахэаңш-аахэаңшыр итаххейт (И.П.) – «Когда Төмөр выспавшись, привстал, захотел про-

смотреть газету»; Абна ауаах афы ңхэысмақаа ыказар, исзааугар, сеысыңсахыр стахуп (И.П.) – «Если в той комнате есть какие-либо женские вещи, принеси, хочу переодеться»; Иаса, абра ыаранза ухэзнеир хтахын («Алашара») – «Иаса, нам хотелось, чтобы ты для нас пошел куда-то»; Саида илтахуп дымфахызкыаз аңхэыс дауаңш дылпырѣыр (И.П.) – «Саида хотела уйти от женщины-великана, которая овладела ею»; Уажэышэа ихалшоит хэецэыраагар... («Алашара») – «Теперь мы можем действовать легально»; Аура ианаамтэу ианузымбжыа грак шыңнамхыр ауам (Н.Х.) – «Если необъезженного коня вовремя не объездишь, он обязательно приобретет какой-нибудь недостаток»; Ари ахэычы иан дыгэхэааигейт, афныка дымцар иуам – «Ребенок соскучился по матери, хочет пойти домой».

Сказуемое из условной формы на **-зар** и вспомогательных глаголов

Условная форма на **-зар** выступает в позиции предиката в сочетании с вспомогательными глаголами **акалара, акэзаара // акэхара**.

В данном сочетании синтаксическое время определяется главным образом условной формой глагола, т. е. первой, основной частью сказуемого, образующейся от различных временных основ глагола.

Икалап айыхэтэантэи ахтысқаа акыр ддырхэыцар («Алашара») – «Возможно, последние события заставили его немного призадуматься»; Икалап уртэ зназы абнахь рѣынархазар (И.П.) – «Возможно, они сначала направились в лес»; Бынасың еица ибыцымныкэазаргыы калап, сахэшыа (И.П.) – «Возможно, тебя опять подвело счастье, сестра»; Уи диашазаргыы калап (Д.Гэ.) – «Может быть он и прав»; Ус баша дбызѣауазар акэхап (Ахрестоматия) «Видимо, он просто так спрашивает тебя»; Уажэы арахь адэахы даадэылѣзар акэхап (Д.Гэ.) – «Видимо, он сюда во двор вышел»; Аңхэызба уара дуахэшыазар акэхап (И.П.) – «Девушка, видимо, доводится тебе сестрой»; Баргыы бхэца даара бзиа бибозар акэхап (И.П.) – «Видимо, твой супруг очень любит тебя».

С условной формой на **-зар**, образованной от основы статического глагола, сочетается модальный глагол **атаххара – «хотеть»**.

Сара Хыкэыч убри акомиссиа далазар стахуп («Алашара») – «Я хочу, чтобы Хикуч входила в состав этой комиссии»; Адагыгы азы изтоу зегы иреихазар атахуп (Поговорка) – «И лягушка хочет, чтобы вода, в которой она находится, была больше всех вод».

Сказуемое из условно-целевых форм глагола и вспомогательных глаголов

Условно-целевые формы глагола на **-рц // рацы, -ртэ // ратэы, -раны** выступают в позиции сказуемого в сочетании с вспомогательными глаголами **акэзаара, аказаара, алагара** и модальными глаголами **акэкра – «решить», атаххара – «хотеть», аеазкра – «намереваться»** и др.

Сказуемое из условно-целевой формы на -рцы//рацы и вспомогательных глаголов

С условной формой на **-рц//рацы** сочетаются вспомогательные глаголы **аказаара, алагара, аеазкра** и модальные глаголы **атаххара, азбара, акэкра, аеазкра, агэаңхара, алшара**.

Синтаксическое время и наклонение получают свое выражение в вспомогательной части, синтаксическое лицо – в обеих частях (за исключением вспомогательного глагола **акэзаара**).

Даара бзеигэыргыаша ак басхэарц сыкоуп (И.П.) – «Я сообщу (должен сообщить) тебе радостную весть»; Уаїдаашытахь, хэылңазы дарац дыкоуп (Д.Гэ.) – «Он должен приехать послезавтра вечером»; Дук мырцыкэа ақыта аизара карїарц икоуп (С.Ч.) – «На днях в селе должны провести собрание»; Хара иїегь цэыкыа хэарц акэын (И.П.) – «Мы собрались приехать чуть раньше (до вечера)»; Агарцэеи абжэаратэ нхацэеи, араха реиңш, аколнхара иаларцаларц иалагеит (С.Ч.) – «Бедняков и середняков стали загонять, как скотину, в колхоз»; Мыкыч ибз шхам гэгэала Тэмыр ихьирсырц далагеит (И.П.) – «Мыкыч решил своим ядовитым языком задеть Тэмыра»; Мицуп ари, ухы итұхэааит, хэидушыларц утахуп егыызхарам шыоуки сареи (И.П.) – «Это – ложь, ты сам сочинил, хочешь столкнуть меня с невинными

людьми»; Зинагы абыста аңара дахыағыз иалгэаңхеит Мыкыч итэы дналацаажэарцы (И.П.) – «И Зине захотелось оттуда, где она стояла, раскладывая мамалыгу, поговорить о Мыкыче»; Ирызбеит ақытсовет ахантэафы адырра иртэарц (С.Ч.) – «Решили сообщить об этом председателю сельсовета»; Мыкыч, аказы суацаажэарц стахуп (И.П.) – «Мыкыч, я хочу поговорить с тобой»; Мап, шэара шэыңсырц залшом (Андерсен, Алакэқэа) – «Нет, вы не должны умереть»; Истахуп, дадраа, абцар кны шэылагыларц («Алашара») – «Хочу я стать рядом с вами с ружьем в руках, сыновья мои»; Цыыгэ избеит дызғыз иажэа неигзарц (И.П.) – «Джигу решил докончить свою речь»; Аишыцаа ашэафыкыы ааицаажэан Сасыкэа дыршыырц иакэыркит («Аңс.л.») – «Все сто братьев решили убить Сасыкуа»; Зны еуарк аасхэан, снапала исыбжэарц иакэыскит (Н.Х.) – «Однажды я купил необъезженного коня и решил объездить».

Сказуемое из условно-целевой формы глагола на -ртэ//ратэы и вспомогательных глаголов

Условно-целевая форма на **-ртэ//ратэы** выступает в позиции сказуемого в сочетании с вспомогательным глаголом **аказаара**.

Сказуемое такого состава встречается в настоящем и прошедшем синтаксическом времени.

Урт руақы стїуазаргыы, уи шэартэ сыкоуп (Д.Гэ.) – «Если понадобится, я продам одного из них, но долг я в состоянии выплатить»; Схэыцын усқан, акамбашықэа раңхыа сгылартэ сықан (И.П.) – «Тогда я был молод совсем, мог погонять буйволов»; Атаҳмада иакэиқыр Сима цыраарак литэартэ дықан... (И.П.) – «Старик при желании был в состоянии помочь платить»; Схэыцын усқан, акамбашықэа раңхыа сгылартэ сыкамызт (И.П.) – «Я был еще ребенком, не мог погонять буйволов».

Реже встречается сказуемое из условно-целевой формы на **-раны** и вспомогательного глагола.

Қыртэылатэи асасцаа ажаак бархэараны икоуп (С.Ч.) – «Гости из Грузии должны сообщить тебе о чем-то»; Ани апленим акны... Тариел ажаахэ кайцараны дықан» (М. Аң.) – «На этом пленуме Та-

риел должен был выступить с докладом»; *Җынҗықара нысҗыргыы аиарта сзагылҗраны сыҗам* («Алашара») – «Проживи я две жизни, все равно не суждено мне встать с постели».

Сказуемое из деепричастных форм и вспомогательных глаголов

Деепричастные формы выступают в позиции предиката в сочетании с вспомогательными глаголами **алагара, аҗазаара, аҗалара**. Синтаксическое лицо получает свое выражение в обеих частях сказуемого, время и наклонение – в вспомогательной части.

Вспомогательный глагол **алагара** сочетается с деепричастной формой, образованной посредством суффикса **-уа→о**.

Сасыҗкаа днеин, иаҗаа аатихын адау ихада дасуа далагеит («Аҗс. л.») – «Сасыркуа подошел к великану, вынул саблю и стал бить великана по шее»; *Иара аҗшәмагы деилаҗаа-еилаца даафналан... иааиз дрыхәаҗшуа далагеит* («Алашара») – «Вошел и сам хозяин разоде-тый и стал смотреть на пришедших»; *Аулақца кны иҗаркуа иа-лагеит* (И.П.) – «Кулаков начали сажать»; *Уажәшьта аҗара згаҗәҗо салагеит убарт зегы җабла иабо ишыҗало* («Алашара») – «Теперь я стал верить в то, что все это мы своими глазами увидим».

Вспомогательный глагол **аҗазаара** сочетается с деепричастными формами, образованными посредством суффиксов **уа→о, -ны и -(м)кәа**.

Самсон уи азыҗәан җытқ дгәааны дыҗан (И.П.) – «Самсон по этому поводу немного был сердит»; *Иан амаҗеиҗи дышәны дыҗан* («Алашара») – «Его мать посерела как точильный камень»; *Иаазқәылаз ашәаҗара иаҗәыҗны иҗан ардәына* (М.Л.) – «В последние дни дрозд больше не пел»; *Җаи, уажәра цәҗахааит амыхәта уны уҗазаап...* (И.П.) – «Несчастливой старости тебе, оказывается, ты поступил непорядочно»; *Еиҗабы-еиҗбы игәеибатаны ахатыр еиқәырҗо иҗан* (И.П.) – «Старшие и младшие уважали друг друга»; *Афицар иҗыз асолдат аурыла иара дааидфыло дыҗан* (И.П.) – «Солдат, который сопровождал офицера, был такого же роста, как и офицер»; *Абыҗқәа игоз игәы иқәыфуан ада аеакы изеилкаауа дыҗамызт* («Алашара») – «До него доходили лишь звуки, которые раздавались тут, боль-

ше он ничего не чувствовал»; *Есма уаанзагы уртқәа лымбаҗәҗо дыҗамызт...* («Алашара») – «Эсма и до этого видела все это»; *Дар-гыы гәфарақәак рымамкәа иҗамызт* (А.Г.) – «И их, видимо, что-то беспокоило»; *Ари җкәына кәышк иақәымкәа дыҗам* (И.П.) – «Этот парень не глуп».

С теми же деепричастными формами сочетается и вспомога-тельный глагол **аҗалара**.

Аҗшәарақәа раан ачамгәыр адырхәо, икәашо иҗалеит (И.П.) – «В выходные дни играли на ачамгуре, танцевали»; *Уажәшьта маза уск улымҗа интысшыргыы цәҗа исымбо сааҗалеит* (И.П.) – «Теперь уже мне хотелось поделиться с тобой своими секретами»; *Урт рыхыз анихыла инаркны гәеиҗыхрак җаманы җзыҗамлеит* (И.П.) – «С тех пор как они сошлись, не было у нас радости»; *Даара дҗаҗа бзиахеит җәат, акы дыннамкылазо, алаапк дафызаны дҗалеит* (И.П.) – «Джат стал крепким, бесстрашным мужчиной».

В функции вспомогательных глаголов выступают в редких слу-чаях глаголы **ақәхара «остаться», анхара «остаться»**.

Җакәына азыҗазы дааиқәҗәашеит... илуа лзымдыруа даақәхеит (И.П.) – «Такуна сначала растерялась»; *Ауафы захызу дысымды-руа сынхон* (И.П.) – «Иногда я становился таким, что не знал, что такое человек»; *...Даарак дзәмеигәырҗеит, длақәакуа даақәхеит* (И.П.) – «Он не смог обрадоваться этому, растерялся».

Сказуемое из призрачной формы глагола и вспомогательных глаголов

Призрачная форма глагола, выступая в позиции сказуемого, сочетается с вспомогательными глаголами **аҗазаара, аҗалара, аҗатцара** (в функции вспомогательного глагола). Синтаксическое лицо в сказуемом такого состава получает выражение в обеих частях, синтаксическое время и наклонение – в вспомогательной части. Сказуемое из призрачной формы и вспомогательного глагола **аҗазаара** встречается в формах настоящего и прошедшего синтаксического времени.

Ауафы дызустаз рдыруан. Патыхә ихызын, Кәазбан, қаралагыы дыҗшқамызт, уафы қҗақәшәа, уафы гызмалшәа дыҗан (И.П.) –

«Знали кто этот человек. Его звали Патух, был он вроде шутник, хитроват»; Даанахэеит ааи, саргъы, аңышэара дзыркуаз арџаџэа среиуашэа сыкоуп, издыруеит (И.П.) – «Да, приняли его в институт, я участвовал в приемных экзаменах, знаю»; Абри сзыпхьо ашэаџы иану удыруашэа укандаз (И.П.) – «Знал бы ты, что написано в этой книге, которую я читаю».

Сказуемое из призрачной формы и вспомогательных глаголов **акалара, акацара** встречается в формах настоящего, будущего и прошедшего синтаксического времени.

...Ус кашэџар, гектарк иаџу анорма иамцхэны иаашэрыхызшэа шэкалоит (И.П.) – «Если вы так сделаете, то получится так, будто вы с гектара больше нормы урожая получили»; Саида зназы дааигэыргъеит аџахмада илирхаз ажэа, аха нас деикэыпшьыхаа, акы деикэнахэалашэа даакалеит (И.П.) – «Саида сначала обрадовалась сообщению старика, но затем она утихла и сделалась такой, будто что-то связало ее»; Урт ырымбазошэа карџоит (А.Г.) – «Они делают вид будто не замечают то»; Саргъы исымбазошэа касџоит (А.Г.) – «И я делаю вид будто не замечаю то»; Сыхэмаруашэа касџон, аха сшэџэџьон (А.Г.) – «Я делал вид, будто шучу, но на самом деле боялся»; Афырмахьџэ аахацыпхьаза аерыцхатэны, аџа итзызаауан, нас илеиха-џеихашэа канџон (Ф.Иск.) – «После каждого удара хворостинкой, дрожал он, а затем передвигался немного»; Хьмур лылахь еикэын, лыбжьы неиџыхны дыхэмаруашэа, дыччошэа калџон (И.П.) – «Химур была грустна, но она делала вид, будто ей весело».

В функции вспомогательных глаголов иногда выступают **аура «делать», абара – «видеть»...**

Анышэынтраџаа ырывсны рџанынарха Иаса даатгылашэа иуит. Зегъы аатгылашэа руит («Алашара») – «Когда прошли мимо могил, Иаса приостановился. Приостановились и другие»; Ахьшьџагъы ччаџашэа руит (А.Г.) – «И пастухи нехотя посмеялись»; Аибашьра калеит хэа рахаиџьџеи, ара аџалаџь иаланхоз ауаа иаџа еизааигэахазшэа рбеит (И.П.) – «С тех пор как началась война, горожанам казалось, что они больше сблизились»; Цацу зназы ари ашэа бзиашишэа лбеит, аха даарак дзаеигэыргъеит... (И.П.) – «Цацу сначала показалось, будто эта песня хорошая, но не очень обрадовалась ей».

В редких случаях в основной части сказуемого выступают инфинитные формы глагола, образованные аффиксами относительных местоимений **и, з** и обстоятельственным элементом **ахь**, формы будущего I и II времени и др. Они сочетаются с вспомогательными глаголами **акэзаара, аказаара...**

Аиџбы џааны ашкол ахь иџаша иакэын (И.П.) – «Младший через год мог поступить в школу»; ...Уи еиџи аџагъара хэартџам, игазароуп, зны бахьхэра быкоуп (И.П.) – «Знайство – глупость, плохо, когда-нибудь ты пожалеешь сама»; Сыхшыџ рзышьџны сзыхэыџуазгъы уаџ игэы иахэаша, дзыргэыргъаша ракэын (Ф. Иск.) – «Думал я о радостных, приятных вещах»; џ-џарышьк сара сахьдыртэало егъыџам (И.П.) – «Десять копеек вряд ли меня сделают богатым»; Уртџ (абираџџаа) ашэаџџаа рыпсаџаа, алабашьаџаа иахьысхароуыкоуп – «Они (знамена) развеваются на штыках, на палках».

Именное составное сказуемое

В позиции сказуемого нередко выступают имена в сочетании с вспомогательными глаголами. Сказуемое такого состава называют именным. В именной части сказуемого в этих случаях выступают формы имени существительного, имена прилагательные, местоимения, имя числительное и наречие. Они сочетаются с вспомогательными глаголами **аказаара, акэзаара, амазаара, акалара** и др.

Сказуемое из форм имени существительного и вспомогательных глаголов

Наибольшее распространение имеет сказуемое из превратительной формы имени и вспомогательных глаголов **амазаара, аказаара, акацара, акалара...**

Синтаксические категории лица, наклонения и времени получают свое выражение в вспомогательной части.

... Ожэ арџыс еиџамс лылаџи зыкэшэазгъы, фырхэџаџас дамамзи лара лхэыцыртџа (Б.Шь.) – «Тот бесстрашный парень, на кого она сейчас бросила взгляд, был героем ее мечты»; Афатэ џаџартџаџы акэын иахьтэаз, уа кыфартџас ырыман (И.П.) – «Они сидели на кухне, они

там всегда ели»; *Мап, мап, сан, ишџаџало ас мамзаргыи калашьас иа-моузеи!* («Алашара») – «Нет, нет, мать, как же так, как это может случиться»; *Уи Аџьар каџшь еидгыла мазаныџагафьс дамоуп* («Алашара») – «Он является секретарем союза Красного Креста»; *Аџсны раџхьаза хьэнтџкарс иамадаз хьа иуазџаар?* («Алашара») – «Если тебя спросят, кто был первым абхазским царем?»; *Ажэлар жьэйтэаахьыс айла ду амџаны еизартас, зеиџи усбартас ирыман* (Б.Шь.) – «Народ с давних пор собирался около большого дерева»; *Иахьанза гьэжжьагас бсыман бара, Шьџарнахьыс гьэшьџыхгас бсоуит, идыр* (Б.Шь.) – «До сих пор ты была для меня утешением, с этих пор ты будешь для меня вдохновением»; *Анхафь ичеиџьыка зниџоз исаан, Акрызнифалоз џџьарас икашэџан* (Б.Шь.) – «Миску крестьянина вы сделали мишенью»; *џџьарас икашэџеит сыџэын заџа ихь!..* (Б.Шь.) – «Сделали вы мишенью голову моего единственного сына»; *Ахьџа ианаклак, ианылахэлак иашьас дџарџан* («Аџс. л.») – «Когда они замерзнут, оченеют, его сделают своим братом (побратают его)»; *Уи калеит џэажэатэыс амхь ахьыдрашэоз...* (Б.Шь.) – «Это стало предметом разговора на поле, где они работали».

С превратительной формой имени в качестве вспомогательных глаголов сочетаются **аџхьазара – «считать», ашьџыхра – «принять», ашьара – «считать», ашьџхара – «остаться», аџэгылара – «стать», «становиться»** и др.

Шэара џьоук уи аамџа шэеашэџеит зынзаск, Аџсы кымкымрагыи шыџышэхит џазшьас (Б.Шь.) – «Вы (некоторые) шагаете со временем, воровство стало натурой для вас»; *Сакьантэи арџыс артџэа зегьы ргэаларшэара гэадурас иџхьазон* («Алашара») – «Парень из Сакена вспомнить обо всем этом считал гордостью»; *Сара схьааџэа уара гьэырфас иумкын* («Алашара») – «Ты не беспокойся за мои болячки»; *Шэфыкгыи сышьџазааит, гьэырфас ибымкын* – «Пусть и сто человек гонятся за мной, ты за меня не беспокойся»; *Иара ахьз ахьрхит џэымгыс ишьаны!* (Б.Шь.) – «Изменили название от ненависти!»; *Маџьи Чиеи минутџэак рыла еиџызџэас иаашьџибакхт* («Алашара») – «Мадж и Чиа за несколько минут сделались друзьями»; *Уара зынза еадхэыс суџхьазозаап!..* (И.П.) – «Оказывается ты меня принимаешь за глупца!»; *Иџхьыс даньикам џсшьарас иџхьазон* (Б.Шь.) – «Отсутствие жены для него было отдыхом»; *Сышнышьџалаз еиџи*

азэы ашэ еимџааны даафналан лабак кны, ирхха данаасыс, слаха саакалеит («Аџс.л.») – «Как только я лег, кто-то вошел с палкой, и, когда он этой палкой меня ударил, я превратился в собаку»; *...Анкьа сшыџаз суафха саакалеит* («Аџс.л.») – «Как и был раньше, я стал человеком (превратился в человека)»; *Мазлоу икамчы налхикьан длаха даашьџахеит* («Аџс.л.») – «Мазлоу ударил ее плетью, и она превратилась в собаку»; *Ахьы, убзарбзанха, анихэа, ибзарбзанха иааџэгылт* («Аџс.л.») – «Когда он сказал: «Превратись-ка в пушку», оно превратилось в пушку».

В основной части сказуемого встречаются: имя в категории неопределенности, общности, притяжательности, собственные имена. С ними сочетается вспомогательный глагол **акэзаара**.

Сара сзайџэгыишоуп, насгыи џакэажэык соуп («Аџс.л.») – «Я одинокая, и к тому же старая женщина»; *Ари џиса лоуп, ани ухаџкны итэоу хашьаду иџаџэа... роуп* («Алашара») – «Это Циса, а тот, кто повыше тебя сидит, есть мать Гуапханашьа, а кто напротив сидит есть сыновья нашего дяди»; *Мап, мап Раџмараа раџэым арт!..* («Алашара») – «Нет, нет, это не Ракма»; *Аишьа лакэын ари* («Алашара») – «Это была Айша».

Сказуемое из имени прилагательного и вспомогательного глагола

В позиции сказуемого выступает сочетание из качественного прилагательного и вспомогательного глагола **акэзаара**.

Имя прилагательное в этом сочетании субстантивируется и принимает форму неопределенной категории. Синтаксические категории лица, времени, наклонения выражаются в вспомогательной части.

Уара уаџ дьыџэагыџша уоуп, фьызас ушьџысхьыр џџахуп (И.П.) – «На тебя можно положиться, я хочу сделать тебя своим товарищем»; *Ари аба ссирзак ами, аиашазы?* (Андерсен илакэџа); *«Это хороший товар в самом деле?»*; *Уи уафь наза-аазак, уаџаџшьк иакэын* («Алашара») *Уи џахмада кьаџк, еихасыџэык иакэын* (И.П.) – «Тот был низенький, горбатый старик»; *Соуџар Андарбуа макьана дымнеиџызт, уафь лахфыхзак иакэын* (И.П.) – «Соуџар Андарбуа был человек почти среднего возраста, подвижный, веселый».

Аңсны иаазаз Абатѡа дѡаѡа гъеѡын иаамѡала (И.К.) – «Абатаа, вскормленный Абхазией, гремел славой в свое время»; Урт зегъы башоуп, уи дуаѡ кьиоуп («Аң.л.») – «Это все выдумки, он честный человек»; Ажалар рзы иаамѡа цагъан («Аң.л.») – «Для народа трудное было это время»; Ари пѡѡаѡа иѡаша социалистѡа қалақъуп (С.Ч.) – «Это перспективный социалистический город»; Бѡѡыч бзиоуп Чиа!.. («Алашара») – «Хороший ребенок Чиа!»

В позиции сказуемого выступают качественные наречия в сочетании с вспомогательными глаголами **а́казаара**, **акэзаара**, **а́калара**.

Иубан таацааракгы зхэоу еикэымшэо..., аха ари аттаацэара ас икамызт (И.П.) – «Бывает не дружная семья, но эта семья не такая была»; Ки даара дуафажэын, ибга хэаны цыыкэза икалахьан (И.П.) – «Ки был очень стар, спина его была уже горбатая»; Изамфа иадкылаз ачабра капшэза икалахьан – «Платок, который был прижат к его щеке, уже был красным!»; Ари акара иказ амал зегы иара иаидикылан, қафла дыкан («Апс.л.») – «Все имущество он прибрал себе и жил припеваючи»; Уңшэмаңхэыс лызбахэ даара ибзианы икоуп (И.П.) – «Идет слава о твоей супруге»; Икэашза икалеит ибла гэгыгракэа («Апс.л.») – «Стали белыми его карие глаза».

Вспомогательный глагол **акэзаара** встречается в сочетании с местоимениями, числительными...

Уи... сара сакэын (С.Ч.) – «Это был я»; Уи ахаара зѐу азэ лакэын (И.П.) – «Она была приятная женщина»; Ҳара хѝк ашэарыцацаэ хакан – «Нас было трое охотников»; Арѝацэа зегьы жэафѝк ыкан – «Педагогов было всего шестнадцать».

Объектный компонент структурной основы предложения сам по себе в формально-грамматическом отношении не отличается от субъектного компонента. Все грамматические формы имен, выступающих в синтаксической позиции субъекта, выступают и в позиции объекта. Это общая, неопределенная (определенная), притяжательная формы имени. В позиции объекта выступает всякое слово с предметным значением вне послесложных форм, форм лишения, инструментальности и превратительности.

Различие субъектного и объектного компонентов, как отметили выше, заключается в различии их синтаксических позиций в структурной основе предложения. Позиции объектного компонента в структурной основе предложения фиксируются объектными аффиксами двух рядов, закономерности использования которых, связаны с переходностью и непереходностью глагола-сказуемого. Ближайший объект и его позиции в глаголе-сказуемом фиксируются объектными аффиксами ряда **д**, занимающими всегда первое место. Синтаксическая же позиция косвенного объекта всегда фиксируется в глаголе-сказуемом аффиксами ряда **л**, занимающими второе (при двухличном глаголе-сказуемом (и третье) при трехличном глаголе-сказуемом) место. В одной структурной основе предложения, в отличие от субъекта и ближайшего объекта, может быть более одного косвенно-объектного компонента (не имеются в виду позиционно-тождественные субъектные и объектные компоненты). Все позиционно-тождественные субъектно и объектные компоненты фиксируются соответственно одним аффиксом. Позиционно тождественные компоненты не образуют особой синтаксической позиции в структурной основе предложения. Например: *Михеи Ҥемири и-аа-р-хәеит ашәкәкәа, аручкакәа* – «*Миха и Темыр купили книги и ручки*». Слова **Миха Темыр** в этой структурной основе предложения занимают одну общую субъектную позицию и слова **ашәкәкәа, аручкакәа** – общую объектную позицию.

Совершенно не различаются в формальном отношении и ближайше-объектный и косвенно-объектный компоненты. Поэтому нет надобности рассматривать каждый из них в отдельности.

Общая форма имени в позиции объекта

Ибдыруеит, алҥхынрак ххаха сымамкэа, Заңшыаа рказармаф аҥаҥын срыңхуан. Исырҥааит иахьа сьабааңса сҥарақэа... (Б.Шь.) – «Знаешь ты (ж.), все лето я низал табак в сарае Дзапши-па. Пусть они оплатят мой труд, пусть отдадут мне мои деньги»; Ахаан имцэағэац адгьыл ду ирҥоит... (Б.Шь.) – «Тому дают землю, кто никогда не пахал»; Ахаан имрашэац аеафэра ҥыргоит (Б.Шь.)– «Те берут урожай, кто никогда не трудился»; Лара дналбаан ала икэылцеит (М.Л.) – «Она спустилась с балкона и отогнала собаку»; Акэкаҥхэа дыхэҥхэа ашҥа данаатала, лыхэҥхэабжь иарфыхеит асасцэа (М.Л.) – «Когда она с криком вошла во двор, ее крик разбудил гостей».

Неопределенная форма имени в позиции объекта

Данаапыршышы иаңхәйәкба атзамцае, кылҳарак гәеитәит... (М.Л.) – «Пощупал рукой стену и нашел в ней какую-то дыру. Дыц-цакы-цакау днеин хаҳәдук днадтәалеит (М.Л.) – «Быстро подошел он к какому-то большому камню и сел за ним»; Җнак Қсыс абнахь дықан, қырстақәак дрыштан (М.Л.) – «В один день Қсыс был в лесу, он искал какие-то бревна»; Каканк ааңиҗеын арыцқәа атта-ттаҳәа иршәны иҗы интәиңсеит (И.П.) – «Разбил он один какой-то грецкий орех и метнул в рот зерно»; Чајә Чагә пхәысеибак дылтаң (М.Л.) – «Чац Чагу однажды гостил у одной вдовы»; Ацкәын имакәан дылтаңшын ишәкәкәа иаарылихит иңшзаза икәз шәкәык (М.Л.) – «Мальчик вытащил из сумки одну какую-то красивую книгу».

Притяжательная форма имени в позиции объекта

... Исыртҗааит иахья сҗабааңса, сҗарақәа (Б.Шь.) – «Пусть дадут мне за труд заработанные деньги»; ...Дңышәарччо дңеҗаңшит лхаҗа (М.Л.) – «С улыбкой она посмотрела на своего мужа»; Инапқәа рыкәыршо иаагәыдыкылеит исасцәа дахьқәа (М.Л.) – «Обнял руками своих дорогих гостей»; Җасас бзиа акриҗаҗаны дышыҗаҗа... (М.Л.) – «Гостя нашего накорми хорошо и уложи»; ...Иҗабун! Уаҗа сҗахым, сызхара қалейт, – ихәан иналиркит ләҗәца (М.Л.) – «Спасибо, напился я, – сказал и подал ей стакан»; Шьахәсна дҗагылан Саида

лыматәакәа ааганы иналылтәит (И.П.) – «Шахусна встала и подала Саиде ее вещи»; Төмыр иахәшьа длыцхраауеит – «Төмыр помогает своей сестре».

Собственные имена в позиции объекта

Мез данындайлы Леуарса дибейт (И.П.) – «Мез, когда вышел, уви-
дел Леуарса»; Ёнак Алыбеи асасцаа рацэаны итэаит (М.Л.) – «В
один день много гостей пришло к Алыбею»; Хымжэажэ акалэшэа
Саида дылғаашуа далагеит (М.Л.) – «Хамжаж подозрительно ста-
ла смотреть на Саиду»; ... Саида ибжыы лықаиргеит (И.П.) – «Он
окликнул Саиду»; Патыхэ дизхэыцуан иара (И.П.) – «Он думал о Па-
түхе»; Чнагэ уақа дрыдыркылеит (М.Л.) – «Чнагу приняли тут».

Местоимения в позиции объекта

В позиции объекта часто встречаются личные, указательные и другие местоимения.

Бзия жәуит хәа сееиҫыхуа среихырхәеит дара (Б.Шь.) – «Доброго вам дела! – приветствую я их!»; Аштә иаатәлеит имачымкәа, азәгы даатәргәлеит асакаса ауапа ақәыршәны (М.Л.) – «Во двор вошли немало людей и внесли с собой кого-то в гробу, закутанного в бурку».

В позиции объекта встречаются инфинитивная форма глагола, числительные (самостоятельно или в сочетании с именами).

Бзиала уаабейт, улеи арахы! – ихэан игылаз афныка дааиңхейт (М.Л.) – «Добро пожаловать, заходи домой! – сказал и пригласил домой стоящего»; Днаигэтасны дааирфыхейт ахара здыз (М.Л.) – «Толкнул и разбудил виновного»; Ахы, ухаңыз, Хапар, дхарба иушыыз (М.Л.) – «Ану-ка, иди, Хапар, покажи, убитого (тобой)»; Идырны ишдымаз, сара исхээз насыгзеит (М.Л.) – «Чтобы вы знали, я выполнил свое слово»; Хара хьыхээла фыңа уаа еихэтэххаа итәркит (И.П.) – «Из-за нас двоих посадили»; Аршахэйт ирхиейт ңшыышә хазыртәра (М.Л.) – «Аршахут приготовил четыреста газырей»; Шака сманшээланы срықәшәзее афыңагы! (М.Л.) – «Как удачно встретил я их!»

Инфинитная конструкция в позиции объекта

Выше мы отмечали, что в позиции субъекта часто выступает инфинитная конструкция. Аналогичным же образом и в позиции объекта нередко выступает инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы.

Конструкция эта организуется глаголом инфинитной формы вместе с относящимися к нему словами на основе субъектно-объектных отношений, выражаемых теми же субъектно-объектными аффиксами, или заменяющими их аффиксами относительных местоимений **и, з**.

Инфинитная конструкция, выступая в позиции объекта, принимает значение предметности и вступает в синтаксическую связь с сказуемым посредством объектных аффиксов, как объектное дополнение; которое мы описали выше. Она большей частью занимает позицию ближайшего объекта и в меньшей мере – позицию косвенного объекта. Выступая в позиции ближайшего объекта, она связывается с сказуемым посредством объектных аффиксов ряда **д**, занимающих первое место, выступая в позиции косвенного объекта, связывается с сказуемым посредством объектных аффиксов ряда **л**, занимающих второе место (при двухличном глаголе-сказуемом) или третье (при трехличном глаголе-сказуемом) место.

Камачыч ауха дтэаны лани лаби и-ралхэоит ахэыцкэа акино шыдлырбаз... (Д.Гэ.) – «*Камачич в ту ночь рассказала отцу и матери, что она повела детей в кино*»; *Абрака и-рхасабуан аңсадгыл агэы иалаз* (Б.Шь.) – «*Здесь обсуждали болячки родины*»; *Алиас игу итэикыз д-а-зхэыцуан* (Д.Гэ.) – «*Алиас обдумывал свои намерения*»; *Сара уахь сышцоз шэара и-шэасымхэеит* (Д.Гэ.) – «*Я вам не сказал, что я туда отправлюсь*»; *Ах узкэиргэыгуа хы-шықәса у-а-зыңшыз* (Поговорка) – «*Обещания царя жди три года*»; *Рэагылацаагы раңхьала, рышьтахьала ампыл згоз и-рыжэлон* (Д.Гэ.) – «*Противники набрасывались на тех, которые бежали с мячом*»; *Аказарма аңхьа данааи ататын зрыңхуаз дна-р-ылаңшит* (И.П.) – «*Когда он приблизился к сараю, посмотрел на тех, которые низали табак*»; *Зыцкэын дымтсыц уцкэын д-и-умырцэыуан* (Поговорка) – «*Не давай*

оплакивать своего сына тому, кто не испытал подобного горя»; *Афы иашьыз ах д-хыркылон* (Поговорка) – «*Пьяного заставили и гущу выпить...*»; *Аеы иакэымтэац аеы д-канамыжыцт* (Поговорка) – «*Кто не садился на коня, тот не падал с коня*»; *Камачыч Есма уака илзынлыжыыз ахэыцкэа и-рылтеит* (Д.Гэ.) – «*Камачич отдала детям то, что ей оставила Эсма*»; *Шэара ишэызбаз сара са-зыразуп* (И.П.) – «*Я согласен с тем, что вы решили*»; *Хьмур и-гэалтеит Мез уажэы дшыкамыз* (И.П.) – «*Химур заметила, что Меза сейчас нет*».

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблема распространения простого предложения не была еще предметом специального исследования в абхазском языке. В истории же русской грамматики она имеет разные решения¹. В качестве основных направлений в учении о второстепенных членах предложения выделяются формальное (классификация по характеру синтаксической связи) и логическое (классификация по значению)².

При рассмотрении распространяющихся компонентов естественно исходить из той роли, которую они играют в синтаксической организации предложения. Роль эта должна проявляться в формах связи их с конституирующими компонентами структурной основы предложения и в тех грамматических значениях, которые они несут в составе предложения.

Предложение может быть распространено отдельными словами (реже словоформами) и словосочетаниями. Причем, распространение предложения происходит преимущественно через распространение отдельных его конституирующих компонентов.

Распространители включаются в предложение через синтаксическую связь с субъектным, объектным (объектными) и предикатным компонентами.

Распространение предложения отдельными словами. Распространяющий объект

Наряду с конституирующим объектным компонентом в предложении абхазского языка встречается и неконституирующий, распространяющий объектный компонент. В отличие от конституиру-

ющего объектного компонента структурной основы предложения распространяющий объект характеризуется рядом грамматических особенностей.

1. Он связан с сказуемым не двусторонней соподчинительной связью, а односторонней подчинительной связью, направленной от сказуемого к объекту¹.

Сзамѡа урыцкъом уара бгъыцла... (Б.Шь.) – «Не чистишь ты мое лицо листком».

В данном предложении второй и четвертый компоненты связаны субординативной связью, направленной от второго к четвертому. Употребление имени объекта в послеложной инструментальной форме **бгъыцла** обусловлено семантикой глагола-сказуемого.

Аналогичным образом распространяющий объект примыкает к сказуемому и в следующих примерах:

Хьаржэтэыс камбашьк ианакэызаалак иныкэигон... (И.П.) – «Он имел всегда одну буйволицу для молока»; *Зыкэыр кандидатс апартиа далалеит* (И.П.) – «Дзыкур стал кандидатов в члены партии»; *Сеыжэланы сшихэмаруаз сеы дасит икамчала* (М.Л.) – «Он ударил моего коня своей плетью в то время, когда я скакал на нем»; *Лаб даарыхуан жэйтэ цэмагэала* (Б.Шь.) – «Ее отец пахал сохой»; *Ханашэ амакэан иртэит фатэыла* (М.Л.) – «Ханаш наполнил сумку провизией».

2. Отсутствие соподчинительной, предикативной связи между сказуемым и распространяющим объектом позволяет исключить субординативную связь вместе с объектом без малейшего ущерба для структурной, предикативной основы предложения.

Ханашэ амакэан иртэит фатэыла. Ханашэ амакэан иртэит... Сеыжэланы сшихэмаруаз сеы дасит икамчала. Сеыжэланы сшихэмаруаз сеы дасит... Сзамѡа урыцкъом уара бгъыцла. Сзамѡа урыцкъом уара... Хьаржэтэыс камбашьк ианакэызаалак иныкэигон. ...Камбашьк ианакэызаалак иныкэигон.

3. Возможность удаления распространяющего объекта из состава предложения с сохранением его предикативного ядра дока-

¹ См. О второстепенных членах предложения в работах

² Н.С. Вольгина. Синтаксис современного русского языка. «Высшая школа». М., 1973, стр. 106.

¹ Аналогичную одностороннюю подчинительную связь будем называть в дальнейшем вслед за А.М. Мухиным субординативной связью. См. А.М. Мухин. Структура предложения и их модели, стр. 75.

зывает, что он (распространяющий объект) не является конституирующим компонентом структурной основы предложения.

4. В отличие от конституирующего объекта, выражаемого общей, неопределенной, определенной и притяжательной формами имени, распространяющий объект выражается лишь сочетанием имен с послелогом.

В качестве послелогов в данном случае используются **-ла, -да, -зы, кнытә, -цынхәрас, -еиҳа, -ааста** и др. (Они пишутся в одних случаях слитно, в других – раздельно).

Послелог **-ла**¹ имеет значение инструментальности и может присоединяться к любому слову, выступающему в позиции распространяющего объекта с инструментальным значением. Использование послелога **-ла** связано с инструментальным значением, а инструментальное значение обусловлено семантикой глагола-сказуемого. Распространяющий объект с инструментальным значением обозначает предмет, посредством которого совершается действие. Таким образом, очевидно, что связь направлена от глагола-сказуемого к распространяющему объекту.

Ус иаарласны ахахә кьаңс ақә ылхны қарала, хьтәы саатла, мацәазла, қаратрала, кәалаңла иаадыртәит (М.Л.) – «Так вскоре плоский камень обсыпали (наполнили) деньгами, золотыми часами, кольцами, кошельками, шкатулками»; *Ауафытәыфса иңсы ахьынзатәу икашьеи иуафышьеи рыла дыбзиазароуп* (М.Л.) – «Человек, пока он жив, должен быть примечательным своим характером и нравом»; *Бгьыцла ашьшьыхә сзамфа рыцкәа!* (Б.Шь.) – «Почисть листком немедленно мою щеку!»; *Абрыскьыл ирашь еиңш, хәагәыжьла убеиара қахны иґахәан* (Б.Шь.) – «Как араш Абрыскила, твое богатство было сковано цепью»; *Днеиуеит аңхәызба қытә мґахәастала* (Б.Шь.) – «Идет девушка по тропе деревенской».

Послелог инструментальности **-ла** может включиться в глагол-сказуемое. В таком случае объект связывается с глаголом-сказуемым соподчинительной связью, получающей свое выражение в объектных личных аффиксах ряда **л**.

¹ Послелог -ла нельзя путать с деривационным формантом -ла: мчыла «силой, насильно», шыапыла «пешком», ґыла «верхом».

Сара ахәычы с-и-ла-хамаруеит – «Я играю с ребенком»; *Миха ицәматәа д-а-ла-цәагәоит* «Миха пашет сохой».

Как это видно из примеров, распространяющий объект в личных случаях становится конституирующим компонентом структурной основы предложения, вследствие чего становится невозможным исключение его из предложения.

Миха ацәматәа д-а-ла-цәагәоит, но нельзя: *Миха д-ла-цәагәоит*.

Объект с послелогом **-да** выступает со значением лишения и обозначает предмет вне наличия, или без помощи которого происходит или не может происходить действие глагола-сказуемого.

Мез идаңсыхәахамам – «Без Меза нам не обойтись»; *Агәырғарада зегьы ибахьеит уи анасыңда* – «Этот несчастный видел все, кроме радости»; *Ачаиртәқәа мшын иаңәазар, Урт, цьабаада икалару?* (Б.Шь.) – «Чайные плантации, подобные морю, могут они создаваться без труда?»; *Дахьаланхоз ақытә инапы ахґаңәкьаны икын, Иґада ґы цәажәар каломызт* (И. П.) – «Село, где он проживал, держал в своих руках, Кроме него никто не смел говорить»; *Урт, қәңарада аґар аарышьтрацы ргәы итәмызт* (И.П.) – «Они не собирались допустить победы новой жизни без боя»; *Дырфеит, дыркакеит, уи харада дшьуп* (Б.Шь.) – «Убили ее без вины»; *Гәырғарада цәалашәарак сызтарыда уи аены?* (Б.Шь.) – «Кто навязет мне в этот день иное чувство, кроме чувства радости?»; *Бара быда схәартәзам, ибдыруаз...* («Алашара») – «Без тебя нет мне жизни, знай...».

Послелог **-зы** имеет версионное значение. Объект с послелогом **-зы** обозначает предмет для которого происходит или к чему предназначено действие глагола-сказуемого.

Амхәцьырра аңсуа жәлар рзы ирыцхара духеит (М.Л.) – «Махаджирство для абхазского народа было большим несчастьем»; *Сара сзы ари уадафра алам* – «Для меня это не представляет труда»; *Мыта иахәшьа хәычы лзы ампыл ааихәеит* – «Мыта для своей сестренки купил мяч»; *Исыргылеит са сзы инапылакаңарам абака* (А.П.) – «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Послелог **-зы** может включаться в глагол-сказуемого с тем же версионным значением. В таком случае он вызывает появление объектного (косвенного) личного аффикса в предикате, вслед-

ствие чего между сказуемым и объектом устанавливается соподчинительная предикативная связь. И распространяющий объект становится конституирующим компонентом структурной основы предложения.

Мыта иахашьа хычы и-л-з-ааихаеит ампыл – «Мыта для своей сестренки купил мяч».

Основное значение послелогов **-кнытә, -кнынза** – это локально-пространственное. Но они в редких случаях встречаются в сочетании с распространяющим объектом, с направительным значением.

Мез ңирала-сахьала Леуарса икынза дзыназомызт, аха уеизгыи дшьахын (И.П.) – «Мез своей внешностью уступал, Леуарсе, но был хорош собой»; *Иааихааз ишеибаку, хымҗада, Фрац икнытә иахаит* (И.П.) – «Все, что он сказал, услышал наверняка, от Фрача»; *Ахәсақәа рхы иақәиттәуп афнуқәа ркнытә* (И.П.) – «Женщины должны быть освобождены от домашних дел».

Послелог **-еиха-еиха, -ааста** передают сравнительные отношения. Послелог **-цынхәрас** имеет значение «вместо того, чего».

В немногих случаях они встречаются в сочетании с распространяющим объектом.

Цицина лайкыс деиҗуп Машья, иахагыи дыңшзоуп (М.Л.) – «Маша лучше Цицины, она красивее»; *Кәыш ажәак уасхәап амали аңареи рцынхәрас* (М.Л.) – «Я тебе скажу умное слово вместо богатства и денег»; *Егьырт рааста ари еиха лгәи җаҗазаарын* (Д.Гә.) – «Она, оказывается, была слабее, уязвимее, чем другие».

5. Связь распространяющего объекта с сказуемым гораздо слабее, чем конституирующего объекта с сказуемым. Дело не только в том, что распространяющий объект связан с сказуемым односторонней (субординативной) связью, тогда как конституирующий объект связан с сказуемым соподчинительной предикативной связью.

Конституирующий объект может быть ближайшим (прямым) или косвенным. И в том, и в другом случае он является личноотносительным. Распространяющий же объект, фактически, в грамматическом плане стоит вне этих понятий. Дело в том, что грамматический ближайший и косвенный объекты различаются различными средствами их обозначения в глаголе-сказуемом. Ближайший

объект всегда связан с переходным глаголом-сказуемым и обозначается в нем объектными аффиксами ряда **д**, занимающими всегда первое место.

Сара д-саазоит ахәычы – «Я воспитываю ребенка». Косвенный объект может быть связан и с переходным (трехличным), и с непереходным глаголом-сказуемым. В обоих случаях он обозначается в предикате объектными аффиксами ряда **л**, занявшими второе (двухличный непереходный и трехличный непереходный глагол) или второе и третье места (трехличный непереходный глагол).

Миха Зина д-л-ыдтәалоуп – «Миха сидит с Зиной». *Миха Зина и-л-зааихаеит ашәкәи* – «Миха Зине купил книгу». *Сара Зина с-у-з-л-ацәажәоит* – «Я поговорю с Зиной для тебя».

Распространяющий же объект не обозначается в глаголе-сказуемом вообще. Следовательно, возможность его определения объектными аффиксами снимается. А послеложные формы являются грамматическими формами имени (послелог большей частью оформляются отдельно от имени) и, естественно, не могут быть грамматическими показателями объекта. Не может быть характеризующей для распространяющего объекта и субординативная связь, так как она характерна и для обстоятельственных распространителей.

Распространяющий объект связывается с послелогам большей частью посредством притяжательных аффиксов ряда **л**, обозначающих лицо, число и (в определенных случаях) класс объекта, однако с глаголом-сказуемым он связан опять-таки лишь семантически.

6. Конституирующий объект всегда связан с полиперсональным глаголом-сказуемым, при моноперсональном глаголе-сказуемом он исключается. Распространяющий же объект не связан с полиперсонализмом глагола, его переходностью и непереходностью. Он может быть связан с моноперсональным и с полиперсональным, переходным и непереходным глаголом-сказуемым.

Айла дацла игылоуп, ауафы – уала (Пословица) – «Дерево корнями стоит, человек – родней»; *Адагәа изы җынтә ирхәом* (Пословица) «Глухому дважды не повторяют»; *Абан, саңхья ақәаңа-җаңа, Глаз иайәала ихәоуп. Ерцахә зайәык, тәыҗа-еимҗаңа, Птала ағы*

таҳаҳаоуп (Б.Шь.) – «Вот, передо мною горы покрыты зеленью, лишь Ерцаху Двурогий окутан туманом».

7. Слабая связь с глаголом-сказуемым является нередко причиной трудности различения объектного и обстоятельственного распространителей. Так, например, распространяющий компонент с одним и тем же послелогом в одном и том же предложении может сочетать в себе как объектное, так и обстоятельственное значения, т. е. орудие и способ совершения действия.

Бышьтахька бца, Кэакэала, Амжэа сықалап захэала... Бара бтэаны, Кэакэала, абгыы ҕыхла прахэала (Б. Шь.).

В приведенных предложениях компоненты **захэала, прахэала** одинаково могут отвечать на вопросы **как?** и **чем?**

С аналогичным значением выступает распространяющий компонент и с послелогом лишения **-да**.

Ма ҕызада, ма тахыда, Игэтакыгоу лагырзыда, Амра зхаңхо дунейи шэтышра ишпахьантоу зынза ацэызра (Б.Шь.) «– Как тяжело расстаться со светлым миром без друга и родных, без слез!»; Мҕада, шьтҕрада ишьтхысаа инеиуеит са срашь саманы (Ник. Бар.) – «Без дороги и следов мчит меня мой араш быстроногий»; Быбла исархэоит, ашэт зку, Бжыыда, ажада бгэы итаку... (Б.Шь.)– «Глаза твои говорят мне, девушка с цветком, что у тебя в сердце беззвучно притаилось»; Дынхагэышьон кыкдаҕыкда, Иаргыы дтаацэаран, Дныкэомызт усда-хэысда, Дызҕызгыы хычаран (Б.Шь.)– «Жил он спокойно с семьей, не ходил без дела, был он пастухом»; Деыжэлеит ашьыбжь амра нхыйуан, камчыда иеы ныкэицон (Б.Шь.) – «Выехал он на своем коне после полудня, гнал коня своего без плети».

Преобладание объектного или обстоятельственного значения распространяющего компонента в таких случаях зависит не от его грамматических признаков, а от конкретного лексического значения глагола-сказуемого и самого распространителя.

Объектное значение более наглядно выступает при сочетании имен с другими вышеприведенными послелогам.

Днеиуеит Хацэарат агаҕа даваланы, Итшэоуп иара изы Гэымста арха еиужьра (Б.Шь.) – «Идет Хаджарат по берегу, узко для него ущелье реки Гумиста»; Барей сарей хҕыцэа хчыдарыхаз

уаҕытэыҕса абахча дтазам (Б.Шь.) – «Кроме нас обоих нет в саду никого»; Шэара шэзыхэан адунейи сықазароуп сыңсы ахьынзатоу (И.П.) «Для вас я должен жить, пока живу на этом свете».

Единственной именной формой, выступающей наряду с посложными сочетаниями в функции распространяющего объекта является превратительная форма имени. Однако употребление ее в этой функции носит спорадический характер. Превратительная форма имени употребляется обычно в функции именной части составного сказуемого.

Во всех своих формах выражения распространяющий объект является зависимым (подчиняемым) компонентом, обладает значением предметности, примыкает к глагол-сказуемому и связан с ним отношением направленности.

Как показывают материалы, распространяющий объект не имеет строго фиксированной позиции в предложении. Он одинаково часто встречается в начале, середине и в конце предложения. По отношению к глаголу-сказуемому его положение может быть контактным и дистантным. Однако контактное положение глаголом-сказуемым является наиболее характерным.

Абан, саңхьа аҕааҕа-ҕааҕа Тлаз иацэала ихҕоуп Ерцахэ зацэык, тэыҕа-еимҕааҕа, Птала аҕы тахэахоуп. Айла дацла игылоуп, ауаҕы – уала. Сзамҕа урыцкым уара бгыцла. Мҕада, шьтҕрада ишьтхысса инеиуеит са срашь саманы. Деыжэлеит ашьыбжь амра нхыйуан. Камчыда иеы ныкэицон. Барей сарей хҕыцэа хчыдарыхаз уаҕытэыҕса абахча дтазам.

Связь атрибута с определяемым словом также является односторонней (субординативной), направленной от определяемого к определяющему (за исключением словосочетаний с поссесивным отношением).

Связь эта в специальной литературе характеризуется как сильная связь.

«Одной из характерных особенностей взаимоотношения определяемого и определяющего в абхазском языке, – читаем мы у Л.П. Чадуа, – является их тесная внутренняя взаимосвязь. В подобных словосочетаниях имеем неразрывную слитность компонентов, благодаря чему словосочетание выступает как цельноо-

формленная единица. Эти атрибутивные комплексы обладают грамматическими формами сложного слова, компоненты атрибутивных комплексов не могут быть раздельно оформленными»¹.

В то же время при синтаксическом членении предложения составляющие аналогичных словосочетаний квалифицируются как самостоятельные компоненты.

Как видно, здесь, мы имеем дело со сложным лексико-грамматическим явлением. Чтобы лучше разобраться в нем, мы должны разграничить его лексические, морфологические и синтаксические особенности, описать их в отдельности и во взаимосвязи.

В лексическом плане составляющие атрибутивных словосочетаний воспринимаются вполне самостоятельно. Этому способствует не только их семантическая определенность и самостоятельность, но и интонационная раздельнооформленность (хотя последняя несколько ослаблена).

Ахахәтә ҟны – «каменный дом», *ашкәы ҟыц* – «новая книга», *ашықәс ҟыц* – «новый год», *иахьатәи амш* – «сегодняшний день», *икамшәаз алаҟырз* – «неупавшая слеза».

В случаях, когда определяющий компонент выражен относительным прилагательным, последнее, как правило, оформляется деривационным формантом **-тәы// -тәи**, что, в свою очередь, способствует раздельнооформленности каждого из составляющих словосочетания.

Аихатәы каруат – «железная кровать», *амҟтәы ҟны* – «деревянный дом», *ахахәтә цха* – «каменный мост».

Лексическая и грамматическая самостоятельность каждого из составляющих атрибутивного словосочетания доказывается и тем фактом, что словосочетание в целом не обладает признаком воспроизводимости. Каждый из его компонентов может функционировать вполне самостоятельно, вне словосочетания.

Так, одинаково можно: *Сара иаасхәеит ашәкәы* – «Я купил книгу» и *Сара иаасхәеит ашәкәы ҟыц* – «Я купил новую книгу»; *Аҟыц*

иазхәуеит, ажәытә ҟсуеит – «Новое растет, развивается, старое отмирает, уходит».

Следовательно, атрибутивные словосочетания создаются в речи при обозначении ими соответствующих внеязыковых отношений.

Нередки случаи, когда атрибутивное словосочетание превращается в сложное слово. Так образованы слова: *а) аихамҟа* – «железная дорога», *аихалаба* – «лом» («железная палка»), *абгаду* – «волк» («большой волк»), *абгахәычы* – «шакал» («маленький волк»), *адәыбга* – «лиса» («полевой волк»), *ахәыллҟыс* – «летучая мышь» («вечерняя птица»), *абнакәты* – «куропатка» («курица») и мн. др.

Однако во всех аналогичных случаях составляющие интонационно и семантически слиты, составляют одну лексическую единицу.

Бывают и такие случаи, когда одна и та же атрибутивная синтагма выступает в одном случае как сложное слово, в другом – как словосочетание. В таком случае решающую роль играет степень семантической слитности, целостности обозначаемого объекта.

Например, **аҟнду**, **амҟаду** являются сложными самостоятельными лексическими единицами и пишутся слитно, когда обозначают соответственно **«очаг»** (дедовский, большой) и **«большак»** (большая дорога) как определенные цельные понятия (так же как **абгаду** – «волк» (**большой волк**), **абгахәычы** – «шакал» (**маленький волк**), когда же они обозначают различные дома и дороги по величине, то они разлагаются на самостоятельные слова и превращаются в словосочетания: **аҟны ду** «большой дом» (ср.: **аҟны хәычы** – «маленький дом»), **амҟа ду** – «большая дорога» (ср.: **амҟа хәычы** – «маленькая, узкая дорога»).

Нередки и переходные случаи, когда синтагма находится на грани словосочетания и сложного слова: **ажә-кәац** «говядина (коровье мясо), **аҟма-кәац** – «козлятина» (козье мясо), и **амшә-шша** – «медвежий жир», **аҟсыз-шша** – «рыбий жир» и др.

Следовательно, имея дело с атрибутивными словосочетаниями, мы должны учитывать и деривационный момент.

Лексическая характеристика атрибутивной синтагмы будет не полной, если не учесть еще одной ее особенности, отмеченной в

¹ Л.П. Чадауа. Связь слов в предложении. В кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 89.

специальной литературе¹. Имеется в виду изменение, связанное с ударением в составляющих атрибутивной синтагмы. При сочетании определяемого и определяющего ударение в одном из компонентов ослабляется, в другом же оно усиливается и становится общим для всей синтагмы.

Это явление не может не повлиять на интонационную самостоятельность каждого из компонентов.

Что касается морфологической цельнооформленности атрибутивного словосочетания, то она не всегда бывает последовательно выдержанной.

Нередки случаи, когда составляющие атрибутивного словосочетания оформляются морфологически раздельно. Это бывает, когда:

1) определяющее выражено указательным местоимением: *урт ахэыцкэа* – «те дети», *абри арцыс* – «этот парень», *абар-т а-шэкэ-кэа* – «эти книги»;

2) определяемое выражено именем класса человека: *ацкэын бзиа* – *ацкэын-цэа бзиа-кэа* – «хорошие ребята», *азгэб бзиа* – *азгэб-цэа бзиа-кэа* – «хорошие девушки», *айаф бзиа* – *айафцэа бзиа-кэа* – «хорошие ученики», *арцаф ыыц* – *арцафцэа ыыцкэа* – «новые учителя», *аб кэыш* – *аба-цэа кэыш-кэа* – «умные отцы», *арцафы кэыш* – *арцаф-цэа кэыш-кэа* – «молодые учителя»;

3) определяющее слово имеет локальное или темпоральное значение: *иахьатэи а-дйа* – «сегодняшнее задание» (ср.: *а-ихатэи каруат* – «железная кровать»), *сара иахьатэи с-ыдйа* – «сегодняшнее мое задание» (ср.: *сара с-еихатэи каруат* – «моя железная кровать»), *москватэи а-рцыс* – «московский парень», *сара акэатэи с-фыза* – «мой сухумский товарищ»;

4) определяющее выражено глаголом в инфинитивной форме: *икамшэаз а-лагырыз* – «не упавшая слеза», *иаиз арцыс* – «пришедший парень», *ицаз а-дэыгба* – «ушедший поезд»;

5) определяющее выражено порядковым числительным: *актэи а-класс* – «первый класс», *ажэабатэи а-фыны* – «десятый дом».

Однако нельзя упускать и того факта, что раздельнооформленность в вышеприведенных случаях не всегда бывает полной т. е.

компоненты синтагмы могут быть цельнооформлены не по всем своим категориальным формам.

Например, компоненты синтагмы *айаф-цэа бзиа-кэа* – «хорошие ученики» раздельнооформлены по категории числа, а по категориям общности числа, категориям общности, неопределенности и притяжательности они цельнооформлены: а) *йаф-цэа бзи-акэа* (нельзя: *а-йаф-цэа а-бзиа-кэа*), *с-йафцэа бзиа-кэа* (нельзя: *с-йафцэа с-ыбзиа-кэа*), *йафцэа бзиа-кэа-к* (нельзя: *йафцэа-к бзиа-кэа-к*).

Могут быть и другие варианты: *иахьатэи а-дйа*, *иахьатэи с-дйа*, но нельзя: *иахьатэи-кэа с-дйа-кэа*; *икамшэаз а-лагырыз*, *икамшэаз с-ылагырыз*, но нельзя: *икамшэаз-кэа сылагырыз-кэа* (можно: *икамшэаз сылагырыз-кэа*); *актэи а-класс*, *актэи с-ыккласс*, но нельзя: *актэи-кэа аккласс-кэа* – можно: *актэи аккласс-кэа*.

Полную раздельнооформленность компонентов атрибутивной синтагмы мы имеем лишь тогда, когда определяющее выражено указательным местоимением:

убр-и а-хэычы, *ур-т а-хэыч-кэа*, *убр-и с-хэычы*, *ур-т с-хэыч-кэа* – «мои дети». *Уңшишь ант абнакэа*, *еишэара хэа змам ашьа ҕацэкэа хэартарак хэа злам* (Б.Шь.) – «Смотри те густые леса, на те высоченные горы, от которых нет пользы»; *Еизеит агаҕахьтэ убарт асасцэа ирыхэаҕырыц* (Д.Гэ.) – «Собрались из прибрежных мест (люди), чтобы посмотреть на тех гостей».

В таких случаях возможно дистантное употребление определяющего слова по отношению к определяемому.

Абарт зегы тэым рахэуп, *иара абарт иубо аматцуэа еизырецит...* (М.Л.) – «Это все чужой скот, согнали их слуги, которых ты здесь видишь»; *Уи аҕаымыҕа мѡа ашьапы акит абни аиатцэара иҕалаханы Кэыдры ахыкэан игылоу аҕнеихагыла аҕны* (Дж.А.) – «Этот путь страдальный взял свое начало у двухэтажного дома, утопающего в зелени на берегу Кудры».

Во всех остальных случаях составляющие атрибутивной синтагмы цельнооформлены по категориям общности, притяжательности, неопределенности, превратительности и числа:

а-шэкэы ыыц – «новая книга»

сы-шэкэы ыыц – «моя новая книга»

шэкэы ыыц-к – «какая-то новая книга»

¹ Л.П. Чкадуа. Указ. работа, стр. 90.

а-шәкәы ґыц-қәа – «новые книги»
 шәкәы ґыцс – «в качестве новой книги»
 а-хаҳәтә ґны – «каменный Дом»
 с-хаҳәтә ґны – «мой каменный дом»
 хаҳәтә ґны-к – «какой-то каменный дом»
 а-хаҳәтә ґын-қәа – «каменные дома»
 хаҳәтә ґны-с – «в качестве каменного дома»

Как следует из вышеизложенного, в морфологическом плане (в морфологическом оформлении) компоненты атрибутивной синтагмы в подавляющем большинстве случаев лишены самостоятельности, они цельнооформлены.

Однако морфологическая цельнооформленность компонентов атрибутивной синтагмы и синтаксическая связь ее компонентов – явления разного порядка.

Морфологическую цельнооформленность нельзя считать средством связи, поскольку морфологические категории общности, неопределенности, притяжательности и превратительности не являются средствами связи, как это имеет место, например, при категориях числа, класса и лица. Морфологическая цельнооформленность логичнее всего квалифицировать не как причину, а как следствие семантической, фонетической и синтаксической (связь) компонентности компонентов синтагмы.

Переходя к синтаксической связи между компонентами атрибутивной синтагмы, следует отметить, что слитность или раздельность ее составляющих нельзя объяснить одной лишь связью. В атрибутивных синтагмах абхазского языка мы имеем одну и ту же связь – позиционную связь, что можно назвать и примыканием в широком его понимании. Определяющее слово семантически примыкает к определяемому. Определяющее может быть препозитивным или постпозитивным в зависимости от того, какой частью речи оно выражено¹.

Определяющее препозитивное, если оно выражено: 1) относительным прилагательным (*ахаҳәтә ґны* – «каменный дом»), 2) ука-

зательным местоимением (*ари ашәкәы* – «эта книга»), 3) порядковым числительным (*актәи ариад* – «первый ряд»).

Определяющее препозитивно во всех случаях, когда между ним и определяемым существуют пассивные отношения: *аб ихылґа «отца шапка», ан лкасы – «матери платок», ари сышәкәы – «моя книга», Темыр ижә – «Темыра корова».*

Определяющее постпозитивно, когда оно выражено: 1) качественным прилагательным (*ашәкәы ґыц* – «новая книга»), определительными местоимениями (*аґаґцәа зегьы* – «все ученики»). Определяющее, выраженное инфинитной формой глагола, количественными, разделительными, приблизительными числительными, не имеет строго фиксированной позиции, хотя пререпозиция в этих случаях является наиболее естественной.

Ицаз арґыс // арґыс ицаз – «ушедший парень», *ґажәа уаса // ауасақәа аґажәа* – «двадцать овец», *хґаґа шәкәы // ашәкәқәа хґаґа* – «около трех книг», *ґшьба-ґшьба шәкәы // ашәкәқәа ґшьба-ґшьба* – «по четыре книги».

Бывают некоторые случаи, когда определяющее, выраженное качественным прилагательным, занимает препозицию: *ажәытә аамтә вместо аамтә жәытә* – «старое время», *аґәыш ажәа вместо ажәа кәыш* – «умное слово» (*кәыш ажәак уасҳәап амали аґареи рцынхәрас*) (М.Л.), *ашкәакәа матәа вместо аматәа шкәакәа* «белая одежда» (*шкәакәа матәала деилаҳәан* «Он был одет в белую одежду»), *аиқәаґәа матәа вместо аматәа еиқәаґәа* – «черная одежда», *аиаґәа бґьы вместо абґьы иаґәа* – «зеленая листва» (*Абна бзарыб-заруа иаґәабґьыла ихґоуп* (И.К.) – «Лес покрыт зеленой листвой»).

Выше мы отмечали, что связь компонентов атрибутивной синтагмы односторонняя (субординативная), направленная от определяемого к определяющему. В семантическом плане такое направление связи последовательно выдержано. Однако морфологическое оформление этой связи может быть обратно направленным. Это бывает лишь тогда, когда между компонентами атрибутивной синтагмы существуют поссессивные отношения, получающие свое выражение в притяжательных аффиксах. При этом, лицо, число (в определенных случаях) и классе определяющего слова обозначаются в определяемом слове притяжательными аффиксами.

¹ См. подробнее об этом: Л.П. Чкадуа. К вопросу о порядке и взаимосвязи членов атрибутивного комплекса в абхазском языке. Труды Сухгоспединститута, т. XV. Сухуми, 1961.

Аб и-хылҭа – «отца фуражка», аҭафь и-шәҭы – «ученика книга», ан л-касы – «матери платок»¹.

И в данном случае примыкание (позиционная связь) является основным видом связи компонентов атрибутивного словосочетания, связь же в лице, числе и классе играет вспомогательную роль.

Имеет ли самостоятельную функцию в предложении атрибутивный распространитель, или функционально он сливается с определяемым компонентом?

В исследовательской практике и в школьных учебниках, как отмечалось выше, определение выделяется как самостоятельный второстепенный член предложения.

Ниже мы попытаемся с помощью метода эксперимента выявить синтаксическую функцию атрибута. При этом, мы будем учитывать вышеотмеченные лексические, фонетические, морфологические и синтаксические (связь) особенности атрибутивной синтагмы.

При экспериментировании, как и прежде, мы будем исключать из предложения исследуемый компонент (атрибут) вместе с его связью, с определяемым словом.

Февральтәи аҭх наҭ адәныҭа иааин аҭенцъыраҭ изырџуан – «Февральская ночь вошла во двор и слушала у окна».

...аҭх наҭ адәныҭа иааин аҭенцъыраҭ изырџуан;

Оқәымтәи арҭафь сареи ҳаидтәалан («Алашара») – «Окумский учитель и я сидели вместе».

... арҭафь сареи ҳаидтәалан;

Арт аҭәақәа Саша дьдымырцәеит, дьдымыргылт («Алашара») «Эти слова не дали Саше покоя (ни спать, ни стоять)».

... аҭәақәа Саша дьдымырцәеит, дьдымыргылт;

Актәи ариад ахәаңшыџцәа рыла итәын – «Первый ряд был заполнен зрителями».

...ариад ахәаңшыџцәа рыла итәын;

Сара хынџажәи ҭшьбатәи ауаҭах ауп истаху, – иҳәеит Смел («Алашара») – «Я хочу шестьдесят четвертую комнату, – сказал Смел»;

Сара ...ауаҭах иуп истаху – иҳәеит Смел;

¹ См. подробно об этом: Л.П. Чкадуа. Связь слов в предложении. В кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку», стр. 88.

Иҭшыз асасцәаҭы еибаргылақәеит («Алашара») «Ожидавшие гости привстали».

...асасцәаҭы еибаргылақәеит.

Во всех вышеприведенных примерах удаление субординативной связи вместе с примыкаемым атрибутом происходит беспрятственно, свободно и не вызывает изменений структурного ядра предложений ни в семантическом, ни в грамматическом отношениях.

Это объясняется следующими обстоятельствами:

1) связь примыкание (субординативная) является не предикативной, а распространяющей; 2) соответственно атрибут является не компонентом структурной основы предложения, а ее распространителем; 3) определяющий компонент атрибутивной синтагмы во всех вышеприведенных примерах является самостоятельным в лексическом, морфологическом и синтаксическом отношениях.

Продолжим далее экспериментирование.

1. Уи илкын а-лаба гәгәа («Алашара») – «Она держала крепкую палку».

Уи илкын алаба...;

2. С-ыцкәын хәыц Ақәатәи ашкол дҭарымҭеит (Б.Шь.) – «Моего маленького сына не приняли в сухумскую школу». Сыцкәын ... Ақәатәи ашкол дҭарымҭеит;

3. Абри иусто хьтәы мхәйә-с икаҭа («Апс.л.») – «Из того, что я тебе дам сейчас, сделай золотую ложку». Абри иусто ... мхәйәс икаҭа.

Настоящие примеры отличаются от предыдущих тем, что в них атрибутивная синтагма цельнооформлена: в первом примере по категории общности (показатель префикс **а-**), во втором примере – по категории притяжательности (показатель префикс **с-**), в третьем примере – по категории превратительности (показатель суффикс **-с**).

Однако морфологическая цельнооформленность в данном случае не помешала удалению определяющего компонента. И это объясняется тем, что показатели вышеперечисленных категорий (**а-**, **с-**, **-с**) оказались не в определяющем компоненте, а в определяемом.

1. Алаҳәақәа реиҭш исҭырҭып с-ыдгьылтә гәақрақәа зегьы (Б.Шь.) – «Словно черные вороны, уйдут от меня все мои земные муки»; Алаҳәажәқәа реиҭш исҭырҭып... гәақрақәа зегьы;

2. *А-мѣтѣы каруат мацк инахеит* («Алашара») – «Деревянную кровать чуть подвинули»; ...*каруат мацк инахеит*;

3. *Пхэызба қәыңи-к азиас дығеңынғылоуп* (Б.Шь.) – «Какая-то молоденькая девушка стоит у реки»; *Пхэызба ... азиас дығеңынғылоуп*.

И в данных примерах атрибутивная синтагма морфологически цельнооформлена, но в отличие от предыдущих примеров в данном случае показатели морфологических категорий притяжательности **с-** (в первом примере), общности **а-** (во втором примере) и неопределенности **-к** (в третьем примере) оказались в определяющем компоненте, вследствие чего они тоже оказались удаленными вместе с определяющим (атрибутом). Тем самым определяемые компоненты – субъект (в первом предложении), конституирующий объект (во втором примере) и субъект (в третьем предложении) лишились соответственно категорий притяжательности, общности и неопределенности.

А вне этих категорий перечисленные компоненты структурного ядра предложения в данных сочетаниях частично потеряли связь с сказуемым. Последнее явление связано с тем, что как указано в соответствующей части работы, синтаксическую позицию субъекта и объекта (конституирующего) могут занимать лишь слова, выступающие в форме одной из категорий общности, неопределенности, определенности и притяжательности. Поэтому последние наши примеры с удаленными определяющими оказались синтаксически не вполне организованными.

А для того, чтобы вернуть им полную синтаксическую организованность, необходимо произвести некоторое переоформление, т. е. вернуть показатели категорий притяжательности **с-** (в первом примере), общности **а-** (во втором примере) и неопределенности **-к** (в третьем примере) к определяемым компонентам (к субъекту в первом примере, объекту во втором примере, к субъекту в третьем примере).

Тогда наши примеры будут выглядеть следующим образом:

1. *Алаҳәажәқәа реиңи исңырңып ... с-гәәқрақәа зегъы;*

2. ... *а-каруат, мацк инахеит*;

3. *Пхэызба-к ... азиас дығеңынғылоуп*.

Следует подчеркнуть, что удалению определяющего компонента

препятствует не лексическая или функционально-синтаксическая его несамостоятельность, а морфологическая цельнооформленность с определяемым компонентом.

Таким образом, в последних примерах мы столкнулись с таким случаем, когда удаление определяющего компонента атрибутивной синтагмы из предложения вызывает некоторое нарушение синтаксической организации предложения в целом.

Выше мы привели примеры, в которых определяемое атрибутивной синтагмы является одновременно и компонентом (субъектным или объектным) структурного ядра предложения. В тех же случаях, когда атрибут связан с распространяющим компонентом, удаление его, естественно, не вызывает изменений в предикатной основе предложения:

Сара иахьа, ақәатәи сфызцәа хәыцқәа рзы шәкәы бзиақ аасхәеит – «Я сегодня для своих маленьких сухумских друзей купил одну хорошую книгу»; *Сара иахьа ... сфызцәа ... рзы шәкәы бзиақ аасхәеит* «Сегодня я для своих друзей купил одну хорошую книгу».

Свободное исключение из данного предложения атрибутивной синтагмы в целом объясняется тем, что определяемый синтагмы является распространителем, а не конституирующим компонентом структурного ядра предложения:

Сара иахьа ... шәкәы бзиақ аасхәеит – «Сегодня я купил одну хорошую книгу».

Атрибутивный распространитель, как мы уже отмечали выше, может примыкать в немногих случаях и к обстоятельству распространителю, имеющему локальное значение. Обстоятельство в этом случае выражено обычно именами существительными с послелогом, имеющими локально-направительное значение. Между атрибутивным и обстоятельным распространителями в данном случае устанавливаются собственно-характеризующие отношения.

Пасатәи итңың ашқа дгъежъны дцеит («Алашара») – «Он вернулся к своему прежнему месту»; *Аңеңъыр тбаа ақнытә уи ибон уафы илаңи зхьымзо адгъыл ду* («Алашара») – «Через окно (из окна) он видел необозримо большую землю»; *Ариад иаїәала, сфадахьала, Абар пхэызбак, пхэызба еинаалак ачаи иаїәа фыхуа дҗалан* (Б.Шь.) – «У

зеленого ряда, чуть выше меня, собирала чай какая-то статная девушка»; Д-митри аңхатәи ауадахь днечуеит... («Алашара») – «Дмитрий идет в переднюю комнату».

Наибольшее распространение имеют атрибутивные распространители, определяющие субъектный и объектный компоненты структурного ядра предложения.

Интегральное собственно-характеризующее грамматическое значение атрибутивного распространителя дифференцируется на более частные значения, к которым относятся:

1. Характеристика определяемого по локально-пространственному и темпоральному признакам. Определяющее в данном случае выражено относительными прилагательными с суффиксом **-тәи**, мотивированными именными наречными основами.

Смел ихаштзом ашьхаѣтәи афымцастанциа... («Алашара») – «Смел не забывает горные электростанции...»; Амшын иазааигәоуп ңсырзхатәи ашьха (Б.Шь.) – «Псырдзхинская гора близка к морю»; ...Иаразнак иаашытңааны абни ахәадаѣтәи аңсарахьы иагеит («Алашара») – «Мгновенно схватив его, понес к сосновому бору той вершины».

Аңхатәи асаатқәа рыхгара ари атәацәара ҕыцраѣ сакьантәи ауафы изыхьамтәран («Алашара») – «Первые часы тяжело было провести в этой новой семье человеку из Сакена»; Ирацәоуп аңснытәи аҳцәа ргәалақәа (Б.Шь.) – «Много у князей Абхазии забот»; Шарқазтәи аңша кәандаза иасуан (Б.Шь.) – «Дул теплый утренний ветерок»; Иахьеиңш шәышықәса цааит итәкәкәа, Иахьатәи хамш ду калом ихәашьуа (Б.Шь.) – «Пусть пройдут века, сегодняшний наш великий день не будет пасмурным»; Урт сахьрыхәаңшуаз ааңынтәи ахьчәаңыр шкәакәақәа сгәаладыршәон («Алашара») – «Смотрел я на них, они напоминали мне весенних белых бабочек»; Февральтәи аңх адәныҕа иааин аңенцъыраѣ изырѣуан (Б.Шь.) – «Февральская ночь вошла во двор и слушала у окна»; Убри азы акәзами абас изыңшзоу, абас изыбзиоу иабашьрашьтәхьтәи Москва? («Алашара») – «Не потому ли так красива, так хороша послевоенная Москва?»

2. Характеристика определяемого по материалу. Определяющее в этом случае выражено относительным прилагательным с суффиксом **-тә(ы)**, мотивированным основой нарицательного имени:

Ғыц зыргыларә иаҕыз афны амѣтәи аанда акәыршан... («Алашара») – «Строившийся дом был огражден деревянным забором»; Аихатә гәара акәыршан иҕан уи... («Алашара») – «То было огорожено железным забором»; Нас иабакоу уажә уи ахьтәи медал? («Алашара») – «Где сейчас та золотая медаль?»; Уи икын... аїдәатәи лаба («Алашара») – «Он держал яблоневую палку»; Амѣтәи каруат маңк инахеит («Алашара») – «Деревянную кровать чуть подвинули»; Ардашьыл даахәын изқәа аихатә гәара инадїашәа днагылт («Алашара») – «Ардашил повернулся и, прислонившись спиной к железной ограде встал»; Цаҕа атҕыцтә трубақәа шытан («Алашара») – «Внизу лежали чугунные трубы».

3. Характеристика определяемого по принадлежности. Определяемое выражено притяжательными, личными, указательными местоимениями и именами существительными:

Ргәы шәазомызт дара ршьа ақәтәар, Уа рхатәи дгьыл изаазаз (Б.Шь.) – «Сердце у них не дрогнет, если омоют родную землю своей кровью»; Аңша унырдоит аңра шлақәа, Аимїәаф игба угарамы (Б.Шь.) – «Прогуливает тебя разоритель в своей люльке»; Аңша анырзас гәгәалашәа Ртәыла хәычы рымнахьри, Амшын шарїааз угәаларшәа Амҳацъырқәа рылағьрыз (Б.Шь.) – «Вспомни, как море стало соленым от их слез, когда побилло их ураганом»; Сухәоит усқан: ан лыбжьы хаа Слымҳа итәрфы «шьышь нани!..» (Б.Шь.) – «Прошу, тогда дай мне услышать сладкий голос матери «шьышь нани!»; Урт инрыцја ңсыуа хайақ Апкацахәа иҕамч абжьы!.. (Б.Шь.) – «К ним прибавь звук плети абхазца молодца!»

4. Характеристика определяемого по различным качествам. Определяющее выражено качественными прилагательными:

Бжьы хаа сирзак слымҳа итәсит (Б.Шь.) – «Услышал я какой-то сладкий, изумительный голос»; Азы зқәитәаз ашәтқәа ҕыхан, Рыбжьы хәыцқәа хазы итҕырган, Рышәтқәа гәылпытуеит уаха (Б.Шь.) – «Политые им цветы проснулись, распустили свои маленькие листья, распустят они в эту ночь и свои цветы»; Зны ажәаң ааула аиаїдәақәа нкыдыхәхәылон, зны аңтә еиқәаїдәақәа аахылан урт хырфон... («Алашара») – «То появлялись в голубом небе звезды, то черные тучи их закрывали»; Инахьысит ашәышықәса еиқәарақәа (Б.Шь.) – «Прошли черные века»; Амза хәашьы аңстқәа еиқәаїдәақәа...

иаарылыцзон икаххаа («Алашара») – «Бледная луна сквозь черные тучи льет свет»; Уи инацаа ихнафауеит адгьыл еиужьра ду («Алашара») – «Он пальцем своим закрывает большую безбрежную землю»; Астол хьшдашаа ихы ныкахаит, Хэыццас дцэуеит деицакы. Ижафа цаца нах инхьыдхаит, Дзыжьжьарыда? Мап, азэгьы! (Б.Шь.) – «Опустилась голова его на холодный стол, рыдает он как ребенок, опустились широкие плечи, кто успокоит его? Нет, никто»; Избоит сфапхьа ажра цаула, уака ишьтарцон ауаркь трубакаа («Алашара») – «Вижу перед собой глубокую канаву, тут прокладывали трубы»; Есымша аеы бзиакаа дрыкэтэоуп. Пыхьа данааз еы шкаакаа дуззак дакэтэан («Алашара») – «Он всегда ездит на хороших конях. Тот раз он приехал на большущем белоснежном коне».

Завершая настоящий раздел, мы должны отметить тот факт, что атрибутивный распространитель не сочетается с однокомпонентной структурной основой предложения. Это связано с тем обстоятельством, что атрибут распространяет предикативную основу предложения не в целом, а определенные ее компоненты – субъектный и объектный. А в однокомпонентной структурной основе предложения, как это показано в соответствующем разделе работы, нет ни субъектного, ни объектных компонентов.

Возможно сочетание атрибута с распространяющим локальным обстоятельством в однокомпонентном (предикатном) предложении. Однако это бывает исключительно редко.

Убарт аңта еикааракаа рывцафы иаацэыцамацэысит – «За теми черными тучами засверкала молния».

Обстоятельственные распространители

К примыкающим распространителям относятся и многочисленные группы обстоятельственных распространителей, интегральным признаком которых является обстоятельственно-характеризующее значение.

Нхафцас кыру, аамстацас крыф (Пословица) – «Трудись по-крестьянски, питайся (ешь) по-княжески»; Патыха цускаа хэычы хэыцла айгьхара иафын (И.П.) «Дела Патыхуа постепенно улучшались»; Ашырхаа лех ахы даахан, дхынханы афныка ддаықалеит

(«Н.С.») – «Резко (развернула) повернула коня и отправилась обратно»; Арра дцеит игаапхарала (Б.Шь.) – «Пошел он в армию по своему желанию»; Сыблакаа тыхуп, слашэуп, аха издыруеит, сычкаын гаагшака дшыуп (В.Ш.) – «Я слеп, но знаю, мой сын убит на почве местности»; Ижакьа рацаацас еикаацахахароуп, изамфа пшза инакашоит каитанцас (Б.Шь.) – «Усы его черные, как уголь, обхватывают шнурком красивое его лицо»; Знык-фынтэ ракара ажаак лхаарц леазылкит, аха илзымгаагькаа дгылан фымтзакэа (Қ.Агә.) – «Около одного-двух раз она пыталась выступить, но, не решившись, сидела молча»; Адырфаены Мыкыч иеы мазарах днакэтэан, Мырзакан иахь има дцеит (И.П.) – «На второй день Мыкыч сел верхом на своего ворованного коня и поехал к Мырзакану».

Обстоятельственные распространители синтаксически примыкают к сказуемому, но по своему значению могут относиться ко всему предложению в целом.

Ааигда зны сынхыкагылеит Қамарча, Ахьхьахаа азиас цакауан... (Б.Шь.) – «Недавно я подошел к берегу речки Кумарча, журча, спешила она»; Цьарантэи саапса-скараха Адэыгба саатыйит шарцазы (Б.Шь.) – «Усталый от дальней дороги, я рано утром сошел с поезда»; Уи аамтазы иара икытан Жанаа Беслан ицацаа нхон (И.К.) – «В то время в его селе жили сыновья Жанаа Беслана»; Акакала, шыаппынцала Ахра кнаха уи днафалт (И.К.) – «Шаг за шагом, с большим трудом поднимался он по скале».

Обстоятельственное примыкание отличается от примыкания компонентов атрибутивной синтагмы тем, что оно позиционно свободно, т. е. обстоятельственные распространители по отношению к подчиняющему слову не имеют фиксированной позиции. Они могут занимать одинаково свободно и препозицию, и постпозицию. Исходя из этого различия, обстоятельственное примыкание можно назвать позиционно свободной субординативной связью, примыкание же компонентов атрибутивной синтагмы – позиционно несвободной субординативной связью.

Примыкающие обстоятельственные распространители не имеют морфологического формоизменения. Они не имеют своего морфологического обозначения и в подчиняющем компоненте. О направлении связи можно судить лишь по семантике сочета-

ющихся компонентов. Главенствующую роль здесь играет семантика глагола-сказуемого и соответственно связь направлена от глагола-сказуемого к обстоятельственному распространителю. Обратная связь исключается.

Ажәфән саркьоушәа икеи-кеиуеит, Амра уахьынтә ишеи-шеит (Б.Шь.) – «Небо чистое, как зеркало, солнце оттуда сияет»; Ауарбәжә шәан, иббаза хыхь ифхалт (С.Ч.) – «Коршун испугался и поднялся веерх»; Шьыбжьагәазы инатәеит Ахра ахықәцәа хахәык афы (И.К.) – «В полдень они остановились на верхушке скалы, на каком-то большом камне»; Афада, азы ахықә афы, арыгъарахь фындук аргыларә иафын (И.П.) – «Выше, на берегу реки, справа, строили какой-то большой дом».

Как видно из вышеизложенного, связь обстоятельственного распространителя и глагола-сказуемого гораздо слабее связи компонентов атрибутивной синтагмы. Следствием этого, видимо, является возможность одинаково свободного употребления обстоятельственного распространителя в контактной, дистантной и периферийной позициях по отношению к глаголу-сказуемому.

Ицон ашьхарахь, ицон ифкьаса (Б.Шь.) – «Шли они (тучи) в горы, шли стремглав»; Аейдәқәа еикәагәа иаацәырҕит хара (И.К.) – «Появились звезды густо в дали»; Акакала, шьапҕынҕала ахра кнаха уи днафалт (И.К.) – «Шаг за шагом, с трудом по отвесной скале поднимался он»; Даагъежьын дныҕабеит Ылат гагайас (Б.Шь.) – «Повернулся и исчез Джат словно тень»; Абас шаанза аб игәакуаз Ифырпын гызуан (Б.Шь.) – «Так до рассвета горько стонала свирель разбитого горем отца».

Обстоятельные распространители с локально-пространственным значением могут сочетаться с некоторыми послелогоми с соответствующим значением. Однако сочетание это в целом обусловлено семантикой глагола-сказуемого. Послелог с пространственно-направительным значением **-(а)хь, -(ш)ка, -(н)за, -кнынза, -(н)тә/ы -кнынтә** используются в сочетании с локальными обстоятельствами при глаголе-сказуемом движения.

Абгъаахәа азды ддәықәырҕеит Аинар-жьи иахь («Н.С.») – «Скоро кого-то послали к Аинар-жи»; Мези Леуани уаха-сахахәа қыд дуззак азы ахықә ахь арбылгъара иафын (И.П.) – «Мез и Леуан старатель-

но катили какое-то больше бревно к берегу реки»; Ҧынтә-хынтә ракарагъы Ырқәтәылака еиццеит, еицааит (К.А.) – «Два-три раза они вместе ездили в Турцию и обратно»; Ахәылҕаз ийысыз аҕша адырфәены шьыжьымҕанза асра иафын (К.А.) – «Ветер дул с вечера до утра следующего дня»; Адырфәены шаанза Зина, Ахмат дфайргылан, Очамчырака дима дцеит (И.П.) – «Рано утром следующего дня Ахмат поднял Зину и с ней поехал в Очамчиру»; Сыварахь, сышьтахь, наҕ садахьы рыбжьы еиндырфит ашьхақәа зегъы (Б.Шь.) – «Спереди, сзади от меня и далее перекликнулись все горы»; Ашьыжь ишьацәхныслаз шьыбжьаанза дшьацәхныслоит (Пословица) – «Кто споткнулся утром, спотыкается до вечера»; Зны хәылҕазык саб аизарақынтә афны дааит (И.П.) – «Однажды вечером мой отец пришел с собрания домой».

Послелог с локальным значением **-(а)фы, -(а)кны** используются в сочетании с обстоятельствами того же значения при статическом и динамическом глаголе-сказуемом.

Ахмат аизарафы дыкан (Д.Гә.) – «Ахмат был на собрании»; Хыкәыр азал афы афатә аалырхиан... (И.П.) – «Хикур в зале накрыла на стол и...»; Шарҕазык Алиас Ырканраа рфы дааит (Д.Гә.) – «Однажды ранним утром Алиас пришел к Торкану»; Ҧаха-фымши ачарафы Ижәуа-ифо дтәан... (Б.Шь.) – «Двое суток пил, ел на свадьбе»; Қытак афы хар змамыз Хайда шьахәк дынхон (Б.Шь.) – «Жил в одной деревне один прекрасный мужчина».

Далее нам необходимо рассмотреть вопрос соотношения обстоятельных распространителей с предикативным ядром предложения. Для этого, как и прежде, мы воспользуемся методом эксперимента. Исключенные из предложения компоненты заменим точками.

Ыара ишнейуаз бгахәычык Айла ахьынтәи иахаит бжьык (Б.Шь.) – «В то время как шла лиса, она услышала какой-то звук со стороны дерева»; Ыара ишнейуаз бгахәычык иахаит бжьык «В то время как шла лиса, она услышала какой-то звук»; Аҕта еишьылза уаҕа ҕслыхәшәа Ахрақәа еимнадоит (Б.Шь.) – «Серые тучи там словно серна ходят по хребтам»; Аҕта еишьылза... Ахрақәа еимнадоит «Серые тучи ходят по хребтам»; Исоухәалап нас уахынла Сасырқәа иҕызшәа (Б.Шь.) – «Будешь рассказывать мне по ночам

про Сасрыквa»; Исоуҳаалап нас... Сасрыкәа итызшәа – «Будешь рассказывать мне про Сасрыквa»; Патыхә иусқәа хәычы-хәычла айғыхара иафын (И.П.) – «Дела Патыхуа постепенно улучшались»; Патыхә иусқәа... айғыхара иафын – «Дела Патыхуа улучшались»; Ахыр-сырхәа иааңсаха ицәан урт арака-анака (Б.Шь.) – «С храпом, устало спали они тут и там»; Ицәан урт... – «Спали они».

Эксперимент можно продолжить и далее, однако и из приведенных примеров ясно видно, что удаление связи вместе с распространяющими обстоятельствами совершенно не затрагивает семантической и структурно-синтаксической целостности предикативного ядра предложения. Этот факт достаточно наглядно показывает, что, во-первых, связь свободное примыкание не является двусторонне направленной предикативной, во-вторых, примыкающее обстоятельство в функциональном и структурно-грамматическом отношении не является конституирующим компонентом предикативного ядра предложения.

К сказанному следует добавить, что распространяющее обстоятельство не встречается в беспредикатных однокомпонентных типах предложений.

Обстоятельственные распространители могут характеризовать действие глагола-сказуемого по различным признакам: качественным, локальным, темпоральным и др.

Качественно характеризующие обстоятельства выражаются преимущественно качественными наречиями.

Уи Леуарса итаацәа иңшзаны, ихааны дрыхцәажәон (И.П.) – «Он хорошо отзывался о семье Леуарсы»; Ёырххыла Марытхәа дцон ихы шхаз. Акәкәахәа ахауафы хысран изфыз (Б.Шь.) – «Стремительно скакал Марытхуа на коне куда глаза глядят, громко раздавались выстрелы вслед за ним»; Цшәаала иныкәо хара дцоит (Пословица) – «Тихо едешь – дальше будешь»; Мфәада шьтрада ишьтхысаа инеуеит са срашь саманы (Н.Б.) – «Без дороги и без следа мчит меня мой араш»; Хаха днеиуеит хацәынмырха... (С.Ч.) – «Идет он в упор, не щадя жизни»; Хыма-ңсыма амашынафы дааит... (И.П.) – «Впопыхах прибежали к машине».

Качественная характеристика действия глагола-сказуемого может осуществляться посредством сравнения, уподобления.

Икәадыр матәа акәынакәа еңәоушәа иңхауан (Б.Шь.) – «Украшения его седла блестели словно звезда»; Ажәфәан саркьоушәа икеи-кеиуеит (Б.Шь.) – «Небо словно зеркало блестит»; Чаңашәалеи ңшра-сахәалеи Дкачча-каччон мра хасабла (И.К.) – «Своим сложением, внешностью сиял, словно солнце»; Лразкы бжәцәеит иаакаччан еңәафас... (Б.Шь.) – «Судьба ее засияла, словно звезда, и угасла».

Встречаются случаи, когда распространяющее обстоятельство выступает с двойной связью: с одной стороны, оно примыкает к сказуемому; с другой же – к определяемому им слову, лицу, числу и класс которого получают свое морфологическое обозначение в нем посредством префиксов ряда **д**. Связь здесь односторонняя, позиционно свободная и направлена от определяемого к определяющему. Распространитель этот совмещает в себе обстоятельно характеризующее и собственно характеризующее значения. С подобной функцией выступают и качественные наречия с суффиксом **-за**, мотивированные именными основами.

Амра аакаңхеит фәңхәа икәандаза (И.К.) – «Солнце снова засияло тепло (теплее)»; Аеңәакәа (и)жжаза инталон хланҕы (И.К.) – «Звезды сияя низвергались в бездну»; Зеггы, иаарылафит ибжы чяхәаза (Б.Шь.) – «Раздался (кисло) посреди них его голос кислый»; Кайәароуп, нхыңка утаңшуеит икказа, иафысуеит аңта ңжәахақәа (и)ббаза (Б.Шь.) – «Крутой склон, по ту сторону просматривается впадина, ходят по склону тучи пустые (пусто)».

Локально характеризующие распространители выражаются преимущественно локальными наречиями и именами с послесловами и без них.

Сыварахь, сышьтахь, нак аладахы Рыбжы еиндырфит ашьхақәа зеггы (Б.Шь.) – «Сбоку, сзади, там поодаль перекликаются все горы»; Хра иашарак афы инеиган, Уака иныжны даагьежыит (И.К.) – «Он провел их до безопасного хребта и вернулся обратно»; Афнуңка ауаа рацәа гылоуп, ахәынтқаргы раңхәа дгылоуп («Апс. л.») – «Внутри стоит много народа и царь стоит перед ними»; Ашьха цасым длагырзышар... (Б.Шь.) – «В горах плакать грешно»; Иара иңазаңә, уағеимшхара, уа дышыны дышьтан (Б.Шь.) – «Лежал там убитый его единственный сын».

Распространяющие обстоятельства могут характеризовать действие глагола-сказуемого или содержание предложения и в целом по темпоральному признаку.

В этой функции используются темпоральные наречия и количественно-именные сочетания с темпоральным значением.

Уахык зны Леуарса цэыкыа афны дааит (И.П.) – «Однажды ночью Леуарса пришел домой»; *Шарҕазык инеиқәлеит еиқәных аецәа* (И.К.) – «Однажды ранним утром напали на него грабители»; *Адырҕаены рымҕа иқәылт Нхыҕаа нықәара* (И.К.) – «На следующий день Нхыцаа отправились в путь»; *Шыжьаахыс уа аҳаар рымай иуан* (И.П.) – «С утра он обслуживал телят»; *Жааха-жаамш абааш алҕа ахатәан...* (Б.Шь.) – «Десять дней и ночей крепость была окутана дымом»; *Уайҕыҕаҕыа хдәықәибайаароуп, уайҕыҕыа...* (С.Ч.) – «Завтра же мы должны отправиться»; *Уи аамҕазы Марытхәа аҕаашә дааталт* (Б.Шь.) – «В это время Марытхуа вошел во двор»; *Шьхацан дықәын ашьхара, шьхыҕын даван аҕара* (Б.Шь.) – «Летом пас скот в горах, зимой-в низинах»; *Ғафратагалан аҳынапҕыы аҳы айәахуеит* (Пословица) – «Осенью и крыса запасается»; *Уахынла иҕычыз еынла дыршьит* (Пословица) – «Убили днем того, кто воровал ночью».

Распространяющие обстоятельства могут дать количественную характеристику действия или состояния.

Ҧынтә-хынтә рақарагыы Ҧырқәтәылақа еиццеит, еицааит (Қ.Ағә.) – «Около трех раз они ездили вместе в Турцию»; *Уахи-ени хынтә-ңшынтә деыжалон уеизгыы* (И.К.) – «В сутки он три-четыре раза выезжал верхом на своем коне»; *Фрац ииҳәаз ажәабжь Леуарса шьарда дархәыцит* (И.П.) – «Леуарса долго обдумывал рассказ Фрача»; *Ҧынтә диеихсит – Ҧынтә деихагылт, хынтә диеихсит – хынтә деихагылт* («Н.С.») – «Дважды он выстрелил в него – тот удвоился, трижды он выстрелил в него – тот утроился».

Распространяющие обстоятельства могут указать на причину действия.

Ауалшәара акәын цасхәа дақәыцит... (Б.Шь.) – «Платить долги он перестал нарочно»; *Сықкәын гәағшақә дшьуп* (Б.Шь.) – «Мой сын убит назло»; *Цәгыашақә иқыруан алахәа еиқәаҕа* (С.Ч.) – «К несчастью (предчувствуя несчастье) каркали черные вороны»; *Гәашәа гәығәшшақә ахьча дишьтамызт* («Н.С.») – «Гуаша не ради скуки звала

пастуха»; Марытхәа длеиҕеиуеит, дңышәырччоит цас (Б.Шь.) – «Марытхуа расхаживает и ухмыляется назло...».

Обстоятельство может указать на цель действия.

Амаршьан шәфык аецәа ицны Нхыҕка дцеит уа бара («Аҕс.л.») – «Амаршан вместе со ста всадниками поехал на Северный Кавказ, навестить своих родственников»; *Нартәа реааибьртан ицеит ашьхақа шәрыцара* («Аҕс.л.») – «Нарты собрались и пошли в горы на охоту».

Об однородных распространителях

В предложение могут включаться ряды функционально тождественных слов или словоформ, связанных между собой сочинительной связью¹.

Акахуажәырҕақәа рҕы, аҕыамақәа рашҕақәа рҕы, аҕыармыкыақәа рҕы... *исҕахауа иалагеит ашьхарыуаа* (Аф. р.) – «В кафе, мечетях, на рынках стали встречаться мне горцы»; *Ара инсыжыт: саб, сан, сгәылацәа, хашьцәа, хҕахцәа* (Б.Шь.) – «Тут я оставил отца, мать, соседей, братьев, знакомых»; *...Афра, аҕхьара, аҳасабра ухәа даара ибзианы илҕеит* (Аф.р.) – «Она очень хорошо научилась писать, читать, решать».

Ряды эти могут образовывать слова любых классов и категориальных форм. Отдельные слова, входящие в эти ряды, могут иметь свои зависимые компоненты, вместе с которыми они становятся членами ряда. Между всеми этими членами ряда устанавливаются сочинительные отношения. Связь между членами ряда выражается преимущественно интонацией перечисления и сочинительными союзами **и, гыы, нас** и др. Союзы **и, гыы** при этом повторяются при каждом члене ряда.

Иашьа еийбы Ардашьыли, Тапашьыңа Алыбеи, Амчы Бағәазеи рақәын урт (И.К.) «Это были его младший брат Ардашил, сын Тапаша Алыбей и Амчи Багуаза»; *Убарт аҕауадцәагыы ахылапшцәагыы ааидгылан хара хәкәырхит* (Д.Гә.) – «Дворяне и руководящие работники объединились и уничтожили нас».

¹ См. В.Х. Конджария. Однородные члены предложения. В кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку», стр. 143.

Ряды однородных членов могут быть открытыми и закрытыми. Отношения и связь составляющих открытого ряда таковы, что они допускают свободное продолжение ряда.

Ахацаа хнеин хшаақықәеи, хқамақәеи, хаҳәақәеи, хтапанчақәеи иахышытәз иаашытхны иҳақәнаҳәеит (Б.Шь.) – «Мужчины взяли свои ружья, кинжалы, сабли, наганы».

Отношения и связь составляющих закрытого ряда таковы, что они не допускают продолжения ряда.

Алиас дтарымкындаз ари сымхы моу егыи сымхгы арахә еимырцаахгы (Д. Гә.)

В ряд могут объединяться как конституирующие, так и неконституирующие компоненты. Соответственно, ряд, состоящий из функционально тождественных компонентов, объединенных сочинительными отношениями, может открываться субъектом, предикатом, объектом, распространяющими словами и словосочетаниями.

Субъектный ряд

Ряд, открытый субъектом, занимает синтаксическую позицию субъекта и связывается с предикатом посредством субъектного форманта. Между субъектным рядом и предикатом устанавливается та же связь, что между субъектом и предикатом, с той лишь разницей, что здесь исключается связь в единственном числе и классе. Это связано с тем, что субъектный ряд в целом принимает значение множественного числа.

Таким образом, субъектный ряд имеет в предикате единый субъектный формант, значение лица которого становится общим для всех его составляющих.

Арака и-қан Шьарифа, Селма, Уазамат, Хазарат... (Д.Гә.) – «Здесь были Шарифа, Селма, Уазамат, Хазарат»; *Бқәыңсычхареи быблеи, быцьымшы Бымаза рхәоит ишеибакәу!* (Б.Шь.) – «Твой вздох, твои глаза и брови выдали весь твой секрет»; *Инаңшызар абна иаалңит Миәи, бгахәыңи, бгадуи!* (Б.Шь.) – «Видят – из лесу вышли медведь, лиса и волк»; *Арака иеилагылан йфа змамыз ашәырхкқәа: айда, аҳа, абхәа, атама, ашымҳа, аца, абгызра, алаҳа* (И.П.) – «Здесь росли самые разные фруктовые деревья: груша, яблоня, слива, персики, черешня, кизил, инжир».

В субъектный ряд могут входить слова с разными лексическими значениями лица. И в этом случае ряд имеет единый субъектный формант с одним общим для всех его составляющих значением лица.

Если в ряд входит слово со значением первого лица, то общим синтаксическим лицом всех составляющих (и при наличии в ряде слов со значениями других лиц) становится первое лицо множественного числа.

Шәареи сареи х-аишьцаазам (И.П.) – «Мы с вами не братья (вы и я не братья)»; *Уаргыи саргыи х-аицхыраап...* «Мы с тобой поможем друг другу (и ты, и я поможем друг другу)».

При наличии в ряде слов со значением второго и третьего лица (при отсутствии слов со значением первого лица) общим синтаксическим лицом для всех составляющих ряда становится второе лицо множественного числа.

... Иареи уареи анард шә-еицасла (И.П.) – «Вдвоем сыграйте в нарды (и он, и ты сыграйте в нарды)»; *Иареи уареи хәычык бзиа шә-еибабом хәа сыкоуп?* (И.П.) – «Вы (и он, и ты) друг друга, видимо, недолюбливаете?»

При наличии в ряде слов со значением третьего лица (при отсутствии слов со значением первого и второго лица) общим синтаксическим лицом становится третье лицо множественного числа.

Иареи лареи ашкол ахь и-еиццеит – «Они вместе пошли в школу (и он, и она пошли в школу)»; *Иареи лареи уаанзагыи и-еибадыруан...* (И.П.) – «Они (и он, и она) друг друга знали и до этого».

Предикатный ряд

Как известно, вопрос предложения с однородными предикатами (сказуемыми) имеет разное решение в различных языках. В истории русской лингвистической литературы превалирует мнение, согласно которому предложение с несколькими сказуемыми при одном подлежащем является простым¹.

¹ А. М. Пешковский предложение с однородными членами называл слитным. Так, он писал: «Слитным предложением называется предложение, заключающее в своем составе однородные члены» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. стр. 445).

Предложения с однородными сказуемыми мы относим к сложным предложениям (смотри выше, стр. ??).

Квалификация предложения с однородным сказуемым как сложного связана с признанием сказуемого иерархической вершиной предложения. Однако, как показывают материалы, то или иное решение этого вопроса надо увязывать, прежде всего, с особенностями синтаксической структуры предложения. Так, предложение субъектной двух, трех и четырехкомпонентной структуры с однородными предикатами при одном субъекте нельзя квалифицировать как сложное, так как в нем в организации предикативного минимума участвует не только предикат, но и другие конституирующие компоненты: субъект и объект. Как мы показали в соответствующей части работы, исключи из предложения субъектного и конституирующего объектного компонентов вызывает разрушение структурного предикатного ядра предложения, если даже сохраняется при этом предикат. Совершенно иначе обстоит дело в предложениях с компонентной бессубъектно-объектной структуры, как: **Шеит – «Рассвело»; Хьтоуп – «Холодно»; Цаауеит – «Морозит»** и др. В предложениях аналогичной структуры предикативное значение организуется одним компонентом и последовательное включение такого компонента, естественно, создает предложение полипредикативной структуры.

Например: *Асасцаа харзыншыны хаштааз шеит, халеит* – «Пока мы сидели в ожидании гостей, стемнело и опять рассвело»; *Дырхынхэтәуп, ылыштылатәуп, афныка ицатәуп* (А.Г.) – «Надо ее вернуть, надо погнаться за ней, надо пойти к ней домой»; ...*Кэашарахоит, ччарахоит, ифнарта қыафурахашт* (Д.Гә.) – «Танцы, веселье в его доме, богатое угощение».

Однородные предикаты имеют общий субъектный префикс, повторяющийся при каждом из них. Таким образом, при каждом последовательном включении однородного предиката повторяется соответствующая связь с субъектом.

Однородные предикаты соединяются между собой сочинительной интонацией или сочинительными союзами (или иными словами). Ряд однородных предикатов обычно открытый.

Зны ишытахаька ифынеихеит, ихы иқәыжьны дхәыцуа, нас ашышьыхәа деитәахынхәын агәашә даадгылт, иңсы зо, ңшышьаала

иартны дынталеит (И.П.) – «Сначала он вернулся и пошел назад, опустив голову, думая, а затем опять вернулся к воротам, притаив дыхание, тихо открыл их и вошел во двор»; *Леуарса ихы ларкәны ңытқ ғиғауамызт, аха даацаажәеит* (И.П.) – «Леуарса стоял, опустив голову и некоторое время молчал, но затем (он) заговорил».

При обозначении следующих друг за другом действий используются однородные предикаты, выраженные глаголом в форме прошедшего неопределенного времени. Ряд однородных предикатов в этом случае замыкается обычно предикатом, выраженным глаголом в форме аориста.

Ашырхәа ииарта дфылкәан, лассы иеааилеихәан, ифы ааизәәан, атзы акылхара дынкылңшыын аштә днықәыңшит (С.Ч.) – «Вскочил с постели, быстро умылся, сквозь дыру в стенке посмотрел на двор».

Объектный ряд

Ряд, открытый объектом (конституирующим), занимает синтаксическую позицию объекта (ближайшего или косвенного) и связывается с предикатом посредством объектного форманта (ряда **л** или **д**).

Объектный формант и в данном случае является общим для всех составляющих ряда. Между объектным рядом и сказуемым устанавливается связь в лице и множественном числе. Единственное число и класс, как и при субъектном ряде, исключаются из связи.

Басиат илаңи нархигеит зкайара дахьымзакәа... икаңсаз аихақәа, айгәышәқәа, абахақәа, ацәеихақәа (А.Г.) – «Басиат бросил взгляд на топоры, цалды, лопаты, лемехи, закончить которые он не успел»; *Аублаақәа ныкәара иандәықәлоз мфаныфас и-шытырхуан: ацхапа, ажьйәа, ашәхафа, аңыкахаыш, аңыкайәайәа* (А.Ф.р.) – «Убыхи, отправляясь в поход, брали с собой мед, копченое мясо, сулугун, поваренную соль и аджику»; *Лара дцан ргәыла згәбцәеи ргәыла чкәынцәеи и-ралхәеит уажәы Акәәка сыргоит, ашкол стәрцоит хәа* (Д.Гә.) – «Она пошла и сказала соседским девочкам и мальчикам, что завтра ее отправляют в Сухуми для поступления в школу».

Объектный ряд обычно открытый, составляющие его связаны

преимущественно перечислительной интонацией, в некоторых случаях – и сочинительными союзами.

Досу ишәыз аматәа анафсан и-шьтихуан: ажәцәеимаакәа, акәмызцәа еимсы, ашьамхтарҭа, акәмызцәа қалҭадқәа, ахтарҭа, акәымжәкьаф, ауапа (Ае.р.) – «Каждый, кроме того, что он носил на себе, брал с собой: две-три пары обуви, ноговицы, шерстяные носки, башлык, черкеску и бурку»; Хшыхәычыз ахәаҭьашьей, аҭықәтәашьей, ахышшьей (и)-хирҭахьан (Ае.р.) – «Он учил нас с детства владеть саблей, ружьем, ездить верхом на коне»; Март алагамтәа инаркны аублаакәей, асазқәей, ахчыңсааи... Тьрқәтәыла агаҭахь х-аиагара иаҭын (Б.Шь.) – «Начиная с марта месяца перебрывали на турецкий берег убыхов, садзов, ахчипсоевцев»; Ахауа цқьей ахаскьын ҭсылей и-р-ылачон (Ае. р.) – «Он (конь) питался чистым воздухом и сочной травой»; Ашықәсан зны, хамгәахә иахаршәланы цьықәрей ҭытқи, ацхей, ацәей хзытгәышьбар, цьыкаки сапынки иара убас ацәаматәей, нас, зегь реиҭа хзыргәаҭуаз, ашәақь хәшәи атнахгәышьон... (Ае. р.) – «Если нам удавалось хоть в год раз продать скудные запасы кукурузы, меда и воска, то мы покупали немного соли, мыла, одежды и пороха»; Аҭафцәа и-дирбон... адгьылқәа, амшынқәа, ашьхақәа, азиасқәа (Ае. р.) – «Он показывал учащимся страны, моря, реки».

Ряд объектного распространителя

Реже встречается ряд, открытый распространяющим объектом. Он обычно открытый и примыкает к предикату. Составляющие его связаны перечислительной интонацией или сочинительными союзами.

Зегьы ишыжәдыруа еиҭш, Гьид есқьынгы ией, икәадыри, иабҭьари ухәа зегьы рыла уафы еиқәшәаны дықан (Д.Гә.) – «Как вам всем известно, Гьид всегда имел при себе коня, седло и ружье»; Цирала, сахьала, дыррала ухәа лфызцәа дызларылукаауаз акгы далакамызт... (Н.Т.) – «Ни своей внешностью, ни красотой, ни знанием не отличалась она от своих пдруг»; Уртҭ рчаз хылҭақәей ркасы шкәакәақәей рыла реацәырыхьчон амра... (Н.Т.) – «Они широкополыми шляпами и белыми платками защищались от солнца»;

Иахәей, иҭамей, итапанчей, Икәымжәи, икабей, ихтарҭарқьақьей Абартҭ рыла ма дфашьозма Аҭсуа хәҭа Абатәа! (И.К.) – «Как же не узнать Абатаа по его шашке, кинжалу, пистолету, черкеске и башлыку!»

Атрибутивный ряд

Атрибутивный ряд не имеет большого распространения в предложении абхазского языка. Это связано с тем, что: 1) препозитивное и постпозитивное определения не образуют единого ряда, каждое из них примыкает к определяемому в отдельности, между собою же они не связаны: *Уртҭ сахьрыхәаҭшуаз ааҭынтәи ахьычҭаҭыр шкәакәақәа сгәаладыршәон («Алашара») – «Они напоминали мне весенних белых бабочек»; ...Алахәажәқәа реиҭш иҭырыҭып сьидгьылтә гәаҭрақәа зегьы (Б.Шь.) – «Тогда, словно черные вороны, расстанутся со мной все мои земные муки»; Сухәоит ускан: ан лыбжьы хаа слымҭа иҭарфы шышь нани!.. (Б.Шь.) – «Прошу тебя, дай мне послушать тогда сладкую колыбельную песню матери!»; Уи аидарамфангага машьына дук дақәтәан – «Он ездил на большой грузовой машине»; 2) из двух, следующих друг за другом постпозитивных определений, последнее определяет предшествующее словосочетание в целом (исключительно редко сочетание более двух постпозитивных определений): *икаҭха-качцоит ахан харак дуззақәа («Алашара») – «Блестят на солнце высокие большущие дворцы»; Мазлоу илақәа ичабра шкәакәа нартҭишьын... ҭымтҭ дналбаан дцеит (А.Г.) – «Мазлоу вытер глаза свои большим белым платком, спустился молча и ушел».**

Атрибутивный ряд могут образовать лишь определения, выраженные инфинитными конструкциями, соединенными между собой перечислительной интонацией.

Ряд этот всегда открытый.

Казылбакь уаф аук иакәын, ихылҭарч ду ихаргыла, иҭынҭа хьырхәаны, илақәа шакьшақьо иҭахаланы, ижакьа ашкәакәей аиқәаҭәей еимаркуа, ихазыртҭрақәа аразны каламҭаргыланы, иҭама чаҭа хьзыркны иаҭхьа икәынҭа (С.Ч.) – «Казылбак был высокого роста с высокой папашой на голове, с орлиным носом, с вставленными

в лоб беспокойными глазами, с бородою с проседью, с серебряными газырями, с кинжалом с золотой отделкой»; Ана-ара урт ырылу-баауеит ааңын лассы имышәтуа, уажәы ибыбышза ишәтыз аңсуа цәацлақәа-ацәахақәа («Алашара») – «Тут и там виднеются расцветающие поздней весной распустившие сейчас цветы абхазские яблони»; Уи уцәа ухзырзызаауа ашәа «Уарада» еиңшзам, еиңшзам ахәы игәы ихааза иқәсуа, дҭахәхәа дзырцәо, ихьаа ихазырштуа, ачамгәыр бжьыхаа иацырхәо «Ахәрашәа...» («Алашара») – «То не похоже на песню «Уарада», от которой пробегает дрожь по спине, не похоже то и на песню «Ахураша», которая облегчает боль раненому, усыпляет его, которая исполняется на ачамгуре»; Аутра антҭыц ақәацәаҭы дышьтан ауа чархәара кәиҭаны аотриад абра иаазгаз, ахтарҭа кәиҭыш зхаз ауаҭы (И.П.) – «За огородом, в кустах лежал человек, в красном башлыке, предавший отряд и приведший его сюда»; Шәеышькыл зкыша зык шәзыржәша мҭанызаҭык дышәтахымхари? («Н.С.») – «Не понадобится ли вам спутник, который мог бы подать вам воды и помочь сесть верхом на коня?»

Обстоятельственные ряды

В предложение часто включаются слова с идентичными обстоятельственными значениями, соединенные между собой сочинительной связью. Такие слова образуют обстоятельственные ряды со значением образа действия, места, времени и др. Ряды эти при-мыкают к сказуемому.

Ряд этот в предложении абхазского языка используется весьма интенсивно. Он может быть образован наречными словами, с деепричастиями и деепричастными конструкциями.

Составляющие его всегда связаны между собой перечислительной интонацией. Обстоятельственный ряд со значением образа действия всегда открытый.

Акармацҭыс ныкәтәа-аакәтәо, Амыг гәаҭо ажыц гәаҭо, Амҭа шытҭых ицоит, ицоит... (Б.Шь.) – «Соловей летит пересаживаясь с дерева на дерево, облетая колючие кусты, выбирая дорогу»; Абга-па тарнеи-тарнеиуа, Аблацәгьа кәеицеи-кәеицеиуа, Абгахәычы аңсызаны ал ахь ицоит икәарны (Б.Шь.) – «Мчитя лиса к ольхе, прита-

ив дыхание, мерцая глазами, дрожа всем телом»; Абгахәычы ацәа иҭасуа, ихашхашуа, иқәасқәасуа, Азаза-баа иаганы, Ацҭыс иашьтоуп еиханы (Б.Шь.) – «Лисица усталая, дрожа, мчится рысью за соловьем»; Исцәгәышьар, сыбжьы еицыхуа, Иркәмызуа сара сцыхәа, Ацла сыкәтәа сшәахәалап... (Б.Шь.) – «Если я научусь петь, то буду петь «сладким голосом», сидя на дереве, опустив свой пушистый хвост»; Елкан иаабахьоу иакәушәа дыкәамаызт: иңшра-исахьа еилахәхьан, аңхыз еиңш дууаза, дкәиҭ-шәиҭуа, дмида-гәидаха ақалақь далан (Д.Гә.) – «Елкан сильно изменился: изменился он во внешности, опустил, ходит как тень по городу»; Енак, дызит-дыңсит хәа хшыкәз, иаалыркьаны, иҭаацәа иманы, дыбзиахәа, деилахәа-еилаца даахызкылсит Сахатқьери (Б.Шь.) – «Однажды совершенно неожиданно появился к нам Сахаткери с семьей, разодетый, пышущий здоровьем».

Обстоятельственный ряд с локальным значением

Обстоятельственный ряд с локальным значением образуется наречиями, именами с послелогоми (и без них), инфинитной формой глагола с обстоятельственным элементом ахь, соединенными между собой сочинительной связью. Между компонентами устанавливаются соответственно сочинительные отношения, выражающиеся преимущественно перечислительной интонацией и в редких случаях – союзом **ма**.

Ряд, компоненты которого связаны между собой перечислительной интонацией, открытый.

Ацьармыкьа агәашә аҭы, акахуажәырҭақәа рҭы, ацьамаа ахьтагылаз ашҭаҭы, иара уа ақалақь гәарабжьарақәа рҭы аңсуаа мхәцьырцәа ахьаиқәшәоз абартқәа рақәын хәатәыс ырмаз (Б.Шь.) – «Уворот рынка, в кафе, во дворе мечети, на улицах города абхазцы-махаджеры говорили об этом»; Аублаатәыла аусқәа рзы уи днәихьан Лондон, Петербург... (Б.Шь.) – «По делам убыхов он бывал в Лондоне, Петербурге...»; Ага зехьынцъара джәылон: адгьыл ахьтә, ажәҭан ахьтә (Ае.р.) – «Враг напал отовсюду: с неба, с суши»; Ашьтахь апартизанцәа ыкан ақытақәа: Ковшово, Чузовек, Старое село (Ае.р.) – «Партизаны были селах: Ковшово, Чузовек,

Старое село и других»; Дааиуа, дааиуа ал ашәшьыраҭ, Аҳаскьынқәа реилачыраҭ Тынч лсаара налыргылеит (Б.Шь.) – «Пришла она и поставила тазик в тени под ольхой, на густой траве»; Апаркқәа рҭы айла аилачырақәа рымҭан, ашьацрақәа рҭы, ачыкь жәлақәа рҭы кьыс амазамқәа инхалон (Ае.р.) – «В парках, под деревьями, в густых кустах и на полянах, покрытых густой травой, оставалось то нетронутым».

Бывают случаи, когда между членами союзного ряда устанавливаются разделительные отношения. В этих случаях ряд закрытый.

...Асқьалақәа ырыдҭуаз аҭбақәа ма Новороссискка ма Путка рхы дырхон (Ае. р.) – «Пароходы, которые отходили от причалов, направлялись в Новороссийск или в Потти»; Акино ахь ма атеатр ахь дызгароуп... (И.П.) – «Я ее поведу в кино или в театр».

Обстоятельственный ряд с темпоральным значением

Реже встречается обстоятельственный ряд с темпоральным значением. Он может быть союзным или бессоюзным. Между членами ряда могут устанавливаться отношения:

а) присоединительные (в этом случае ряд открытый): *Ауха шаанза, адырҭаҭены, мчыбжьынакьак инеиужьны, мызкы ухәа Саида лгәы дҭыҭәомызт Заур... (И.П.) – «В ту ночь до утра, на второй день, в течение недели, месяца Саида не могла забыть Заура»;*

б) разделительные (в этом случае ряд закрытый): *Аа, нан, уаҭәы ма уаҭәашьтахь даауеит, быматәа хәычқәа ааигоит... (Д.Гә.) – «Доченька, придет он сегодня или завтра и привезет тебе новые вещи»;*

в) соединительные, переходящие в слитность (члены ряда интонационно слиты): *Иахьеи-уаҭәи халгоит уа... (Б.Шь.) – «Сегодня-завтра кончим там то»; Сасрыкәа хайа... уажәы-уашьтан хәа аҭсра дазыҭшын («Аҭс.жәл.рп.») – «Сасрыква-герой с минуты на минуту ждал смерти»; Уажәы-уашьтан асаби иҭсы анбатало хәа дыҭшын («Н.С.») – «Он ждал оживания ребенка с минуты на минуту»; Уахеи-ени хынтә-ҭшьынтә деыжәлон уеизгьы (И.К.) – «В сутки (за ночь и день) он два-три раза садился верхом на коня».*

Обстоятельственный ряд со значением меры и степени

Между членами данного ряда большей частью устанавливается значение соединенности, переходящей в единство (члены ряда интонационно слиты).

Знык-ҭынтә ракара ашәак лхәарц ләазылкит, аха илзымгәаҭыкәа дгылан ҭымтзакәа (К.А.) – «Один-два раза она собиралась что-то сказать, но, не осмелившись, стояла молча»; ҭынтә-хынтә ракараҭы Тьрқәтәылака еиҭцеит, еицааит (Қь. Агә.) – «Около двух-трех раз ездили они вместе в Турцию»; Саида дахьнеиуаз илзааигәазаны, илечиырбар аҭахышәа, лҭаҭхәа, ҭынтә-хынтә униакьеит ҭарҭалыкьк (И.П.) – «Мимо Саиды два-три раза пролетела какая-то бабочка, словно хотела понравиться ей».

Обстоятельные ряды со значениями причины, цели, сравнения и другими, не типичны для абхазского языка.

ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Осложнение простого предложения инфинитивными конструкциями

Вопрос об инфинитивных конструкциях в абхазско-адыгских, дагестанских и нахских языках относится к числу фундаментальных вопросов синтаксиса предложения, не получивших еще сколько-нибудь полного и единодушного решения у специалистов. Несмотря на слабую изученность, он породил противоречивые мнения в специальной литературе. Одни специалисты инфинитивные конструкции квалифицируют как придаточные предложения, и рассматривают в структуре сложного предложения, другие же, не видя в них категории предикативности, относят их к структуре простого предложения.

Под инфинитивными конструкциями понимаются такие словосочетания, организующим центром, которых является глагол инфинитивного образования (инфинитивной формы). Организующая роль глагола инфинитивной формы заключается в том, что в нем сосредоточены грамматические форманты субъектно-объектных компонентов словосочетания, к нему примыкают и другие компоненты с обстоятельственными значениями (если такие имеются в словосочетании). В нем находят свое выражение и временные значения. Однако не все глагольные образования инфинитивной формы обладают одинаковыми грамматическими возможностями. В этом отношении они должны быть разделены на глаголы инфинитивной формы, образованные:

а) аффиксами относительных местоимений **и, з** (причастные образования);

б) обстоятельственными элементами **-ахь-, -ан-, -ш,** суффиксами **-нацы, -ижьтеи, -цыпхьаза, -р, -зар, -зтгы, -рны (-рацы, -разы...);**

в) суффиксами **-о-уа-, -ны, -(м)кәа** и чистой основой (деепричастные образования).

Каждое из этих трех глагольных образований может стать организующим центром соответствующей инфинитивной конструкции. Рассмотрим каждое из них в отдельности.

Причастные инфинитивные конструкции

Сюда относятся инфинитивные конструкции, организующим центром которых является глагол инфинитивной формы, образованный аффиксами относительных местоимений **и, з**.

Атәкәажә и-кәнылшьаз акәчышь абга иагеит (Пословица) – «Не признанного старушкой цыпленка лисица забрала»; *Сасра и-мцац асас дизныкәгом* (Пословица) – «Кто не бывал в гостях, тот не сможет принять гостей»; *Ах у-з-қәиргәыгуа хы-шықәса уазыңшыз* (Пословица) – «Обещания царя три года ждут»; *Мышкы ахра зауз шәфәк рхы хиссеит* (Пословица) – «Тот отрубил головы сотне, кто получил должность царя на один день».

В причастной инфинитивной конструкции могут быть выражены субъектные и субъектно-объектные отношения. Субъектный и объектный форманты при этом сосредоточены в глаголе инфинитивной формы. Это связано с тем, что причастие в абхазском языке обладает субъектно-объектным спряжением.

Сара Кама и-лы-с-таз ашәкәы астал иқәуп – «Книга, переданная мною Каме, лежит на столе».

В этом примере объектные компоненты **ашәкәы, Кама** и субъект имеют в причастии **и-лы-с-таз** свои форманты, соответственно **и, л, с,** обозначающие лицо, число и класс соотносительных с ними компонентов (за исключением аффикса относительного местоимения **и**, не различающего, как и **з**, ни лиц, ни числа, ни классов). Здесь, как и в предикате для обозначения субъектно-объектных отношений используются два ряда личных аффиксов с соответствующими их функциями.

Таким образом, в причастной конструкции между глаголом инфинитивной формы и субъектно-объектными компонентами устанавливается связь, аналогичная той, которую мы назвали условно-предикативной.

Следовательно, в причастной конструкции, как и в поликомпонентной структурной основе предложения, мы имеем субъектно-объектные отношения и соответствующую синтаксическую связь.

Далее следует решить вопрос отношения причастной конструкции к категории синтаксического времени. Известно, что причастие в абхазском языке обладает всеми временными формами глагола. *И-цџа-жџо* – «говорящий» (тот, кто говорит):

аорист	<i>и-цџажџа</i>
прош. несов.	<i>и-цџажџоз</i>
прош. неопр.	<i>и-цџажџаз</i>
давнопрош.	<i>и-цџажџахьоу</i>
давнопр. упр.	<i>и-цџажџахьаз</i>
наст.	<i>и-цџажџо</i>
буд. I	<i>и-цџажџара</i>
буд. II	<i>и-цџажџаша</i>

Однако эти временные формы причастия обладают не абсолютным, а относительным временным значением.

Важно отметить и тот факт, что относительное временное значение свойственно причастию по своей морфологической структуре, а не по связи, возникающей в предложении или инфинитной конструкции.

И, наконец, об отношении причастия к категории модальности. Как известно, морфологической основой категории модальности являются формы наклонений глагола. Причастие же не обладает формами наклонений и соответственно не может образовывать оппозиции синтаксического индикатива с синтаксическими ирреальными наклонениями.

Следовательно, категория модальности не может базироваться на причастии.

Как видно из вышеизложенного, из трех предикативных категорий (категории лица, абсолютного времени и наклонения) причастие обладает лишь одной категорией лица и на его основе субъектно-объектными отношениями.

Таким образом, инфинитная конструкция, организующим центром которой является причастие, по своей грамматической структуре не может выражать и иметь значение предикативности.

Это означает, что предложение с причастной конструкцией нельзя квалифицировать как полипредикативное, оно может быть лишь монопредикативным, простым.

Это можно продемонстрировать на примере русского языка следующим образом. Из двух вариантов русского предложения:

- а) *На столе лежит книга, купленная мною;*
- б) *На столе лежит книга, которую купил я.*

В абхазском языке наличен лишь первый вариант.

Инфинитные конструкции, организующим центром которых является глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственными элементами -ан-, -ахь- и -ш

Отличия глагола инфинитной формы, образованной с помощью обстоятельственных элементов, от причастия заключаются в следующем:

1. Если в причастии аффиксы относительных местоимений **и**, **з**, занимающих позиции субъектного и объектного формантов, не дают парадигмы лица (числа и класса), то в глаголе инфинитного образования с обстоятельственными элементами полностью сохраняются парадигмы субъектного и объектных лиц.

Следовательно, глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами связан с субъектным и объектным компонентами предикативной связью с сохранением полной парадигмы субъектно-объектных лиц.

Сара аџафы сы-ш-и-ацџажџоз... – «Как я говорил с учеником?»; *Сара аџафы с-ахь-и-ацџажџоз...* – «Где я говорил с учеником»; *Сара аџафы с-ан-и-ацџажџоз...* – «Когда я говорил с учеником...».

2. Если причастие сочетает глагольную семантику действия или состояния с собственно-характеризующим значением, то глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами сочетает в себе глагольную семантику действия или состояния с обстоятельно-характеризующим значением.

В отношении же выражения категории времени причастие и глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами полностью совпадают.

Он (глагол инф. формы собст. элементами) имеет полную парадигму временных форм с относительным временным значением.

Разбираемый глагол полностью совпадает с причастием и по отношению к категории наклонения, что он не обладает формами наклонения, является не порождением синтаксических отношений, а свойством глагола как морфологической единицы. И это относительное временное значение сохраняется и в инфинитной конструкции, организующим центром которой является глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами.

Таким образом, исследуемая инфинитная конструкция тоже не обладает категорией предикативности, и квалифицировать ее как придаточное предложение нет реальных оснований.

Глаголы инфинитной формы, образованной другими вышеперечисленными суффиксами (**-ижьтеи, -натцы, -цыцхьаза...**), по отношению к категориям лица (числа и класса), времени и наклонения полностью совпадают с глаголами обстоятельственно-инфинитного образования. И инфинитные конструкции, организуемые ими, по своему значению ничем не отличаются от вышеописанных. Поэтому останавливаться на них нет никакой необходимости.

Субъектная инфинитная конструкция

Выступая в позиции субъекта, инфинитная конструкция субстантивируется и указывает на лицо, предмет или явление, действие которого обозначено предикатом.

Азыршы иацэшээз амца д-ақәдалеит (Поговорка) – «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь»; *Q-жьак ирышьталаз акгы изымкит* (Пословица) – «Погнавшийся за двумя зайцами не поймал ни одного»; *Абас ахра иалиааз ахреицш дыгәгәоуп* (Б.Шь.) – «Рожденный скалой подобен скале (крепок как скала)».

Субъектная и инфинитная конструкция, как и субъект, связана с предикатом предикативной связью. В зависимости от переходности и непереходности глагола-предиката связь может быть выражена субъектными аффиксами ряда **л** или **д**. Субъектная инфинитная конструкция в целом получает значение класса и числа того денотата, на который указывает она в данном предложении.

Значение же синтаксического лица она получает в зависимости от занимаемой ею позиции в предложении: говорящего, собеседника или неучаствующего в речи. Лицо, число и класс субъектной инфинитной конструкции обозначаются в предикате соответствующим субъектным формантом.

Ауал згартәз д-ыччо д-алагеит («Ақс.л.») – «Пришедший за долгом стал смеяться»; *Са исыкәыршаны итәаз рыхқәа рыкәыжь и-зырәуан* (А.Г.) – «Сидевшие вокруг меня слушали, опустив головы»; *Згәы зыхьыз бара б-оуп* (А.Г.) – «Пострадавшая (у кого сердце болело) есть ты»; *Зыңсы еиқәхаз ҳаңсы ҳаманы ҳ-цеит* («Ақс. л.») – «Оставшиеся (мы) в живых спаслись бегством».

Удаление субъектной инфинитной конструкции из структурной основы предложения, как и удаление субъекта, вызывает ее разрушение. Факт этот доказывает, что субъект и субъектная инфинитная конструкция занимают идентичные синтаксические позиции в предложении.

Сравним: *Ахра иалиааз ахреицш д-ыгәгәоуп*;

..... *ахреицш, -гәгәоуп*.

В функции субъекта выступает преимущественно инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы, образованной аффиксами относительных местоимений **и, з**.

Аибашьра и-анымиац д-хаңа гәгәоуп (Пословица) – «Тот герой, кому не приходилось сталкиваться с войной»; *Абилет з-маз ашәахь еиханы рәына-р-хеит* (И.П.) – «Имевшие билеты двинулись к дверям»; *Са сыздыруагь (и)-шьарда-оуп...* (Б.Шь.) – «Знают меня многие (знающих меня – множество)»; *Атырқәа гаға ршьапы нықә-д-ыргылеит зтәыла ныжьны и-цоз* (С.Ч.) – «Ступили на турецкую землю те, кто шли, оставив свою родину».

Объектная инфинитная конструкция

Объектная инфинитная конструкция занимает синтаксическую позицию конституирующего объектного компонента структурной основы предложения. Она связывается с предикатом предикативной связью. В зависимости от переходности и непереходности

глагола-предиката связь эта может быть выражена объектными аффиксами ряда **д** или **л**.

Аеы иакэымтэац аеы д-канамыжьцт (Пословица) – «Кто не ездил на коне, тот никогда не падал с коня»; *Ах узықайргэыгуа хы-шықаса у-а-зыңшыз* (Пословица) – «Обещания царя три года ждут»; *Иара дцаажэон, Хыкэа дгылан, Лабхэа иаңшыгаз д-а-зңшуан* (Б.Шь.) – «Он говорил, Хикуа стояла, ждала решения свекра своего».

Объектная инфинитная конструкция, как и субъектная конструкция, выступая в позиции объекта, субстантивируется и принимает значение класса и числа того денотата, на который она указывает в предложении. Значение же синтаксического лица она получает в соответствии с занимаемой ею позицией в речи: говорящего, собеседника или неучаствующего в ней.

Значения лица, числа и класса объектной инфинитной конструкции обозначаются в предикате соответствующими объектными формантами.

Ахасахыцқаа и-сархэеит... Мороз уафы дахыңыхьашашаз («Алашара») – «Девушки сказали мне, где можно разыскать Мороза»; *Аказарма аңхьа данааи ататын зрыңхуаз днарылаңшит* (И.П.) – «Когда он подошел к казарме, посмотрел на тех, кто низал табак»; *Азы иашьыз азы и-ғадырхэхэон* (Поговорка) – «Утопленника (убитого водой) поили водой»; *Аурок иагхаз ашкол адиректор д-х-аңхьан икабинет ахь х-афнеигалеит* – «Опоздавших (нас) на урок директор школы вызвал и завел в кабинет».

В функции организующего центра объектной конструкции выступают:

1. Глагол инфинитной формы, образованной аффиксом относительного местоимения **з**:

Иара и-еиликааит уи з-мааназ (Л.Т.) – «Он выяснил, что это означало»; *Уафы и-еилургарызу ампыл з-гози, урт амфа рзы-з-куази?* (Д.Гэ.) – «Мог ли кто-нибудь разобрать, кто владел мячом и кто гнался за ними?».

2. Глагол инфинитной формы, образованной аффиксом относительного местоимения **и**:

Надиа и-калйаз Темыр и-цьеишьеит (И.П.) – «Темыра удивил поступок Нади»; *Сара и-еилыскааит, ажэларқаа риашьара и-аїданакуаз* (И.П.) – «Я понял значение братства народов»; *Аїла и-алфрыз амат (и)-и-цхэит* – «Змея ужалила того, кто упал с дерева».

3. Глагол инфинитной формы, образованной обстоятельством элементом **ш**:

Сара уахь сы-ш-цоз шаара и-шэасымхэит (Д.Гэ.) – «Я не сказал вам о том, что я иду туда»; *Аха и-жэдыруазааит харгыы хтаҳахаа х-шыцаам, акы ш-хахауа, амазақакгыы шаадыруа* (И.П.) – «Чтобы вы знали, что мы не спим мертвым сном и располагаем кое-какими сведениями».

4. Глагол инфинитной формы, образованной обстоятельством элементом **ахь**:

Уи и-агысеиҳэеит иңарақаа ахыыкоу (Л.Т.) – «Он сказал мне, где его деньги хранятся»; *Ахасахыцқаа и-сархэеит Мороз уафы д-ахь-иңыхьашашаз* («Алашара») – «Девушки сказали мне, где можно разыскать Мороза».

5. Глагол инфинитной формы, образованной вопросительным элементом **шақа**:

Сара ибзиаїдэьаны и-еилыскааит урт ауаа ҳарцаа ршьа рылцацаара шақа иазкааз (И.Л.) – «Я хорошо понял, насколько они были способны высосать у простого народа кровь»; *Урт Игнат и-реиҳэалон аузбек ңхэыс лыңсқазаара шақа ихьамтаз* (И.П.) – «Игнат часто рассказывал им о тяжелой жизни узбечки в прошлом».

6. Глагол условно-целевой инфинитной формы:

Татластани Алмеи ғыңыа аарыңхьан рнапы и-анырїеит ажэлар еизыргаразы, ампыл асра еиғыркааразы (Д.Гэ.) – «Татластан и Алма вызвали двоих и поручили им собрать народ и организовать игру в мяч».

Объектная инфинитная конструкция (личноотносительная), как и субъектная, является конституирующим компонентом и удаление ее из структурной основы предложения вызывает ее разрушение.

Сравним: *Темыр и-фуан Москва дааижьтеи дышкэишхаз...* (И.П.) – «Темыр писал о том, что с тех пор, как он приехал в Москву, поумнел»; *Темыр -фуан.....*

Инфинитная конструкция в функции распространяющего объекта

Инфинитная конструкция может выступить в функции распространяющего объекта. И в данном случае она субстантивируется, однако связывается с предикатом не предикативной связью, а свободным примыканием. Выступая в функции распространяющего объекта, инфинитная конструкция сочетается с каким-либо послелогом, с которым вступает в связь в лице, числе и классе.

Иагханы иааиз р-зы астал хазы идырхиеит – «Для пришедших с опозданием накрыли отдельно стол»; *Аїара зїар зїаху изы ашқолқара рышә аартуп* – «Двери школ открыты для того, кто хочет учиться»; *Акрура зїаху изы аусутә мацзам* – «Есть что делать для того, кто хочет работать»; *Акғыы злымїша изы ахыргәақра иаңсам* – «Невразумительный заботы не стоит».

Инфинитная конструкция в функции распространяющего объекта встречается в редких случаях.

Атрибутивная инфинитная конструкция

Атрибутивная инфинитная конструкция занимает в предложении синтаксическую позицию атрибутивного распространителя. Она определяет преимущественно субъектный и объектный компоненты и примыкает к ним. Она связывается с определенными ею компонентами свободным примыканием. Однако наиболее естественна препозитивная позиция атрибутивной инфинитной конструкции по отношению к определяемому ею слову.

Абыржәы иаины зымацара итәаз аїакәажә дубауоу цқьа? («Алашара») – «Ты видишь хорошо старушку, которая подошла сейчас и села одна?»; *Абни, аңхьан иусырбаз аңхәыс илымоуп иїдәахны* («Алашара») – «Та женщина, которую я тебе показал, спрятала то»; *Сара ибжьаны зкәадыр зқәысїаз аеы ақәыңши аңхәыси сзакәыртәом* («Алашара») – «Я не посажу на коня, наезженного мною, ребенка и женщину»; *Ақалақь аеы ираазоит аинтеллигенция ғыц, амилаїтә культура шытызхша ауаа* (Н.Х.) – «В городе воспитывают новую интеллигенцию, людей, которые

должны поднять национальную культуру»; Икоуп амашьынақәа – Амашьына қыақәа, Амашьына қыақәа, Иласу, Игәгәоу, Кыр злазо, Блада игәазтә, Зегь зылшо (Амц.) – «Есть машины – умные машины, добрые машины, легкие, сильные, без глаз видящие, всемогущие».

Удаление атрибутивной инфинитной конструкции, как и других распространяющих инфинитных конструкций, из предложения не вызывает изменения структурной основы.

Анкьа абра дынхон ашәыр рацәаны измаз тәуадк (И.П.) – «В старину здесь жил какой-то дворянин, имевший много фруктовых садов»; *Анкьа абра дынхон... .. тәуадк* – «В старину здесь жил какой-то дворянин».

В функции организующего центра атрибутивной инфинитной конструкции может выступать глагол инфинитной формы, образованной:

Аффиксом относительного местоимения **и**:

Ақыдуахәа иадтәаланы и-хысуаз Иазыгә, ахысра анааиқәтәа-їәкьа, даара дзыцәшәашаз акы игәы иааїдалеит (И.П.) – «Сразу после того, как прекратилась стрельба, в сердце Язуга, стрелявшего сидя за бревном, вселился какой-то страх»; *Илшәылїеит аңхәыс маїәақәа ирылакны и-ааигаз хайтә ласалых кофтакгыы* (И.П.) – «Она одела еще одну шерстяную кофту, которую он принес вместе с женскими вещами».

Аффиксом относительного местоимения **з**:

Кукута уажәраанза иңайа з-ирсоз аңайасафы дигәамңхазт, даеа ңайасафык иңы аңайасара далагеит (И.П.) – «Кукуте не понравился парикмахер, у которого он брился, и стал бриться у другого парикмахера»; *Арака иубон ңштәыхкыс иутәху зегьы з-моу ашәтқәа* (И.П.) – «Здесь можно было найти любые цветы, какие только захочешь»; *Кәытат ибригада аусура ианалга, иара дрылїны ганкахыы инаскьашәа аус з-уаз атыңха ңшза Сырма лҕы днеит* (И.П.) – «Ку-тат, когда закончила работу его бригада, отошел от своих друзей и подошел к красивой девушке Сырме, работавшей чуть поодаль»; *Еицырхашьшыы иааиуан ар рыматәа з-шәыз гәыңфык ауаа* (И.П.) – «Шла группа людей, одетых в военную форму».

Обстоятельственным элементом **ахь**:

Аңхәызба д-ахь-ырбаз афны бахәык ашьапафы игылан (И.П.) – «Дом, в котором нашли девушку, стоял у подножья горы»; Дигәа дахьышталоз ауада ишьтыхны афнду иатқатқан (А.Г.) «Комната, в которой спал Дигуа, была пристроена к большому дому».

В функции организующего центра атрибутивной инфинитной конструкции выступают также:

1. Инфинитная форма будущего второго времени глагола:

Аңцаа ицьшьоуп, ажәлар ныкәызгаша афар ыкоуп (Н.Х.) – «Слава богу, есть молодежь, которая может обслужить народ»; Насгы мѡақы дыкәызйаша, икәышу фыза димазам (Н.Х.) – «У него нет друга, который направил бы его по правильному пути».

2. Инфинитная форма обусловленного наклонения:

...Адырѡаены идрыңхшаз ататын ғырхит (Н.Х.) – «Они наломали табачных листьев, низать которые собирались на второй день»; Есма лгәы кәзйашаз, лхәа лхазырштышаз самаркәылкәакгы нархәан илатәеит (Д.Гә.) – «Они немного побалагурили, чтоб развеселить Эсму и облегчить ей боль, и расселись».

3. Условно-целевой инфинитной формой глагола, образованной суффиксом **-ратәы**:

Урт дынырвсны бзиа дахьынаскәаз, уардынк бжысратәы мѡа тшәарак дазнеит (Н.Х.) – «Пройдя мимо них, он пришел к какой-то узкой дороге, по которой могла пройти арба».

Обстоятельственные инфинитные конструкции

Общей семантикой обстоятельственных инфинитных конструкций является обстоятельно-характеризующее значение, которое, как правило, относится к предикату, но может относиться и ко всему предложению в целом.

К обстоятельным инфинитным конструкциям относятся: инфинитная конструкция образа действия, локальная инфинитная конструкция, темпоральная инфинитная конструкция, целевая инфинитная конструкция, уступительная инфинитная конструкция, условная инфинитная конструкция, сравнительная инфинитная конструкция и др.

Инфинитная конструкция образа действия

Инфинитная конструкция образа действия обозначает, как и при каких условиях происходит действие предиката. Она связывается с предикатом свободным примыканием.

Нас алаф шырхәоз, ишыччоз ататынрыңхрагы иналагеит (Н.Х.) – «Затем, балагурия, шутя, приступили к низке табака»; Амй ңыруазар абжы уахартә иаатынчрахеит (Н.Х.) – «Воцарилась такая тишина, что можно было услышать пролетающую муху».

В функции организующего центра инфинитной конструкции образа действия может выступить глагол инфинитной формы, образованной:

1. Обстоятельным элементом **-ш**:

Мыта дышыны ды-ш-кажыыз дырбеит (И.П.) – «Мыту нашли убитого (лежащего убитым)». Егырт ашәкәкәа ицкәаны адашма и-ш-ыкәыңсаз адаахы хәмарра дцеит («Амц.») – «Оставив разбросанные на полу книги, он вышел во двор играть»; Уи еилымкаакәа дахьцоз игәы и-ш-алаз афныка дхынхәит Батал (И.П.) – «Батал вернулся домой, жалея, что ему не удалось выяснить то».

2. Суффиксом **-ратәы / ртәы**:

Уангылазгы ңагы угылан, ңсынгы уңсит ауаа урбаратәы (Б.Шь.) – «Пока стоял, стоял ты гордо, когда пришла гибель, погиб ты со славой»; Ишәиааида? – нахьхы абарйәф... икәгылаз ауаѡаза иахартә ѡааитит Качи (А.Г.) – «Кто из вас выиграл? – крикнул Качи так громко, чтобы мог услышать тот неотесанный человек, который стоял на балконе».

3. Суффиксом **-шәа**:

Афнқәа ибә даннеи, аганахьшәа итагылаз ахьазайә иеадкылашәа даагылт (А.Г.) – «Когда подошел так близко, что можно было разглядеть дома, он стал, прислонившись к одинокому каштановому дереву»; Инагаз афатә аңшқа инаѡаршәны, нас зназы шьтахька аеынхыршәтшәа иаатгылон уи (Ф.Иск.) – «Положив в рот птенцу корм, чуть откинувшись назад, она остановилась».

Локальная инфинитная конструкция

Локальная инфинитная конструкция обозначает место или направление действия предиката. С последним она связывается свободным примыканием.

Урт еилсыргахъеит, баба, – лхъеит Зина лыхцэы ыршо дахъгылаз (И.П.) – «Я уже убрала то, – сказала Зина там, где она стояла, заплетая косы»; Амра ахра ацакъя иахъыбжъатэаз иаапышэырчеит (С.Ч.) – «Солнце засияло там, где оно сидело между скалами»; Озамат иңа аттрактор дахъакэтэаз иаатпиркьеит ашэа ғыц (С.Ч.) – «Сын Озамата запел новую песню, сидя на тракторе».

Организирующим центром локальной инфинитной конструкции выступает глагол инфинитной формы, образованной обстоятельством элементом **ахъ**:

Саб иаб, уи иаб ухэа хабатэа абра с-ахъ-ы-кэынхо икэынхон (С.Ч.) – «Дед мой, прадед и другие жили тут, где я сейчас живу»; Уахъгы-еынгы имгылазакэа ауаа тэаны афы ахъеимаркуа иара саатк еикэыкны дызтэауамызт (А.Г.) – «Он не мог сидеть ни одного часа там, где люди сидели сутками и пили вино»; Аб ас дхэыцуа д-ахъ-гылаз Тэмыр иблакэа москватэи атпыңха ңиша излыкэамызт (И.П.) – «Тэмыр (где он стоял, задумавшись) не мог оторвать глаз от красивой москвички».

Иногда к локальной инфинитной конструкции добавляется послелог **ахъ** со значением направления.

Рфыцъагы рфынархеит ауаа айла иахъайатэаз ахъ (С.Ч.) – «Оба направились туда, где люди сидели под деревом»; Илаңи наиршэит ахысбжъы ахъгаз ахъ (С.Ч.) – «Он бросил взгляд туда, откуда раздался выстрел».

Темпоральная инфинитная конструкция

Темпоральная инфинитная конструкция связывается с предикатом свободным примыканием и характеризует его с темпоральной стороны.

Темпоральное значение инфинитная конструкция в целом получает от ее организующего центра – глагола инфинитной формы.

Глагол же инфинитной формы темпоральное значение приобретает от образующих ее аффиксов, к которым относятся:

1. Обстоятельный (временной) элемент **ан**:

Камачыч лыбжъы ан-лаха, Цакэа хэычы дгэыргъайэа дыфны да-аит («Амц.») – «Маленькая Цакуа прибежала бегом, с радостью, когда услышала голос Камачича»; Басиат д-ан-ырзааигэаха урт аусура иакэыцит («Амц.») – «Когда Басиат приблизился к ним, они перестали работать».

2. Суффикс -ижътеи с темпоральным значением:

Дигэа ифны афымца ааигеижътеи рацэак йуамызт (А.Г.) – «Прошло немного времени с тех пор, как Дигуа провел к своему дому электропроводку»; Зинеи иареи еибамбеижътеи даара ихэыцракэа рацэахеит Тэмыр (И.П.) – «Много разных мыслей и забот появилось у Тэмыра со времени последней встречи его с Зиной».

3. Темпоральный суффикс **-натцы**:

Сымч снанагонаңы сыерыстар стэхымызт (И.П.) – «Пока сил хватало, я не хотел сдаваться»; Аидара акэырйонаң аеамырйысит (А.Г.) – «Пока его загружали, он не двигался».

Темпоральный суффикс **-аанза**:

Ауафы дыңсанзаа иумта цэырйзом (Поговорка) – «Пока человек жив, его заслуги (дела) не выявляются»; Азэы ихъаа уздыруам уара ухата уакэшэаанза (Поговорка) «Чужого горя не поймешь, пока сам не столкнешься с ним».

5. Суффикс кратности **-цыңхъаза**:

Сгэы аатзызаауеит уи даасгэалашэацыңхъаза (С.Ч.) – «Сердце сжимается каждый раз, когда я вспоминаю его»; Рыда ңсыхэас ихэамоузеи, ңарак аахъахъацыңхъаза дара роуми хназыдгыло (И.П.) «Что нам делать без них, каждый раз, когда нам нужны деньги, мы обращаемся к ним».

6. Префикс **-ахъынза** (до тех пор пока):

Сара с-ахъынза-тэаз сфыцэагы ааит – «Пока я сидел, товарищи мои подошли»; Амиқэа ахъынзацэгыз атэагалара изаламгеит – «Пока стояли дождливые дни, не смогли приступить к сбору урожая».

7. Суффикс **-мтазы** (к тому времени):

Хэылңазы амра атэшэамтазы еуафык агэар даатэалеит «Вечером, к заходу солнца (в момент захода солнца), во двор заехал

какой-то всадник»; Амацаз җшаауа ихы аларкәымтәзы дхьаңш-хьаңшуа иргәгәаны лҗыналхеит Зина... (И.П.) – «В тот момент, когда он нагнулся, ища кольцо, Зина быстрыми шагами направилась...»

Бывают случаи, когда инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы с обстоятельственным элементом **ш**, выступает в предложении с темпоральным значением.

Акамбашькәа снарыҗаҗеит сара схаланы ауардын сы-шнакәтәаз еиңиҗаҗьа («Амц.») – «Я погнал буйволов сразу же, как сел на арбу»; Уи аштә д-шааталазҗаҗьа иҗеы днасын аҗны аңхьа дыхәмаруа даақәлеит (И.П.) – «Как только заехал во двор, он развернул коня и стал скакать по двору».

Причинная инфинитная конструкция

Причинной инфинитной конструкцией обозначается реальная причина, которой обусловлено содержание предложения.

Сеидык ихы ларкәны дцәыҗыңшуа Мыса дизыңшуеит игәы аҗырҗ арго, Мыса гәгәа дықәгыланы иахьызымхәо (С..) – «Сейдык со злостью смотрит на Мысу за то, что тот не может твердо и уверенно излагать свои намерения»; Тамшыгә дгылан... алеи ахәеи кыдкьо, Махаран дизгәааны абыскаамтә дахьымааз (И.П.) – «Тамшыгу стоял очень расстроенный, злясь на Махарана, что тот до сих пор не пришел».

Причинная инфинитная конструкция соединяется с предложением преимущественно присоединительной интонацией и относится ко всему предложению в целом.

Ацьма җаха дахьрыцыз цәгьаза игәы җыгьит (С.Ч.) – «Тоска заела его, что нас немых коз»; Хгәырғьар ҳақәнагоит... ҳақкәынцәа ҳара иахьхаиғьхо (С.Ч.) – «Мы должны радоваться тому, что дети наши будут лучше нас».

Для связи причинной инфинитной конструкции с предложением иногда используются послелог **-(а)зы**, **-(а)кнытә**, которые всегда следуют за конструкцией.

Вба мыцхәык рхы ирзадҗомызт заалымк аауеит рхәаратәы иахьыкәмыз азы (И.П.) – «Они не очень винули себя, не видя в своих

поступках ничего грешного»; Аиаша рлакәа иахьталхәоз аҗкнытә дырцәымгын (А.Г.) – «Ее недолюбливали за то, что говорила им правду в лицо».

Как видно из примеров, в функции организующего центра причинной инфинитной конструкции выступает преимущественно глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственным элементом **ахь**. Обстоятельственный элемент **ахь** в данном сочетании имеет не локальное, а причинное значение.

Организующим центром причинной инфинитной конструкции могут быть и другие инфинитные образования глагола, к которым относятся:

1) Условная форма глагола на **-р, -зар** с последующей частицей с функцией связи:

Абас аколнхарақәа рахь сныкәоит исылшо ала сызрыцхраауазар хәа (А.Г.) «Так я хожу по колхозам, чтобы помочь по силе возможности».

2) Деепричастие, образованное суффиксом **-ны**:

Ишьаҗа ааргәгәаны дынишьтәлеит дихьымзар хәа дшәаны – «Ускоренным шагом последовал он за ним с боязнью не догнать его».

Причинная инфинитная конструкция не имеет в предложении строго фиксированной позиции. Однако она большей частью занимает постпозицию по отношению к предложению.

Условная инфинитная конструкция

Условная инфинитная конструкция обозначает условие, которым обусловлено осуществление содержания предложения.

Са сзы икоу азә лакәзар Дыңааит хыхьтәи, Сыбжы анааго дазхәыцыр, Хымҗада дызгашт (И.К.) – «Если она создана для меня, то пусть прыгнет оттуда (с высоты), если послушает мой зов, увезу ее обязательно»; Саб иҗыхәала дхашьтәзар, Дхәхьзоит ласы; Иакәым ала дныкәыгар, Иахзеилам акгы... (И.К.) – «Если отец мой преследует нас на своем белом коне, то он нас обязательно догонит; если ты не встретишь его, как тебе подобает, то между нами все кончено»; Уи еиңи аразкы ҳауазма ҳуазды аибашьраҗы

дҗахар? (И.П.) – «Мы бы не знали подобного счастья, если бы один из нас погиб на войне».

Отношение обусловленности, устанавливающееся между инфинитной конструкцией и остальной частью предложения, может быть непосредственным или гипотетическим.

Основными выразителями условных отношений в целом являются условные инфинитные формы глагола, к которым относятся:

1) Условные формы с суффиксами **-р, -зар**:

Адәығба аара иахымңар, сара сғы зынзағыы шамааиуазаарын (И.П.) – «Если бы поезд не пришел с опозданием, вы не зашли бы ко мне»; Аңсыцкыа азәыр ихазар абри ихоуп («Алашара») – «Если у кого совесть чиста, то у него»; Уи уажәығыы амға дықәйазар, игәшәа хәазар ихырңшуаз раңаан (Н.Х.) – «И сейчас, если направить его по правильному пути, если уговорить его, он мог бы повести за собой многих».

2) Условная форма с суффиксом **-зтғыы**:

Ухазы аус иурур утахызтғыы, сара исоухәанда! (С.Ч.) – «Если ты хотел заставить его работать на себя, то ты должен был известить меня об этом»; Егъа аңых бааңсызарғыы иеыбгеиңомызт уи цкыа амғақәа идыруазтғыы... (А.Г.) – «Какая бы ни была ночь, он бы не сорвался (со скалы), если бы он хорошо знал дороги»; Икаларын иңсы еивңаханы дналаңсарғыы, убри аамтазы аписар даафнамшылазтғыы (Дж.А.) – «Возможно, он не пришел бы в сознание, если к этому времени не зашел бы писарь».

В функции организующего центра условной инфинитной конструкции может выступить также инфинитная форма глагола, образованная обстоятельственным элементом **ан**. В этом случае обстоятельственный (временной) элемент **ан** становится выразителем реального условия.

Еибабаит иахыа сығны, еибабаратәы аамта аныкала (И.П.) – «Пусть они встретятся сегодня в моем доме, раз создались для этого условия»; Ажәлар рымаң уурц и-ан-ақәук акыр учҳароуп (А.Г.) – «Раз ты взялся руководить народом, ты должен быть терпеливым»; Амц уҳәарц и-ан-ақәук, анапы аңаңа ашьапы аңаңа иухәозароуп (Поговорка) – «Раз ты решил сказать неправду, то должен сказать умело (приделав к ней руки и ноги)».

Как видно из примеров, условная инфинитная конструкция при-мыкает ко всему предложению в целом. Позиция ее в предложении не строго фиксирована. Она встречается преимущественно в препозиции, однако нередко случаи ее использования и в постпозиции.

Саида сиашоуп хәа лхы лыңхәазозар мчыла уҳәатәағы дузаагомызт (И. П.) – «Если бы Саида считала, что она права, то не смог бы уговорить ее насильно»; Иңегъ сылшо сыказар, схы сеигзомызт... (И.П.) – «Если бы я мог сделать еще больше, я себя не пожалел бы»; Сара схатыңағы бара быказар, ишңакабңоз? (И.П.) – «Если бы ты была на моем месте, как бы ты поступила?» Уиакара зысхәарызеи, уара иумдыруеи сара исымхәарғыы (И.П.) – «Зачем столько говорить, ты ведь знаешь, если даже ничего об этом я не скажу...»; Арт лңшәа змамыз ражәеимдара иңегъ идроууан Батал иеы наргылашәа ажәақәак имхәар (Н.Х.) – «Они еще долго спорили бы, если бы Батал не вмешался в их разговор».

В специальной литературе отмечены случаи, когда «форма условного наклонения, образованная при помощи суффикса **-зар...**, утратив функцию условия, употребляется в значении прошедшего времени», и «несмотря на обстоятельственное значение..., выражает действие финитного характера»¹.

Нам кажется, что случаи эти обусловлены контекстом. Абсолютное временное значение может приобрести условная форма на **-зар** в контекстуально необусловленной позиции, как это отмечено выше, лишь в вопросительных предложениях. В этом случае приобретение условной формы абсолютного временного плана обусловлено вопросительным значением, которое выражается интонационно.

Рыңхзаша хың-зар агәарахәа ишны? Амцаңшь ацрайа-зар Омар иахтны? (Б.Шь.) – «Может, их терпение, вскипев, лопнуло? Может, они подошли к княжескому двору Омара?»

Целевая инфинитная конструкция

Между целевой инфинитной конструкцией и основной частью предложения устанавливаются отношения целевой обусловлен-

¹ Л.П. Чкадуа. Система времени..., стр. 162.

ности. Обязательным строевым элементом целевой инфинитной конструкции являются формы условно-целевого наклонения, к которым относятся:

1) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом **-рацы / -рцы:**

Лыцмақаа дрышъталазаап астаршын ишжәохәугъы еидцала икылцаны азагатовка еитә-р-и, абоиниәҕ рыхқәа аахыҕаҕааны... рцаақәа рхырымхқәа дырпырымпыры (Дж.А.) – «Старшина погнался, оказывается, за козами, чтобы сдать их всех на заготовку, чтобы не отстать от них до тех пор, пока не сдерут с них шкуры»; Сгәы бзиам хәа ҕыҕгас иатан Дышъталеит лара, Аңсны иаазаз Беслан Пытрак дизиңшыры (И.К.) – «Под предлогом болезни, легла она, чтобы дожидаться сына Абхазии – Беслана».

2) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом **-разы:**

...Бгъыцк ҕны ҕажәиҕәба маат нагәылаҳәаны иабду иитҕеит ихақым имариа анибалак иҕыба итаиршә-разы (Н.Х.) – «Он завернул в записку тридцать рублей и отдал дедушке, чтобы тот передал их лечащему врачу»; Уск снапы ианиҕа-разы даазар қалап (Д.Гә.) – «Он приехал для того, видимо, чтобы поручить мне какое-то дело».

3) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом **-ратәы / -ртәы:**

Хауаажәлар ирабжәгалатәуп ҕатәла ихәыцларатәы еиңш... (И.П.) – «Надо учить наш народ, чтобы он мыслил по-новому».

4) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом **-раны:**

Сан ажәа сылтҕеит уи ҕара еиталымхәараны (Д.Гә.) – «Мать моя дала мне слово, что она никому не передаст (не расскажет) то».

Легко заметить, что условно-целевая инфинитная конструкция семантически близка к условным и причинным инфинитным конструкциям.

Целевая инфинитная конструкция может иметь и несобственно-целевое значение. Временной план предложения, в этом случае, как правило, имеет категорическое значение. С несобственно-целевым значением выступает обычно конструкция, организующим центром, которой является условно-целевая форма глагола на **-рацы**. За инфинитной конструкцией в этом случае может следовать послелог **-(а)зы**.

Аус хьантә уацәымшәарц азы адырреи агәагъреи умазароуп «Чтобы не бояться трудного (тяжелого) дела, надо обладать знаниями и решительностью».

Условно-целевая инфинитная конструкция относится ко всему предложению в целом и связывается с ним без союзов.

Уступительная инфинитная конструкция

Уступительная инфинитная конструкция выступает с таким значением, при котором не должно осуществиться содержание предложения, однако осуществляется. Следовательно, между инфинитной конструкцией и остальной частью предложения устанавливаются отношения обратной обусловленности.

Цәҕанҕәы ажәҕан ҕқәашааза ишықазгъы, ганкахъала адыд бжы даара аҕаргәгәеит (И.П.) – «Несмотря на то, что небо было чистое, где-то на стороне усилился гром»; Узлазбо ала, амайура ҕыц ахь ушааргазгъы, уколнхара каужьырыц угәы итам хәа сыкоуп... (И.П.) – «Как видно, несмотря на то, что тебя перевели на новую работу, ты не собираешься расстаться со своим колхозом».

Организирующим центром уступительной инфинитной конструкции выступает глагол инфинитной формы, образованной:

1) Обстоятельственным элементом **ш** и суффиксом **-гъы:**

Абри ақара д-ш-еилахаз-гъы, Зина сааңсеит хәа лашыңхьызк азәы илмырхацызт (И.П.) – «При всей своей занятости Зина никогда не выражала никакой жалобы никому»; Саида абри ақәад абыржәада и-ш-ылымба-гъы, изеиңшразаалак хырға азылымуйт (И.П.) «Несмотря на то, что Саида впервые видела эту бумагу, она на нее никакого внимания не обратила».

2) Суффиксами условного наклонения **-з, -зар** в сочетании с суффиксом **-гъы:**

Дзацәажәо ауаҕы ажәак имеикразы игәы итам-зар-гъы ашьшыхәа дзырғауа дтәа-зар-гъы, иара ицәажәашьа ицәажәашьан, иңсахуамызт (И.П.) – «Если даже собеседник его не собирался спорить с ним и молча слушал его, он не менял характер своего разговора»; Аҕныкаҕагата матәахә еидгалоуп, инагзаны иқам-зар-гъы (И.П.) – «Строительный материал собран, хотя не полностью».

Инфинитной конструкции такого состава может предшествовать усилительная частица **-иаг(ь)а**.

Иага мы́камабара ихиг-а-р-гьы уи агэыгара зынза ғыцааша ақамызт (И.П.) – «С какими бы трудностями он не сталкивался, та надежда не угасала никогда»; *Иагья шыжьы шэнеиргьы, шэара шэаңхьа инеиша рацаахоит* (Д.Гэ.) – «Как бы вы рано ни пришли, многие опередают вас».

Уступительная инфинитная конструкция примыкает к остальной части предложения интонационно. Позиция ее не фиксирована. Чаще встречается в препозиции, реже – в постпозиции.

Егья гьангьашра ны́каагаргьы, акы ихахоит хэа сы́кам уи ауаф ифьы (Д.Гэ.) – «Что бы мы ни придумали для него, ничего от него не добьемся»; *Иара изеилымкаауа ды́камызт аугара Зина дшацэшоэз, егья бзиа еибобо и́казаргьы* (И.П.) – «Он не мог не знать, что Зина боится вражды, как бы она его ни любила».

Как показывают примеры, значение уступительности, выражаемое уступительной инфинитной конструкцией, может быть реальным, ирреальным, предположительным и потенциальным.

Сравнительная инфинитная конструкция

Между сравнительной инфинитной конструкцией и остальной частью предложения устанавливаются собственно характеризующие отношения, основанные на ассоциативной связи между содержаниями обеих частей предложения. Инфинитная конструкция своим содержанием характеризует содержание другой части предложения путем сравнения.

Хэыцгьы дугьы ахы́ңны и́цазшэа аш́та тьы́кка и́кан, тынчран («Алашара») – «Двор был пуст, стояла тишина, словно все (и молодые, и старые) перевелись куда-то»; *Дшеилахэаз азы даларыжьызшэа, деилабааза... иагараан афны́ка дгэарлахьан* («Алашара») – «Много раз он возвращался домой мокрый, словно бросили его, не раздев, в воду»; *Урт хакьңсыкьуеит, ихакьңсыкьуеит и́ццакзошэа рхы амца акызар арцааха рымамшэа* (А.Г.) – «Они идут впопыхах, словно очень спешат (словно некогда им тушить пожар на их головах)».

Организующим центром сравнительной инфинитной конструкции выступает призрачная инфинитная форма глагола, образованная суффиксом **-шэа**.

Анышэ иартазшэа ины́каба и́цеит рхэыш́таара алфа (А.Г.) – «Словно закопали в землю, исчез дым их очага»; *Лычхара хыжжэеит акэиц даграгыло-шэа...* («Алашара») – «Терпение лопнуло у нее, словно стоит на горящем угольке»; *Хыхь ажэфанаф, ауасақәа хэуа и́кәу-шэа ибыбыш-быбышза а́стхэақәа а́фаңсан* («Алашара») – «В небе, словно пасущиеся овцы, виднелись разбросанные куски белых облаков»; *Саншья иңхэыс, иихэогьы лмахэзоз-шэа, дышцозгьы лымбазоз-шэа дышгэрымыц дыгэрымуан* (Ф.И.) – «Жена моего дяди ворчала по-прежнему, словно не слышала, что тот говорит и не замечала, что тот уходит».

С сравнительным значением может выступить и инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы с обстоятельственным элементом **-ш**. В этом случае за конструкцией следует слово **аиңш**, «**похоже, подобно**», с сравнительным значением.

Асаби иан д-шыгэхьааиго еиңш, афны гэхьаазго салагеит (Н.Х.) – «Я стал скучать по дому, как ребенок скучает по матери»; *Амцхэгы и́тахзамызт, аха фба-хңа фырцъан еснагь дазхьуан, ацгэы ашша и-ш-азхьуа еиңш* (А.Г.) – «Он лишнего не употреблял, но любил выпить две, три рюмки водки (как кот любит есть жир)».

Сравнительная инфинитная конструкция встречается в начале, середине и конце предложения.

Урт зегьы... хьантараханы иара ихэда и́кәхазшэа дтэан (А.Г.) – «Он сидел так, словно все тяжести бросили на его шею»; *Мыкэ аш́тахь дыңшуамызт, ус адэны́катэи бжьык дазызырфуашэа дтэан* (А.Г.) – «Мыку не смотрел на двор, сидел так, словно слушал какой-то внешний звук»; *Иңайда кьафқәа рйыхэақәа қәацқәацо и́кьышэа жәпа ааирцэиит, ашхырцаагь и́цхазшэа* (А.Г.) – «Он пошевелил своими короткими усами, словно ужалила его оса».

Деепричастные инфинитные конструкции

Деепричастные конструкции по своему грамматическому значению значительно отличаются от других вышеописанных кон-

струкций. Это связано с грамматическими возможностями деепричастия, выступающего организующим центром соответствующих конструкций. Особенность деепричастия по сравнению с другими вышеописанными глаголами инфинитной формы заключается в том, что оно не обладает формами грамматических времен глагола. Деепричастие обозначает лишь действие, которое предшествует, совпадает или, в редких случаях, следует за временем глагола-сказуемого¹.

<i>сыџуа саауеит</i>	«Я иду бегая» (дословный перевод)
<i>сыџуа сааит</i>	«я пришел бегая»
<i>сыџуа саауан</i>	«я шел бегая»
<i>сыџуа саан</i>	«пришел бегая...»
<i>сыџуа саахьеит</i>	«я пришел уже бегая»
<i>сыџуа саахьан</i>	«я пришел уже бегая»
<i>сыџуа саап</i>	«я приду бегая»
<i>сыџуа саашт</i>	«я приду бегая».

Как видно из примеров, деепричастие *сыџуа* «бегая», не имея собственного значения грамматического времени, сочетается с глаголом-сказуемым во всех временных формах.

В отношении же наклонения деепричастие совершенно нейтрально.

Само собою разумеется, что деепричастие, не имея значения грамматического времени и наклонения, не может быть организующим центром предикативного словосочетания.

Следовательно, квалифицировать деепричастный оборот как придаточное предложение не только необоснованно, но и ошибочно.

Деепричастие в абхазском языке, как и в большинстве иберийско-кавказских языков, обладает полной парадигмой субъектно-объектных лиц и соответствующей связью с субъектно-объектными компонентами. И эта черта объединяет его с другими глаголами инфинитной формы. Однако одни субъектно-объектные отноше-

ния вне категории модальности не могут формировать значение предикативности.

Глаголы инфинитного образования (за исключением деепричастий) обладают одной морфологически выраженной формой, которая дает им возможность выступить в позиции сказуемого¹. Это – вопросительная форма. Вопросительной формой обладают как причастные, так и обстоятельственные образования.

Иаџхьо – читающий (тот, кто читает):

Иаџхьо-да? – кто читает (читающий есть кто)?

Изыџуа-да? – кто пишет (пишущий есть кто)?

Узыџхьо – что ты читаешь:

Узыџхьо-зеи? – что ты читаешь?

Уанцо – когда ты идешь:

Уан-ба-цои – когда ты идешь?

Ушцо – как ты идешь:

Уш-џа-цои? – как ты идешь?

Уахьцо – куда ты идешь:

Уа-ба-цои? – куда ты идешь?

Связь вопросительной формы с категорией предикативности проявляется в том, что, принимая вопросительную форму, глаголы инфинитного образования получают одновременно значение абсолютного времени. А абсолютное временное значение, как известно, является одним из непереносных условий формирования категории предикативности.

В описанном случае глагол инфинитного образования может стать организующим центром вопросительного предикативного словосочетания.

ХыНтџ Арсана дабанхо? (Б.Шь.) – «Где живет Хинтба Арсана?»;
Узхыччозеи, мшџан, Дамеи? Узхыччозеи, мшџан, сымхџеи? (Б.Шь.) –
«Над чем смеешься, Дамей?»; *Нан, нан, сыџкџын, уабадџықџлеи,*
иухџыцуазеи? (Б.Шь.) – «Сын мой, куда ты отправляешься, что ты
задумал?!»; *Ас ишџақџалеи џауадк инхартџаџ? (Б.Шь.) – «Как могло*

¹ См. подробнее об этом: Ш.К. Аристава. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, 1961, стр.

¹См. подробнее об этом: Ш. К. Аристава. Простое сказуемое в абхазском языке. Труды Сухгоспединститута, выпуск XVIII–XIX. Сухуми, 1966, стр. 239.

случиться такое в доме дворянина?»; Аҳцәа зыцәшәазеи? Аңсныҭа иҭоузеи? (Б.Шь.) – «Чего испугались цари? Как дела сейчас в Абхазии?»» Бадра, дабакоу Иаков уаста? (Б.Шь.) – «Бадра, где находится Яков-плотник?»; Нас ианбауҭыло ууацәа, уҭахцәа? (Б.Шь.) – «Когда тебя встретят родные, друзья?»

Однако, включаясь в предложение, описанное предикативное словосочетание теряет вопросительную форму и вместе с ней и вопросительное значение. Поэтому в составе предложения инфинитная конструкция не может быть носителем вопросительной формы и вопросительного значения. Предложение, в состав которого входит инфинитная конструкция, может быть вопросительным. Однако в этом случае носителем вопросительной формы и соответствующего вопросительного значения является сказуемое, а не глагол инфинитного образования, являющийся организующим центром инфинитной конструкции.

Шәара ашкол аҭы шәаннеи, аңхьара иалагахьазма – «Когда вы пришли в школу, занятия уже шли?»; Аңхьара иалагахьазма, шәара ашкол аҭы шәаннеи? – «Занятия уже шли, когда вы пришли в школу?»; Даеа хҭыск игәалашәома Анкьа ихигахьаз иара? (Б.Шь.) – «Помнит ли он случай, который когда-то был с ним?»; Уаниама хҭацха анаҭыз абылра? (Б.Шь.) – «Был ты, когда горела наша апацха?»

Что касается деепричастия, то оно не имеет вопросительной формы ни морфологически, ни в составе конструкции.

Таким образом, в абхазском языке не наблюдается случая, когда инфинитная конструкция в составе предложения была бы носителем предикативного значения.

Однако это вовсе не означает, что в абхазском языке нет придаточных предложений. Как отмечено в специальной литературе¹, встречается около трех типов придаточных конструкций, характеризующихся как инновации.

К ним относятся такие сложные предложения, между предикативными частями которых устанавливаются подчинительные причинно-следственные отношения.

Однако в придаточной части этих предложений не встречаются глаголы инфинитного образования в роли организующего центра. В этой функции тут выступают те глаголы финитной формы или финитного значения, которым свойственна функция предиката.

По своему грамматическому значению и той роли, которую они играют в синтаксической организации предложения, инфинитные конструкции делятся на конституирующие и распространяющие.

К конституирующим относятся субъектная и объектная инфинитные конструкции.

¹ См. подробнее об этом в статье Л.П. Чкадуа. Сложное предложение в абхазском языке, «Известия» АБИЯЛИ, 5. Тбилиси, 1976, стр. 36.

ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СВЯЗАННЫЕ С ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ

Структурная основа предложения при функционировании может претерпевать различные видоизменения; не вызывающие ее разрушения. В этой главе мы затронем наиболее характерные ее изменения.

Неполнота поликомпонентной структурной основы предложения

Полной или неполной может быть лишь поликомпонентная структурная основа предложения. Изменения же, возможные в монокомпонентной структурной основе, сводятся лишь к ее видоизменениям в модально-временном плане.

Синтаксический индикатив

Наст. вр.	<i>Шоит «Рассветает»</i>	<i>Зынроуп «Зима есть»</i>
Прош. вр.	<i>Шан... Зынран</i>	
	<i>Шеит</i>	–
	<i>Шон</i>	–
	<i>Шахьеит</i>	–
	<i>Шахъан</i>	–
Буд. вр.	<i>Шан</i>	–
	<i>Шашт</i>	–

Вопросительные формы

Наст. вр.	<i>Шома? «Рассветает?»</i>	<i>Зынроума? «Зима есть?»</i>
Прош. вр.	<i>Шазма?</i>	<i>Зынразма?</i>

<i>Шама?</i>	–
<i>Шома?</i>	–
<i>Шахьоума?</i>	–
<i>Шахъазма?</i>	–

Буд. вр.	<i>Шарыма?</i>	–
	<i>Шашама?</i>	–

Синтаксические ирреальные наклонения

Побуд. накл.	<i>Шааит!</i>	–
	<i>Шароуп!</i>	–
Желатель. накл.	<i>Шанда!</i>	<i>Зынрада!</i>
	<i>Шандаз!</i>	<i>Зынрандаз!</i>
Сослагат. накл.	<i>Шарын!</i>	–
	<i>Шашан!</i>	–

Монокомпонентная структурная основа предложения не знает изменения по синтаксическим лицам, она функционирует лишь со значением третьего синтаксического лица.

Частичное опущение субъектного компонента

В предыдущей главе мы отметили тот факт, что возможно лишь частичное опущение субъектного или объектного компонента структурной основы. Полное же удаление того или иного конституирующего компонента структурной основы вызывает ее разрушение. Следовательно, говоря об опущении субъектного или объектного компонента структурной основы, мы имеем в виду частичное их опущение.

Наибольшее распространение имеет опущение субъектного компонента. Оно может быть вызвано различными причинами и происходит при строго определенных случаях.

1. Контекстуально-синтаксическая обусловленность и стилистическая избыточность

Синтаксическая обусловленность опущения субъектного компонента заключается в том, что во всех случаях его опущения в предикате сохраняется его грамматический эквивалент, т.е. субъектный аффикс, который указывает на синтаксическое лицо (число и класс) отсутствующего субъектного компонента. Такая синтаксическая определенность субъектного компонента делает стилистически избыточным повторение его в каждом последующем предложении. Это бывает, когда субъектный компонент выступает с определенно-личным значением, синтаксическое субъектное лицо в данном случае имеет полную свою парадигму.

Алџақ иашаны, икәалкәало ахәыштәара иахакнаҳаз архышьна илаңш адхалашәа, еилабылхәаз аңсуа мца игәышпы атаны, дхыр-сысуа аеҳәа д-ыеҳәатәан Екәың. Ахәылбыеҳа, амца агәгәахәа еикәылаанза, ибымба кьае иеылаҳәан, дааскьазаны амца д-аїхон; нас азгәб фархкәак лааирган, агәгәахәа ар рымца анеикәица, мац-мац шытахька дхәйуа д-алагеит. Цкьа аңхарра анилс, иҳәынцәрақәа ааңиртлан иңсы ааив-и-геит, аха уигьы рацәак имыхәеит. Ибымба кьае ааишәыхны акәардә инахишьын, иара атзахьы д-еитанаскьеит. Уи икәақәа анынкыдица, цәаакырак наидлазшәа, ашырхәа д-аакәтәан деаа-и-рееит (Н.Кәытцниа «Акырцх ашьтахь», 3) *«Упершись взглядом в черную от сажи цепь, висевшую над очагом, грудью к потускневшему абхазскому очагу, зевая, сидел Екуп. Вечером, пока огонь не разгорелся хорошо, закутавшись в ватник, совсем близко подсел к очагу, затем заставил девушку принести дров, разжег костер и стал постепенно отходить от очага. Когда хорошо согрелся, растягнул ватник, передохнул немного, но и это не очень помогло ему. Сняв с себя фуфайку бросил ее на стул и приблизился опять к стенке. Когда прислонился к ней, словно прикоснулся к чему-то мокрому, отскочил от нее и привел себя в порядок».*

Следует отметить, что опущение субъекта возможно не только в тексте, состоящем из предложений с одним субъектом, но и в тексте, состоящем из предложений с разными субъектами.

Икаларын аїх агәы еиџнашахьазар, икаларын ашара адәы иаакәлозтгьы. Уртқәа издыруам Екәың. Иидыруа акызаїдәык ауп: иаалыркьан, ашьацхәа иаџашәаз агыгшәыг еиңш, днышытагәа хьа-ак дакит уи ауха. Ишыцәгьараз акара идырт, аха, анацәалбеит, сышпахәнатәри иаразнак, ичҳаны дааиеит акыргьы. Аџнаїака итәаз, уаҳа неихыркәа змамыз, быстәхь-фарамза акгьы ззымды-руаз рла зны-зынла иакәы-мыулон акәымзар, адаеа шытыбжьык ыкамызт. Зегьы таҳәахаа ицәан. Рыцәаңсымта иалихырц шитәхымызгьы, азәы саагәеитәнда ааигәахәт. Даауазырит, сыб-жьы раҳанда хәа акәымкәа, ихьаа ааизымычхакәа... Деиханы, ииу-лакгьы, ииартәа дныкәтәеит, аха иеизыриашомызт (Н. Кәытцниа, «Акырцх ашьтахь», 13). *Возможно, уже полночь, возможно, уже рас-светает. Ничего не знал Екуп. Одно он знал: неожиданно, словно зверь, попавший в капкан, какая-то боль скрутила его в эту ночь. Понял, что не сдобровать ему, но, надеясь, что боль все же, пройдет, прилег на некоторое время. Не было другого звука, кроме того, что лежавший в подвале старый пес, последним и единственным занятием которого было есть мамалыгу, иногда издавал какие-то глухие звуки. Все спали глубоким сном. Не хотел будить их, но «за-метил бы меня хоть кто-нибудь», подумал (он). Застонал не для того, чтобы заметили его, а от недомогания... С трудом припод-нялся, но выпрямиться не смог...»*

2. Структурная основа с обобщенным синтаксическим субъектным лицом

Опущение субъектного компонента с сохранением его форманта в предикате характерно и в том случае, когда он (субъект) выступает в предложении с обобщенным значением синтаксического лица. Опущение субъектного компонента в данном случае носит наиболее закономерный и стабильный характер. Однако не исключено и его сохранение, о чем будет сказано ниже.

Примечательно то, что в качестве субъектного форманта в данном случае в предикате выступает показатель второго лица единственного числа подкласса мужчин **у** с обобщенным значением лица, числа и класса.

Афадахътәи ахәы харак ақәцә уқәгылань уанңшлак, уцака ам-шын дук агәы унхыңшылазшәа и-у-боит уи ачаиртә... Ус и-у- боит шыыжымтәан... (И. П.) – «Когда посмотришь с вершины горки, внизу увидишь, словно море, чайную плантацию. Так видна она утром».

Формант **у** в данном случае используется применительно и к словам с семантикой подкласса женщин, что исключается в других случаях.

...Уаргъа шыапы нхы-у-гоит ашәхымс... Нас – уарма. Назазаз... Атацафызцаагъ, егъырт, ифналогъы иршәу шкәакәоушәа у-боит. Нас гәыблаак азна ашырз наудыркуеит. Ауадақәа акакала урыфнысуа, ахәицә-хәицәхәа и-у-кьоит. И-у-кьоит ашырз... Ус ухы уфәхан, иуфәршәу укасы цәгаза уалңшыны у-на- рылаңшыхуеит... (А.Г.) – «Правой ногой переступаешь порог. А затем левой. Навсегда... Кажется тебе, что подружки невестки и все другие одеты в белое. Затем подадут тебе миску проса. Проходя по комнатам, разбрасываешь его... Подняв голову, сквозь тонкую косынку посмотришь на людей...».

Обобщенное значение лица, числа и класса сохраняется в случае опущения субъектного форманта **у** в предикате. Это бывает при предикате, выраженном переходным глаголом положительной формы, в повелительном наклонении.

Нхафцас кыру, аамстәцас крыф (Поговорка) – «Работай по-крестьянски, ешь по-княжески»; Азәы изы икаца, ухапы ица (Поговорка) – «Делай для другого, учись для себя»; Уфатә агъама убайәкьарц утахызар, умаашьан, аеага кы, аиха кьа... («Алашара») – «Если хочешь почувствовать вкус еды, то не ленись, трудись».

Есть в языке закономерные случаи, когда субъект с обобщенным значением лица, числа и класса сохраняется. В таких случаях в качестве субъектного форманта в предикате выступает показатель третьего лица единственного числа класса человека **д** (при предикате, выраженном непереходным глаголом) или **и** (при предикате, выраженном переходным глаголом).

Ауафы иңсы ахьынзатәу зегъы д-реигәыглароуп (Поговорка) – «Человек, пока он жив, должен надеяться на все».

Следует отметить, что субъект в описываемом случае имущественно выражен инфинитной конструкцией.

Ар ирнымиац д-хаца гәгәоуп (Поговорка) – «Тот герой, кто еще не встречался с войском»; Азыршы иацәшәаз амца д-ақәңалеит (Поговорка) – «Тот, кто испугался горячей воды, прыгнул в огонь»; Азы иаңну азы аңан (и)-и-дыруеит (Поговорка) – «Кто живет у реки, тот знает ее брод»; Сах хәа зоухәаз стәы хәа уе-и-хәоит (Пословица) – «Кого ты назовешь своим господином, тот назовет тебя своим слугой».

Легко заметить, что обобщенное синтаксическое лицо не имеет своей парадигмы.

В модально-временном отношении структурная основа с обобщенным субъектным синтаксическим лицом не имеет особых ограничений. Однако в пословицах и поговорках она встречается в определенных (всегда воспроизводимых) модально-временных формах.

Зыккәын дымңсыц уцкәын ди-у-мыр-цәыуан (Поговорка) – «Не давай оплакивать своего сына тому, кому не приходилось оплакивать своего сына»; Ахатхәыжә итәу умбакәа у-ахымччан (Поговорка) «Не смейся над бурдюком, предварительно не заглянув в него»; Ухатәы збаны збара у-ца. (Поговорка) – «Прежде чем судить другого, осуди самого себя».

3. Структурная основа с неопределенным синтаксическим субъектным лицом

При предикате с неопределенным синтаксическим субъектным лицом опущение субъектного компонента является обычным. Оно носит систематический характер. В качестве субъектного форманта в данном случае выступают в предикате показатели третьего лица множественного числа **р//д, и**. Формант **р/д** – диссимилятивный вариант префикса **р** – выступает в качестве субъектного показателя при переходном глаголе-предикате.

Алиас дтә-р-кит (Д. Гә.) – «Аляса посадили»; Даныхәычыз абри акәара зылан дамоуп хәа дацә-д-ыршәалон (А.Г.) – «В детстве пугали русалкой, которая будто водилась в этой речке»; Ауапакайара ззымдыруаз азы лаа-д-ыргон (Пословица) – «Посылали по воду ту, которая не умела делать бурки»; Талбашьс хәа Торкан дка-р-цеит (Д.Гә.) – «Торкана назначили тамадой»; Аказармақәа ататынрцәара иаз-д-ырхион (И.П.) – «Сарай готовили к сушке табака»; Аизарафы

Заур президиум ахь иңханы д-д-ыртәеит (И.П.) – «На собрании Заура пригласили в президиум»; *Саидагы уахь д-д-ыртәар р-таххеит, аха илымуит* (И.П.) – «Пригласили в президиум и Саиду, но она не согласилась».

При непереходном глаголе-предикате в функции субъектного показателя выступает **и**.

Аусхәартә хантәйуаны араион аҕынтә ателефон и-асит (И.П.) – «В тот момент, когда мы выходили из здания сельсовета, позвонили из района»; *Сара арра и-сыңхәеит...*, *ирласны сеиқәыршәа, мфаныфакгы аасзырхиа* (И.П.) – «Меня призвали в армию, быстро собери меня и приготовь провизию»; *Асуд ашахатцәа и-рызцааит* (Д.Гә.) – «На суде опросили свидетелей».

При предикате с неопределенно-личным синтаксическим субъектным лицом использование первого и второго лица как единственного, так и множественного числа исключается. Замена третьего лица множественного числа другими лицами вызывает утрату значения неопределенности.

Например, сравним:

Алиас дтә-р-кит;
Алиас дта-с-кит;
Алиас дтә-у-кит...

В модально-временном отношении структурная основа с неопределенным синтаксическим лицом не имеет ограничений. Однако преимущественно она употребляется в временных формах синтаксического индикатива.

Оымчыбжьа-хымчыбжьа ниасуаны, излакала сыздыруам, аш-кол аҕы срыды-р-кылеит (Д.Гә.) – «Через две-три недели, не знаю, как случилось, меня в школу приняли»; *Шәымшәан, уигы доу-рыштып, Камачыч хәычы лынасың кралазар* (Д.Гә.) – «Не бойтесь, его освободят, если маленькая Камачич имеет какое-либо счастье»; *Дагыымҕа-д-ырсхәеит лара, рхәон урт, еиҕахәйтхәйтны ицәйҕаччо* (И.П.) – «Ее раз похищали, сказали они, злорадствуя».

Опущение субъектного компонента в описываемом случае не связано с его неизвестностью или отсутствием в мысли. Оно обусловлено неопределенным значением синтаксического субъектного лица, что исключалось бы при наличии в предложении субъектного компонента.

Это видно хотя бы из того, что субъектный компонент в подобных предложениях легко восстанавливается.

Например: *Толбашьс хәа Төркан дка-р-ҕеит* (Д.Гә.) – «Тамадой назначили Торкана» (Ясно, что тамадой назначили Торкана те, кто пили с ним).

4. Структурная основа предложения с побудительной модальностью

Опущение субъектного компонента характерно также при побудительной модальности. Явление это носит закономерный характер, когда предикат выражен глаголом в повелительном наклонении.

...Кәрышкәак узынахаштәеит, ҕыхәышәтәра у-ца. Иуылым-шозар лабак уеанҕа! Абарт, ырытных иуыгу-иубзоу... – «Высылаем тебе несколько рублей, поезжай лечиться! Купи, что тебе необходимо!»; *У-аарылаңшишь арт, иеыжәйыз, Зәыр дудыруазар аасырха!..* (Б.Шь.) – «Посмотри на этих спешившихся, если кого-либо из них знаешь, то скажи мне»; *Уи асалам шәкәы у-аңхь...* («Алашара») – «Прочитай это письмо...»

Однако не исключена возможность употребления субъектного компонента и в данном случае.

Уҕсынҕры духааит, дад, у-ца. Шә-ца зегы («Алашара») – «Дай бог тебе долго жить, дад, иди. Идите все»; *Уи шәйҕамшыыцын шәара!* («Алашара») «Вы не завидуйте ему!»

Субъектный формант при побудительной модальности выступает в предикате со значением определенного синтаксического лица (числа и класса).

Дау-аасҕаңшишь, дау-аасҕаңшишь, ублатбаақәа сынтарҕишь! (Б.Шь.) – «Взгляни-ка на меня, дай всмотреться в твои большие глаза!»; *...Ахкәажәцәа у-рылаңш, у-хәмар, у-кәаша!* (Б.Шь.) – «Посмотри на цариц, пошуты, попляши!».

При побудительной модальности, когда предикат выражен положительной формой повелительного наклонения, субъектный формант второго лица единственного числа в предикате опущен.

Азә джъа, азәгъы дкы, иаанхазгъы даных! (Б.Шь.) – «Кого-то, обдури, другого скрути, остальных уничтожь!»

Однако случай этот, как известно из специальной литературы, обусловлен историческим состоянием языка.

Как показывают материалы, и в данном случае мы имеем дело не с структурным отсутствием субъектного компонента, а его частичным опущением.

Обобщая вышеизложенное относительно опущения субъектного компонента, можно сделать следующие выводы:

1. Структурное отсутствие субъектного компонента мы имеем, как правило, в монокомпонентных структурных основах типа: *Шеит* – «*Рассвело*»; *Хәлеит* – «*Стемнело*»; *Хьтәуи* – «*Холодно*», в которых отсутствует и субъектный формант.

2. Встречаются немногочисленные случаи, когда и в поликомпонентной (двухкомпонентной) структурной основе предложения отсутствует субъектный компонент. Структурное отсутствие субъектного компонента в данных случаях доказывается параллельным отсутствием субъектного форманта в предикате.

Абарт ахәычкәа ирыцхраатәуи – «*Этим детям надо помочь*»; *Амагазин афы иаанагеит аба* – «*В магазин привезли (привезло) товар*»; *Уи хара хәхьыкоу архәтәфы днанагеит* – «*Он попал (его привело) в нашу часть*»; *Исгәалашәом иахьыкәу, аха абри ауха Борис цъара дагеит* (Н.К.) – «*Не помню куда, но Борис в ту ночь куда-то пошел (его повело)*».

3. При структурном отсутствии субъектного компонента одновременно отсутствует и субъектный формант в предикате. При опущении же субъектного компонента в предикате сохраняется субъектный формант.

4. Таким образом, структурное отсутствие субъектного компонента обуславливает отсутствие субъектного форманта в предикате. Наличие же субъектного форманта в предикате при отсутствии субъектного компонента сигнализирует об опущении субъектного компонента в предложении.

Опущение объектного компонента

Конституирующий объект, будь то ближайший или косвенный, всегда обозначается в предикате объектными формантами. Однако наблюдаются случаи опущения объектного компонента в предложении. Естественно, об опущении объектного компонента можно вести речь лишь в тех поликомпонентных основах предложения, в которых он (объект) структурно наличен. Объектный компонент структурно отсутствует в однокомпонентных и субъектно-предикатных основах предложения.

Опущение объектного компонента, как и субъектного, обуславливается различными причинами.

1. Контекстуально-синтаксическая обусловленность и стилистическая избыточность

При контекстуальной определенности конституирующий объект может опускаться в последующих предложениях во избежание стилистической избыточности. Возможность опущения объектного компонента обусловлена главным образом наличием объектного форманта в предикате. Объектный формант в предикате указывает на лицо, число и класс объекта. Он указывает также на то, что опущенный компонент является именно объектом. «Объектный формант – это фактически грамматический эквивалент объектного компонента структурной основы предложения, что дает основание говорить не о полном, а частичном опущении объекта.

Убри нахыс дысцәымгын сара Иатма. Исылшомызт акәымзар, иара убри аеынгъы снаихъзаны ицәа д-тысхуан, дааган Санарда Едгәац-иңа иаңхәа ишьамхкәа арсны д-сыргылон (Н.К.) – «*Я с этих пор возненавидел Ятму. Если бы я мог, то и в тот день заставил бы его стать на колени перед Санардой*»; *Еснагъ еиңш, уажәгъы лара днымфәхыңны абна еыгәра днылапкәашт, сара истәхуп цъара акала д-ааныскыларц. Истәхуп амфәду ианыршәланы нак афныка сфынасхап смида-гәидаха* (Н.К.) – «*Как всегда, сейчас она завернет в лес, а я пойду дальше по большаку домой с подавленным настроением. Хочется, во что бы то ни стало остановить ее*».

2. Обобщенное значение синтаксического объектного лица

Объектный компонент опускается обычно в тех случаях, когда он выступает в предложении с обобщенным значением синтаксического лица. В качестве объектного форманта в предикате уступает в этих случаях показатель второго лица единственного числа подкласса мужчин **у** с обобщенным значением лица, числа и класса.

Нас атџа лзыхџа ирхианы иџоу ауада у-ныџнаргалойт. Аџкџын дааган ушьамхы дныџдыртџойт... Абри аџнатџ айџџаншьџап змырзша ахаџарџыс раџхџа уџџа далашџарџ (А.Г.) – «Затем заведут тебя в комнату, предназначенную для невестки. Посадят мальчика на твои колени..., чтобы первый ребенок родился мальчиком – продолжатель рода»; Апарк аџы и-у-аџауан амшын ашьџыбџь... (И.П.) – «В парке был слышен шум моря»; Арсынтџи и-у-бартџан апрезидиум аџны игылоу атџартџаџа (Алашара) – «Отсюда были видны стулья, которые стояли в президиуме»; Дигџа ишьџапы машџыршџа уџџахарџы у-ирџџаџуейт... (А.Г.) – «Если окажешься случайно под ногами Дигуа, то он тебя задавит»; Лыџшрей лсахџей ыџаџышьџоуп, аха шџыбџџаанза аџџара ада акџы лаџмырбаџаџт... Уаџ длыџхраароуп акџымзар и-у-зыџкалџозей... (А.Г.) – «У нее и рост есть, и вид есть, однако кроме как есть ничему ее не учили, что же она тебе сделает»; Ирмаананы аџџа айџаки у-еилџркаауан («Алашара») – «Иносказательно он умел объяснить (тебе) смысл слова».

Бывают случаи, когда объект с обобщенным значением лица сохраняется в предложении.

Амузыка иаџа-иаџа ихалон. Уи халаџыџхџаза иаџа-иаџа иџсы ахџџоу иаџааигџахон, анап џџандаџа урынџаны у-џышьџнахуан. Иара шџыџџуан, уарџы у-шьџнахуан (Н.К.) – «Музыка все громче и громче раздавалась и хватала за душу, поднимала тебя».

Опущение предиката

Предикат в семантическом и грамматическом отношении является организующим центром структурной основы предложения. В нем сосредоточены грамматические категории лица (числа и клас-

са), времени и модальности, посредством которых формируется предикативность. Опускание предиката невозможно и вызывает, несомненно, разрушение структурной основы предложения. Однако это вовсе не означает, что не бывает случая опущения предиката. Предикат может быть опущен во втором из следующих друг за другом предложений с одним и тем же предикатом. Это бывает в сплошном повествовании (редко) и особенно в диалогической речи.

Зегь раџхџаза илаџш лыџџшџейт Заира, нас – анџџатџи иџџа Шамил (Н.К.) – «Сначала его взгляд упал на Заиру, а затем – на старого его товарища Шамиля»; Нарџаа ашџџык ран Сатџаней Гџашџа лыхџзын, раб – Хнышь («Н.С.») – «Мать ста Нартџов-братџев звали Сатџаней Гуаша, отца – Хныш»; Аџсрахџы, аџарахџ, мамзарџы еизаракахџ џыладџон – ма гџыџџа («Алашара») – «Когда приходилось ему ехать на свадьбу, поминки или на собрание, иногда он ездил верхом на коне, иногда – на муле»; Айџашџыџра хабџџалар хџа дшџаны, акџадыр зны уара иуџџџаны днауџџџойт, даџазны сара («Алашара») – «Чтобы между нами не зародилась зависть, он ездил иногда верхом на тебе, иногда – на мне».

Как это легко заметить, в приведенных примерах функционирование предложений с опущенным предикатом целиком и полностью базируется на контексте, т. е. на предшествующем предложении. Они лишены возможности самостоятельного функционирования. Следовательно, считать их самостоятельными предложениями нет никакого основания.

ПЕРЕСТРОЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как известно, в качестве основных средств фиксации логического предиката в различных языках логики, языковеды выделяют логическое ударение и порядок слов¹. Однако в специальной литературе известны и другие средства в этой функции, одним из которых является предикативное оформление логического предиката. Этот способ выделения логического предиката характерен многим языкам, в том числе абхазскому².

Известно, что логический предикат не привязан к определенному члену предложения. Он может быть выражен любым из конституирующих или неконституирующих членов предложения. Логический предикат в абхазском языке может получить предикатное оформление преимущественно в том случае, когда он совпадает с грамматическим предикатом. В последнем случае к члену предложения, посредством которого выражен логический предикат, присоединяется вспомогательный глагол **акэзаара «быть»**, и котором сосредотачиваются морфологические показатели синтаксических категорий лица (числа и класса) времени и наклонения. Синтаксический же предикат при этом теряет предикативное оформление, принимает инфинитную форму и вместе с относящимися к нему словами берет на себя функцию логического субъекта.

Сравним: 1. *Сара сцаажэоит* – «Я разговариваю»;

2. *Ицаажэо сара соуп* – «Говорящий есть я».

В первом из приведенных примеров логический предикат выражен грамматическим предикатом (*сцаажэоит*), во втором – грамматическим субъектом (*сара*), получившим предикатное

оформление присоединением к нему вспомогательного глагола (*соуп*). Грамматический же предикат *сцаажэоит* при этом потерял предикативное оформление, принял инфинитную форму (*ицаажэо*) и функцию логического субъекта.

Ахэра ахьаа зычхауа ахатца иоуп (Из народной песни) – «Боль от раны потерпит (может скрыть) лишь герой», (букв.: «Терпящий боль от раны есть герой») (Ср.: Ахыа ахэра ахьаа ичхауеит); Иара убри ашэакъ ауп уажэы атахмада егыи ауадакны изкнахау (Н.К.) – «Это ружье и есть то, что у него в другой комнате висит»; «Ус каларгыи калоит, аха иахьа зегьы ауаф иоуп», – ихэеит Екэың (Н.К.) – «Может и так случиться, но сегодня человек всемогущ, – сказал Екуп»; Аха агэашиа афы икоу айеицъ ауп Екэың иаха дзыцэшэо (Н.К.) – «Больше всего боится Екуп того колодца, что у ворот»; *Уынтака роуп Гарик ус аныкаицыз...* (Н.К.) – «Лишь дважды так поступил Гарик»; Абомба афчыа зыкэшахьаз ихы ахьаа анцэырцуаз афа анцысуаз акэын (И.К.) – «Боли от осколочной раны в голове появились у него весной».

Присоединение вспомогательного глагола акэзаара к конституирующим компонентам структурной основы предложения. Присоединение вспомогательного глагола акэзаара к субъектному компоненту

Вспомогательный глагол акэзаара может присоединиться к любому слову, словосочетанию или инфинитной конструкции, выступающим в позиции субъекта, в том случае, когда он (грамматический субъект) выражает логический предикат.

Грамматический же предикат при этом, лишившись предикатного оформления, принимает инфинитную форму и вместе с относящимся к нему словами образует инфинитную конструкцию с единым предметным значением. Конструкция эта в целом берет на себя функцию логического субъекта.

Айафы иоуп ашэакъы иаңхьо – «Читающий книгу есть ученик»; *Темыри Махазы роуп ашкол ахь ицаз* «Ушедшие в школу есть *Темыр и Махаз*»; *Агэакра ауп ауафы дызфо* – «Съедающее человека есть *горе*»; *Амфахэаста ианыланы инеиуаз иоуп адау иеихсыз* – «Вы-

¹ В.З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 115.

² В.З. Панфилов. Указ. работа, стр. 126 и сл.; Л.П. Чадауа. Об одной структурной разновидности предложения. «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 69.

стреливший в великана есть тот, кто шел по тропе (шедший по тропе)».

Иара убри ашэақь ауп уажэы атаҳмада егы иуадакны изкнахау (Н.К.) – букв. «Висящее в другой комнате старика есть то ружье»; Ант агазетқәа роума уафцас ахэычы ихылапшуа... (Н.К.) – «Эти глупцы ли посмотрят за ребенком...»; Чага зымкыц иоуп зыбафқәа злыңсаауа, мчы змам... (Н.К.) – «Бессильный есть тот, кто не трудился»; Разан афны зеггы ирейцбыз иакэын. Иара иакэын абра инхашазгы (Н.К.) – «Младше всех в семье был Разан. Хозяином должен был быть он».

Какова же синтаксическая структура перестроенного таким образом предложения?

Бесспорно то, что синтаксический предикат, лишившись дикативного оформления и приняв инфинитную форму, не может сохранить за собой прежней функции (функции организующего центра предикативного ядра предложения).

Дело в том, что с утерей предикативного оформления магический предикат лишается значения абсолютного синтаксического времени, модальных оппозиций и личных формантов посредством которых выражается предикатная синтаксическая связь. Немаловажен и тот факт, что синтаксический предикат претерпевает одновременно и семантическое переосмысление вместе с относящимися к нему словами он получает единое предметное значение.

Синтаксический же субъект, присоединив к себе вспомогательный глагол **акэзаара**, в котором сосредотачиваются форманты лица, наклонения и времени, получает предикативное оформление. При этом одновременно он теряет функцию грамматического субъекта.

Какая же связь устанавливается между логическим субъектом и предикатом?

Между знаменательной частью логического предиката и вспомогательным глаголом устанавливается связь в лице (числе и классе), причем сохраняется лицо прежнего синтаксического субъекта.

Сара ашэақь с-аңхьоит – Ашэақь иаңхьо сара с-оуп;

Уара ашэақь у-аңхьоит – Ашэақь иаңхьо уара у-оуп;

Лара ашэақь д-аңхьоит – Ашэақь иаңхьо лара л-оуп;

Иара ашэақь д-аңхьоит – Ашэақь иаңхьо иара и-оуп.

Инфинитная же конструкция, принявшая на себя функцию логического субъекта, получает то значение синтаксического субъектного лица (числа и класса), которое обозначено в логическом предикате.

Таким образом, между компонентами логемы устанавливается связь, подобная предикативной. Однако она полностью ее не воспроизводит (предикативную связь).

Дело в том, что вспомогательный глагол **акэзаара** способен изменяться лишь по ряду л.

Следовательно, здесь можно констатировать лишь тот факт, что компоненты логемы – субъект и предикат – несут в себе одновременно и функции соответственно синтаксического субъекта и предиката предложения.

Присоединение вспомогательного глагола к конституирующему объекту

Вспомогательный глагол акэзаара может присоединиться к конституирующему объекту (как ближайшему, так и косвенному), несущему функцию логического предиката.

Сравним: 1. Сара ахэычы д-саазеит – «Я вырастил ребенка»;

2. Сара ацашы с-и-ацэажэоит – «Я говорю с учеником»;

3. Сара ахэычы иоуп исаазаз – «Воспитанный мною есть ребенок» (букв.);

4. Сара ацашы иоуп сзацэажэо – «Я с кем говорю, есть ученик» (букв.).

В третьем и четвертом предложениях соответственно ближайший и косвенный объекты получили предикативное оформление, грамматический же предикат при этом в обоих предложениях лишен предикативного оформления и вместе с грамматическим субъектом образовал инфинитную конструкцию с предметным значением, принявшую на себя функцию грамматического субъекта. И в данном случае между логическим предикатом и субъектом

ектом устанавливается связь, аналогичная связи синтаксического субъекта с предикатом.

Как легко заметить, в обоих вышеприведенных случаях (в случаях присоединения вспомогательного глагола, как к субъекту, так и объекту) двухкомпонентному логическому строению предложения соответствует двухкомпонентный его (предложения) синтаксический состав (инфинитная конструкция, принявшая на себя функцию субъекта, и в синтаксическом плане выступает как один компонент).

Случай этот отмечен и в вышеприведенной статье Л.П. Чкадуа.

Примеры из литературы.

– *Лариса лакәһап узғу? – изеилымкааит Борис азныказ* (Н.К.) – «Ты, видимо, имеешь в виду Ларису? – переспросил Борис»; *Аха агәашә акны аҗеиць ауп Екәың иаха дзыцәшәо* – «Однако Екуп больше всего боится колодца у ворот».

Присоединение вспомогательного глагола акәзаара к синтаксическому предикату

При совпадении логического предиката с синтаксическим к последнему может присоединяться вспомогательный глагол акәзаара с усилительно-выделительной функцией. В этом случае синтаксическая структура предложения не претерпевает никаких изменений.

– *Ы, нас, Цыса, бара бучытлахарц бҗахым акәу?* (Н.К.) – «Цыса, видно, ты не хочешь стать учителем?»; *Сеидроу ианыбҗаша шәкы-зкы быңшаап, амала ари дыммазафхан, ани дңырҗан хәа ахьану аа-ныбхуеит ауп* (Н.К.) – «Найдешь, о чем писать, только сотрешь те места, где говорится о том, что кто-то болеет, кого-то оперировали...»

Присоединение вспомогательного глагола акәзаара к распространителям структурной основы предложения

К объектному и обстоятельственным распространителям, выступающим в функции логического предиката, может присоеди-

ниться вспомогательный глагол **акәзаара**. И во всех этих случаях синтаксический предикат, как и прежде, лишается предикативного оформления.

Присоединение вспомогательного глагола акәзаара к распространяющему объекту

Присоединяя вспомогательный глагол **акәзаара**, распространяющий объект не претерпевает формальных изменений, т. е. вспомогательный глагол присоединяется к послеложной инструментальной или превратительной форме распространяющего объекта.

Лаб даарыхуан жәйтә цәмәтәала... (Б.Шь.) – *жәйтә цәмәтәала акәын лаб дызлаарыхуаз* – «Старинной сохой пахал ее отец»; *Ханашә амакәан иртәит фатәыла* (М.Л.) – *Фатәыла ауп Ханашә амакәан злаиртәы* – «Ханаш заполнил сумку провизией»; *Аашьаф еигәышә ңынҗала азыхь гәеитәит* (Пословица) – *Еигәышә ңынҗалоуп аашьаф азыхь злагәеитә* – «Лентяй кончиком цалды проверяет родник»; *Хьаржәтәыс камбашьк ианакәызаалакгыи иныкәигон* (И.П.) – *Хьаржәтәыс акәын ианакәызаалакгыи камбашьк зныкәигон* – «Для молока он всегда имел одну буйволицу»; *Амхаҗьырра аңсуа жәлар рзы ирыцхара духеит* (М.Л.) – *Аңсуа жәлар рзоуп амхаҗьырра рыцхара духаз*. *Кәышк ажәак уасхәоит амали аңареи рцынхәрас* (М.Л.) – *Амали аңареи рцынхәрас ауп кәышк ажәак зуасхәо* «Вместо имущества и денег дам я тебе один умный совет»; *Иааихәаз ишеибаку...* *Фрац икнйтә иахаит* (И.П.) – *Фрац икнйтә ауп иахьынтәиаха иааихәаз шеибаку* – «Все, что (он) сказал, услышал он от Врача».

Как видно из примеров, синтаксический предикат и в данном случае теряет предикативное оформление и принимает инфинитную форму.

Однако связь логического предиката с ним тут иная. Здесь уже мы не имеем связи в лице, заменяющейся примыканием. Форма распространяющего объекта (послеложная, инструментальная...), присоединившего к себе вспомогательный глагол, повторяется в инфинитной конструкции.

Сравним: *Лаб даарыхуан жэйтэ цаматэала – жэйтэ цаматэала акэын лаб дызла-(а)арыхуаз; Аашьаф еигэышэ ңынцала азыхь гэеитоит – Еигэышэ ңынцала ауп аашьаф азыхь з-ла-гэеито; Амхацыйрра аңсуа жалар рзы ирыцхара духеит – Аңсуа жалар рзы ауп амхацыйрра з-рыцхара духа; Иааихэаз ишеибаку Фрац икынтэ иахаит – Фрац икынтэ ауп иахынтэиаха иааихэаз шеибакэы.*

Отсутствие предикативной связи между логическим предикатом и инфинитной конструкцией доказывает тот факт, что инфинитная конструкция в данном случае не играет конституирующей роли, а выступает в функции распространяющего члена.

Присоединение вспомогательного глагола акэзаара к распространяющим обстоятельствам

К обстоятельственным распространителям мы переходим, минуя атрибутивный распространитель, по той причине, что он (атрибутивный распространитель) не присоединяет к себе вспомогательный глагол. Вспомогательный глагол присоединяется к атрибутивному комплексу в целом.

Жэйтэ цаматэала акэын лаб дызлаарыхуаз. Еигэышэ ңынцала ауп аашьаф азыхь злагэеитаз. Ашэкэы ғыц ауп сфыза истаз – «То, что я дал своему другу, есть новая книга».

Выступая в функции логического предиката, обстоятельственные распространители со значением места, времени, образа действия, цели и др. могут присоединить к себе вспомогательный глагол **акэзаара**.

Абзарбзанкэа рхысыбжь гон уарла-шэарла (Б.Шь.) Уарла-шэарла акэын абзарбзанкэа рхысыбжь шгоз – «Попеременно раздавались пушечные выстрелы»; ...Ахьхьахэа азиас ццакуан (Б.Шь.) – Ахьхьахэа акэын азиас шыццакуаз – «Текла речка журча»; Хыма-ңсыма амашынафы дааит (И.П.) Хыма-ңсыма ауп амашынафы дшааи – «Впопыхах подошел он к машине»; Нартаа рахэшьа Гэында ңшза мрашэа дкаңхон («Аңс.л.») – Мрашэа акэын дышкаңхоз Нартаа рахэшьа Гэында ңшза – «Словно солнце сияла сестра Нартом красавица Гунда»; Шьхацан дыкэын ашьхара, Шьхыңын даван агара (Б.Шь.) – Шьхацан ауп ашьхара даныкэыз, шьхыңын ауп агара данаваз – «Ле-

том пас он овец в горах, зимою – в долинах»; Аңнуцка ауаа рацаа гылоуп, ахэынтқаргы раңхьа дгылоуп (Б.Шь.) – Аңнуцка ауп ауаа рацаа ахьгылоу, ахэынтқаргы раңхьа ауп дахьгылоу – «Внутри стоит толпа, перед толпой стоит государь»; Такэажэык дахьтэаз жьак лкит (Поговорка) – Дахьтэаз ауп такэажэык жьак ахьылк ...Дагьхысит ишьразы (Б.Шь.) – Ишьразоуп дагьызхыс – «И выстрелил он, чтобы убить того».

Как показывают вышеприведенные примеры, синтаксический предикат, потеряв предикатное оформление и приняв инфинитную форму, вступает в связь примыкание с логическим предикатом. Для связи здесь используются обстоятельственные элементы **-ахь, -ан, -ш** и др., которые включаются в глагол инфинитной формы (Л.П. Чкадуа).

Сравним: *Айафы ашкол ахь дцеит – Ашкол ахь ауп айафы д-ахь-ца – «Ученик пошел в школу»; Иахьа айафы ашкол ахь дцеит – Иахьа ауп айафы ашкол ахь д-ан-ца «Ученик пошел в школу сегодня»; Айафы ибзианы ашэкэы даңхьоит – Ибзианы ауп айафы ашэкэы д-ш-аңхьо – «Ученик читает книгу хорошо».*

Претерпев отмеченные изменения, синтаксический предикат берет на себя функцию того компонента, к которому присоединяется вспомогательный глагол.

Следует отметить и тот факт, что логический предикат, получив предикативное оформление, берет на себя функцию синтаксического предиката, т. е. функцию организующего центра предложения, синтаксический же предикат, потеряв предикативное оформление и приняв инфинитную форму, становится организующим центром инфинитной конструкции (при наличии относящихся к нему компонентов), выступающей в функции логического субъекта. В синтаксическом же отношении инфинитная конструкция принимает на себя функцию того компонента, к которому присоединился вспомогательный глагол **акэзаара**.

Таким образом, предложение становится двухкомпонентным и в логическом, и синтаксическом планах.

Выше мы привели случаи перестроения структурной основы предложения, связанные с грамматическим оформлением логического предиката, не совпадающего с синтаксическим предикатом.

Однако следует отметить тот факт, что логический предикат, не совпадающий с синтаксическим предикатом, в абсолютном большинстве случаев не получает подобного грамматического оформления. Выделяется же он посредством логического ударения, служебных частиц и т. д. Во всех этих случаях структурная основа предложения не претерпевает перестроения, т. е. синтаксический предикат сохраняет предикативное оформление и свои функции организующего центра.

Выделение логического предиката ударением

В абсолютном большинстве случаев логический предикат фиксируется соответствующим ударением. При этом логическое ударение может сопровождаться соответствующим изменением порядка слов. Однако порядок слов при отсутствии логического ударения не может быть использован для выделения логического предиката. Положение это можно продемонстрировать на примере.

Сара иахьа Акэака сцоит – «Я сегодня еду в Сухуми», которое может встретиться в следующих вариантах: **Сара** сцоит иахьа Акэака – «Я еду сегодня в Сухуми»; **Иахьа** сцоит сара Акэака – «Сегодня еду я в Сухуми»; **Акэака** сцоит сара иахьа – «В Сухуми еду я сегодня»; **Сцоит** сара иахьа Акэака – «Еду я сегодня в Сухуми».

Однако предикат можно выделить одним логическим ударением без соответствующего изменения порядка слов.

Сара иахьа Акэака сцоит; *Сара иахьа* Акэака сцоит; *Сара иахьа* **Акэака** сцоит; *Сара иахьа* Акэака **сцоит**.

Во всех вышеприведенных случаях (вариантах) синтаксическая структура предложения не претерпевает изменений.

Мы ограничимся вышеизложенным относительно соотношений логического и синтаксического строений предложения, поскольку цель наша не выходит за рамки показа возможных перестроений структурной основы в связи с перемещением в предложении логического предиката.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение – это полипредикативная синтаксическая конструкция, отличающаяся от простого предложения структурно и по объему передаваемого им сообщения. Таким образом, сложное предложение – это целостная синтаксическая единица, представляющая собой грамматически оформленное сочетание предложений и функционирующее в качестве сообщения о двух или более ситуациях и об отношениях между ними:

Ар еибашьуан, Хабыць дцэагзон (Пословица); *Ага итынчу сныгынгылан Ла слызхыцлап, изурызеи, Ацэқырца былгьа-былгьа еишьталан сара схэыцраз ирхэарызеи* Б.Шь.).

Части сложного предложения характеризуются грамматической и интонационной взаимосвязанностью, а также взаимообусловленностью содержания.

Определить сложное предложение – это значит выявить признаки, отличающие его от простого предложения. Структурное отличие очевидно, оно в отличие от простого предложения полипредикативно. В коммуникативном плане различие между простым и сложным предложениями сводятся к различию в объеме передаваемых ими сообщений. Простое предложение сообщает об одной отдельной ситуации:

Ацыс шаахэоит. Аеы хэуеит. Ақәа леиуеит. Амра цхоит.

Сложное предложение сообщает о нескольких ситуациях и об отношениях между ними:

Абгахэыцы тэаны ихэыцуеит, Акармацыс иацашыцуеит, Ашаак ахэарц азбит уи, аха иахэеит «Иауи-уи» (Б.Шь.).

Значением сложного предложения являются отношения, устанавливающиеся внутри сложного предложения и выражающиеся средствами сочинительной или подчинительной связи.

Вслед за «Русской грамматикой»¹ предложения с несколькими сказуемыми при одном подлежащем мы рассматриваем в

¹ «Русская грамматика», том II, Москва, 1982, стр. 462.

настоящей работе как сложные. Такие предложения могут считаться сложными в силу того, что в них сказуемое выражает предикативность. Слова, выражающие предикативность, нельзя считать членами предложения, они сами являются предложениями.

Между предложениями, входящими в состав сложного, существует синтаксическая связь – сочинительная или подчинительная. Связь является сочинительной, если она оформляется сочинительными союзами, подчинительной, если она оформляется подчинительными союзами. В соответствии с этим все сложные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные.

Сложноподчиненные предложения

Сложноподчиненные предложения в абхазско-адыгских языках являются новообразованием. Они находятся в этих языках на стадии формирования. Образуются они по внутренним законам языка, в тоже время этому процессу способствует влияние русского литературного языка. Отсутствует в этих языках и соответственно, собственно подчинительных союзов. Функции подчинительных союзов выполняют отдельные слова и словосочетания.

Функции придаточных предложений в абхазско-адыгских языках, как известно, выполняют инфинитные конструкции.

В настоящее время в абхазском языке встречаются лишь два вида придаточных предложений: причинные и причинно-следственные.

Сложноподчиненные предложения причинные

Между частями сложноподчиненного предложения устанавливаются причинные отношения. Соединяются они словами или словосочетаниями, выполняющими функции подчинительных союзов: **избан акэзар //** **избанзар, избан ухэар, азы, -гьы.**

В этих предложениях главная часть (предложения) всегда предшествует подчинительной части. Подчинительная часть обозначает причину осуществления содержания главной части:

*Зны икэаскэасуа, зны иаатгыло, Аҭыхә акэзар саара ишьтасуа, Цьа ишнеуаз бгахычык, Аҭлахьынтәи иахаит бжык, Инаҭшызар, абна аҭықәан Акармаҭыс амахә икәтәан, Амахә акэзар, шәтыла ихәан, **Избан акэзар** ааҭынран (Б.Шь.); Абла акәиц еиҭш икәеицеиуа, иазынкылом ажәз илеиуа, Абзи ақьышәи еихьнашьуеит, **Избан акэзар** имлашьуеит (Б.Шь.); Сеиҭаҭозар акәытҭара, сцәа сҭазызуеит алашьцараҭ, **Избан акэзар** ашьацхәа, Сакыр алшоит сеимлагәа (Б.Шь.); Нартәа ныкәара иахьцоз Сасрыкәа дрымгеит, **избан акэзар** хара дхашьам хәа драҭәаршьомызт (Аҭс.л.); Амшын схызтәалазгыи иҭабуп хәа расхәоит, **избанзар** еилыскааз убьскак ирацәоуп (В.Ам.); Аҭыхәтәан иагьызбеит, еицәоуп ак қалаанза, иахра ичкәын заҭә имеидарц, **избанзар** даазқәылаз дацәымҭашьо ибон ҭасеиҭш гәамчла дшыгәгәамыз (В.Ам.); Уаара убриақара сеигәырҭеит, **избан ухәар** хара абна халагәышьан, иахьа уажәраанзагыи иара убас хәанхеит, уамак иацахьцәз хәа егьықам (В.Ам.); Иара саргыи аколнхара ус аҭы исзеилымкаауа ҭыт-чытқьыкоуп, **избан ухәар**, Миха ак ихәон, егьырт зынза даҭеак рхәон (И.П.).*

Бывают случаи, когда части сложноподчиненного предложения причины выступают как самостоятельные предложения: *Ажәлар нхауанеи, ацәбаа рбауанеи, нас иарбануамла изакрыз? **Избан акэзар** ажәхәеи амаганеи Хақәитрадан знапы иакыз; Урт лаҭауанеи, урт рашәауанеи, Арахь иҭхьазамаызт уаҭҭсыс? **Избан акэзар** ажәхәеи амаганеи Уажәеиҭш ируаз ҭхьазамаызт хьзыс (Б.Шь.).*

Сложноподчиненные предложения причины и следствия

В предложениях причины и следствия между частями предложения устанавливаются причинно-следственные отношения. В функции союза здесь выступает словосочетание **убри аҭнытә //** **аҭнытә**. Подчинительная часть информирует о причине, главное предложение – о следствии. Подчинительная часть предшествует главному: *Уи иҭыццәа аежыи рфомызт, **убри аҭнытә** меигзарахда ауасажыи рымҭарҭеит (В.Ам.) – «Его товарищи не ели конину, поэтому им подали баранину»; Иихәаз аранза иааҭуамаызт **аҭнытә**, азәи-азәи еимданы еибырхәон (В.Ам.); Есныхәа уахь днабжымсыр иуамаызт, **убри аҭнытә** ицъарымшьазеит Цьгьардақәа сцоит хәа*

ахьрейхээз (В.Ам.); *Уажэ макъана амш акрыкоуп **акнытэ**, Аңсха ас заа ахтныка дшымцоз рдыруан* (В.Ам.).

Союз **акнытэ** следует за зависимой частью и интонационно сливается с ней.

Связь между частями предложения в редких случаях может быть осуществлена интонацией.

В этом случае значение подчинения и причинно-следственные отношения выражаются в отношениях между частями предложения:

Аңсҕазаара иара атэы нанагзоит, уара егъа иутахымзаргъы (В.Ам.).

Причинно-следственные отношения могут быть выражены сравнениями: *Аңсаа рашэабжь убри акара ирацааны игон, еицаажэоз рыбжьы еигэныдуамызт* (В.Ам.); *Алңсаа дзыгѣоу илахь еиха еийихрын, Темыри Зинеи рааста, убыскак игэырфон афыцагъы* (И.П.); *Уи убыскак деиѣнакауан, убыскак ицаа ианаалон, даеа матэак ишэицар дшыкаларыз ахэара цэгъан* (В.Ам.).

Сложносочиненные предложения

Сложносочиненное предложение состоит из двух и более самостоятельных грамматически не зависимых друг от друга предложений, объединенных общей интонацией. Части сложносочиненного предложения соединяются сочинительными союзами или интонацией. В качестве сочинительных союзов встречаются: **аха, нас // насгъы, ма // мамзар, иара убас, ус анакэха, аха уеизгъы, амала, акэымзар // мамзар**.

Союз аха «но», «однако»

Основное значение предложений с союзом **аха «но»** – это противительное значение, которое может сопровождаться с уступительным, ограничительным и другими значениями. В предложениях с союзом **аха** между частями сложносочиненного предложения устанавливаются:

1. Противительные отношения. При этом содержание первой части противопоставляется содержанию второй части, оно мо-

жет сопровождаться уступительным значением: *Агба ақәѣиаара иакэыѣит, аха ацэқэырҕа млашьқэа ишажэлац иажэлон* (В.Ам.) – «Судно перестало разворачиваться, но голодные волны по-прежнему катились на него»; *Митэык бжэамшэа икоуп астэы уахьңшуа, аха амшын ахықә иазааигэазаны игылоу афңкэа рацаак еилганы иубом* (В.Ам.) – «Отсюда когда смотришь, кажется, что недалеко, однако дома, которые стоят около берега не четко видны»; *Ахтынра баагэарала икэыршан, аха настхантэ аштэа утаңшыр алшон* (В.Ам.) – «Царский двор был огражден каменной оградой, но с далека просматривался»; *Аңшқа дани аазара ддэықэырҕарц иақэыркит, аха атэаца амалахазгъы илымуит* (В.Ам.) – «Решили ребенка отдать на воспитание, но невестка категорически не согласилась»; *Адаукэа угэарташт, ихэхаашт, икаашт, аха егъа рхэаргъы, ухьаңшыны урыхэамңшын* (Аңс.л.) – «Великаны заметят тебя, станут кричать, однако ты не обрати внимания на них»; *Нарцъхьоу даеазныкгъы азы иеалаижьит, аха иамуит, нырцака дықэнажьит* (Ахьыр.) – «Нарчхоу еще раз попытался переплыть речку, но его выбросило на берег.

2. Между частями предложения могут установиться отношения следствия, результата: *Леуан лаңшыла уи ахаѣа дкылкааны деитанаихэаңшит, аха дырѣегъых дизымдырит* (В.Ам.) «Леуан на того мужчину еще раз внимательно посмотрел, но не узнал»; *Сызҕаб атырқэа дига закэызеи хэа дыѣкьеит, димсхроуп хэа да-лагеит, аха Кадыр уи илшомызт, избан акэзар Махмет акыр змаз уафын* (И.П.) – «Как можно допустить, чтобы мою дочь забрал турок, я должен вернуть ее, возмущался Кадыр, но он этого не мог делать: Махмет был богат и влиятелен»; *Ажэжэахэа иеааилеихэан дындэылѣит, аха иңсы зыграз ицакэа имбеит* (И.П.) – «Оделся в попыхах, вышел, но любимых своих быков не нашел»; *Даангылан днаңшы-ааңшит, аха азэгъы димбеит* (И.П.) – «Остановился, посмотрел вокруг, но никого не нашел».

3. Между частями предложения могут установиться сопоставительно-допускательные отношения: *Амхы италоит, аха хьарала ибзиоуп, икамбашь барақьатуп* (И.П.) – «В кукурузное поле рвется, но много молока дает буйвол»; *Хык аублақэа аус иартэит, аха егьшырхарамыз анеилыркаа, иоурышьтит* (Б.Шь.) – «Троих убыхов

подали в суд, но когда узнали, что они не виноваты, отпустили их»; Абри а́ара аудшы́лара, айқаңара ы́кан, аха игараз ахәычы акгы́ хьаас и́каимҕеит (Ахьыр.) – «Было столько борьбы и драки, но ребенок в люльке на все это не обратил внимания»; Иашоуп, ирхароу́гы калашт, аха ҳақуп лыңха ры́тазар (Б.Шь.) – «Правда, они где-то виновны, но будет гуманно, если их простить»; Дара рыхык уажәаигәәоуп ианеибадырыз, аха ианыхәычыз аахыс еишы́цызлазшәа еизааигәәхеит (В.Ам.) – «Они трое недавно познакомились, но так привыкли друг к другу, будто с детства были знакомы».

4. Между частями предложения могут установиться значения сопоставления, следствия и ограничения: Даара сыҕе́сырххеит, аха исызгәауа ианалага, сақәшақатхеит (Б.Шь.) – «Долго сопротивлялся, но когда стали обижаться на меня я согласился»; Нартаа ран Са́танеи-Ғәашьа ңшы́нфажәеи зежәфык лы́хшаахьан, аха макъана мрада дкаңхон, мзада дкаңхон (Ахьыр.) – «Мать Нартов Сатаней-Гуаша родила девяносто девять детей, но она пока сияла, цвела»; Ақкәын иан иаха ңхызк збеит ҳәа леиҳәеит, аха иибаз леимҳәеит (Ақс.л.) – «Мальчик сказал матери, что ночью увидел сон, но что именно не рассказал»; Мызкы цеит, ңшы́мызгы́ цеит, аха Нартаа рхабар камлеит (Ахьыр.) – «Прошел месяц, прошло четыре месяца, но вестей о Нартах не было»; Амш цәгъан, аилгарагы́ агәы итамы́зт, аха уеизгы́ анхаца рускәа ирҕын (И.П.) – «Погода была плохая, и не собиралась проясниться, но крестьяне своими делами занимались».

Очень редко союз **аха** следует за вторым предложением: Пахәала мы́цхәы игәы ты́нчын, айбашьра калар еиҳагы́ еиғъеишьошәа, фы́стаа мусхәык иласуеит, баша аңшра игәы ахькы́днахыз иахкьоу издыруам аха (В.Ам.); Апартия иалоу́гы рыгәра ҳазгом, урт еибгоу цыушьоу, еи́таҳатәыс иустом аха (И.П.); Икаларын уи дхәычы аахыс илараа́азаргы́, аимператорра уеизгы́-уеизгы́ абшьтра́ла и́камы́зт дара рҕы аха (В.Ам.).

Как видно из вышеприведенных примеров, из связанных союзам **аха** второе предложение большей частью отрицательное.

Между частями сложного предложения, кроме указанных выше значений, могут установиться и другие нюансы.

Союз ма // мамзаргыы «или»

Предложения с союзом **ма** выражают разделительные отношения, отношения акцентирующие взаимоисключение, несовместимость: Абас абри аңхәы́зба гәымбы́л цьбара рхы лы́кәырҕеит ңшы́нфажәеи зежәфык ауаа, ашәфыкгы́ уара уакәхап, – лхәеит а́такаажә. – Ма сара сакәхап, ма сакәхарым, – иҳәеит Сасы́кәа (Ахьыр.) – «За эту безжалостную девушку положили свои головы девяносто девять человек, ты будешь сотый, – сказала старушка. – Буду или не буду, – ответил Сасы́кәа»; – Сызпоу дсабы́мхәар, ма бара бы́шьуеит, ма сара се́ышьуеит, – иҳәеит Сасы́кәа – «Если ты не скажешь мне, чей я сын, или убью тебя, или я покончу с собой», – сказал Сасы́куа.

Союз **ма** может быть одноместным и неодноместным. При повторном использовании он может встречаться в основном два раза, а иногда и три раза. Во всех этих случаях союз **ма** занимает позицию перед частями сложного предложения: Хаха ианааи́фаҳалак, ма ихы да́мхацәшәон, мамзаргы́ иламы́с изыртынчуа́мызт (И.П.) – «При неожиданной встрече с ней он терялся, или не мог успокоить совесть»; Нартаа ны́кәацаан, шәары́цара, ма қәы́лара и́цалон (Ахьыр.) – «Нарты часто ходили в походы, или на грабежи»; Зина лы́хыз цьара имхәар иуа́мызт. Уи налаи́ршәуан иара, ма акомҕар рты́зшәа данала́цаажәоз, ма аколнхара атәы аниҳәоз, ма ауаа ры́хызкәа анеи́теиҳәоз (И.П.) «Он всегда повторял имя Зины. Он повторял ее имя или когда он говорил о молодежи, или о колхозе, или когда говорил о людях».

В предложениях с союзом **ма** время и наклонения большей частью совпадают.

Предложения с союзом -гыы

Суффикс **-гыы** выступает с функцией союза в сложносочиненных предложениях. При этом между частями предложения устанавливается соединительные, иногда и уступительные отношения. Союз **-гыы** присоединяется к одному из членов предложения (кроме сказуемого): Азы́хь айы́хәан, ахьа наа аду амҕан

акэын хахъеикэшаалоз, ақәа кыдцәозаргы, амра кацеиуазаргы иахпырхагамызт (И.П.) – «Мы встречались в любую погоду ниже родника, у большого кривого каштанового дерева»; Хьыс лашьа дшылбаз еицш гәилшәтцас деикәаңхо дааицрашәеит, леирызгы азы ахьыцәцәа днацыцит (В.Ам.) – «Хьцис, как увидела брата своего обрадовалась и засияла, и мокрый кувшин сняла с плеч»; Ахмат дшааиуаз анырба, ажәқәа аҳәра иакәыцын еибаргызуа агәашә ах рҭаархеит, ахәарақәагы каауа агәашә инадибахәалт (И.П.) – «Коровы, когда заметили Ахмата, перестали пастись и направились к воротам, и телята мыча подбежали к ним»; Икәеицеиуа аиацәақәа цьара-фыцьара инцәыцкьа-аацәыцкьон, зны-зынлагы иаамацәысны илашон (И.П.) – «Звезды блестя появлялись местами, и иногда молния светила»; Ашкол стәоуп, амацурагы салоуп (И.П.) «Учусь в школе и несу службу»; Леуан зегы дрылкааны илацш налыкәшәеит дхәыцаахыс зызбахә иаҳауаз шлакәызгы ааидырит, изыналтихьаз агарагы ааигәалашәеит, иеыхәагы цәць-цәцьуа асахьа ибла иаахгылеит (В.Ам.) «Леуан среди всех заметил ее, понял, что она та, про которую он с детства слышал, вспомнил и люльку, которую она ему прислала, представил и белого коня»; Леуан арабцәа драбашьны аиааира ду иигац иабзоураны нхыци-аахыци ихыцша бзианы иаафит, акырза аҳамтә дугы изаанагеит, инасыцтә лашьынцәгы аҳасабит (В.Ам.) – «Леуан, что выиграл большую победу в войне с арабами слава его увеличила, и больше подарки принесло ему, решило и судьбу его».

Предложения с союзом -нас

Наречие **нас** может использоваться в функции союза сложных предложений. Часть сложного предложения в этом случае передает информацию, следующих друг за другом. Первая часть предшествует второй части: Цытрак иааикәызырфит, нас баша усхәысқәак инрылацәажәеит (И.П.) – «Немного помолчали, потом поговорили о незначительных делах»; Хараза Анакәаңа аганахь, ажәфан иалакнаҳаушәа, иаалашеит, нас, аецәа анкыдшәо еицш еицанфьцәааит (В.Ам.) – «Далеко, в сторону Анакопии, словно висит на небе, просветлело, потом наподобие падающей звезд-

ды, померкло»; Руаф цәфанцәыка ицәауан, Егы ихәда ицкәыруан, нас ишьтәхька ииакьон, анахь-арахь ддырблакьон, Далагалан ддыркәашон, Ажәакала ддыркәамсон (Б.Шь.) – «Один из них подпригивал вверх, другой прижался к шее, затем подбежал к нему сзади, туда и сюда гоняли, заставляли танцевать, одним словом, заставляли плясать»; Слацәп, саарыхп, нас схы стәиуазаргы, шәара шәызхызгаша зандалк сыңшаап (Б.Шь.) – «Посею, соберу урожай, затем постараюсь найти какую-нибудь баржу»; Леуан азныказы икайцара изымдыруа даакәанызанеит, нас илымыхырц избан, дфагылт (В.Ам.) – «Леуан не знал что делать, затем решил отобрать у нее и встал»; Иаахынхәын лөы ркәадырит, нас дынеыжәцаны дрыманы идәықәлеит (Ахьыр.) – «Вернулись, оседлали коня, посадили ее на коня и поехали с ней»; Мыкыц даара икьаф киацәеит, нас ицегьгы даалахфыххеит (И.П.) – «Мыкыч напился и стал бодрым»; Иара зназы икайцара изымдыруа ус длыхәаңшуан, нас ацәца аалымыхын абжеиҳара ижәит (В.Ам.) – «Сначала, не зная, что делать, смотрел на нее, затем он отобрал у нее стакан и выпил полстакана».

Союз -насы

Наречие **насы** используется в функции союза в сложносочиненных предложениях. Между частями предложения устанавливаются соединительно-разъяснительные, причинные отношения: Еснагь еицш длакфәкуан Беслан, бзиа кәсцәеит хәа дшафә ацәгьа алцыр хәа дшәон, насы зыцсы дахылцыз ажәлар ргәы дасыр итәхымызт (В.Ам.) – «Как всегда сомневался Беслан, не хотел обидеть народ свой»; Урт ачҳара гәгәа аадырцшуан, насы ирчҳарц ргәы итән, аха иалцшаз рхатәқәагы ирыздыруамызт (В.Ам.) – «Они проявляли сильное терпение, кроме того они сами не знали, чем это может кончиться»; Сара иахьа гәақрак сьмоуп, Сааит иуасхәарц сеиханы, насы саины ас есымша, Усызбома, сара ицсыша (Б.Шь.) – «Сегодня у меня проблема, примчался к тебе объяснить его, кроме того не могу же я так каждый день навещать тебя»; Сара сшәахәоит, узырфла, Сашәахәашьақәа цала, насы иарбан хахьынкылсыз ицәыршәаган абжы иухылцыз (Б.Шь.) – «Ты

слушай мое пение, изучай манеры моего пения, кроме того, что за голос ты издал тут?!»; Мыкыч иаҳаз иамхацэгъахеит, насгъы Мырзакан итәкра иаргъы ихы дазнархәыцит (И.П.) «Мыкычу не понравилось то, что он услышал, кроме того арест Мырзакана заставил подумать о себе».

Как видно из вышеизложенного, немного в абхазском языке и сочинительных союзов. Единичны слова и словосочетания, выступающие в функции союзов. К ним относятся: **амала «однако», ус анакәха «если это так», иара убас «и так», уеизгъы «все же».**

Союз амала «однако»

Противительный союз **амала (то же, что но)** характерно для разговорной речи, встречается редко в речи художественной литературе: Аамтә иаҳзааиз акыр аҭыцрақәа ҳнарбеит, амала иахьагъы иҭоуп зыхшыҭ иананамго ҭытҭык (И.П.) – «Время, пришедшее к нам, принесло много нового, однако не все осмысливают это»; Иҳамоу ахәычы ҭхзашала иаахрыхт, амала уи ззеилымкаацгъы ҭытҭык ыҭоуп – «И то, что имеется, с большим трудом достигли, однако некоторые этого не понимают».

Аналог союза ус анакәха

Между частями предложения, соединенные союзом **ус анакәха**, устанавливаются условно-разъяснительные отношения, отношения следствия. Союз **ус анакәха** занимает позицию между частями: Уи ачымазара гәгәа дыхтәкны дамоуп, **ус анакәха** уи хара инеиуа уаҭым – «Он сильно болен, **если это так**, он долго не проживет»; Уара ухәатәқәа сара ишызуа, Цьара кәтыкгъы сшаламкысуа, Ожә абар акармаҭыс, Исхәоит уашхәа мақбаҭсыс, **Ус анакәха** сышәтә ухыла, Санычырчыр, учырчырла, Санышәахәо ушәахәала, Икасҭо зегь кәцала! (Б.Шь.) – «Я буду слушаться тебя, кур я больше не трону, вот я тебе даю клятву, **если это так**, следуй за мной, когда пою, ты тоже пой, все, что делаю, и ты повторяй!»

Аналог союза иара убас «и так»

Между частями предложения, соединенные словосочетанием **иара убас** устанавливаются соединительные отношения. Информация второй части следует за информацией первой части. Занимает позицию между частями предложения: Аҭсхә данцоз хамтәс иртҭеит уапа шкәакәаки ахәа чаҭеи, **иара убас** цыгьардаа реыжәлақәа иреиуаз х-еыкәашак (В.Ам.) – «Абхазскому царю, когда он уходил, подарили белого коня и саблю, а также трех коней из породы джигардовцев»; Убыскан хәҭеи-ҭхәыси икарҭаз афатә ачыдахаз, ауаатәыҭса фара рымамызт, иара убас ауаатәыҭса макъана аеиилахәарагъы рыздыруамызт (Ахьыр.) – «Тогда кроме еды, которую приготовили супруги, люди не имели еды, а также люди еще одеваться не умели».

Сложные бессоюзные предложения

Бессоюзные сложные предложения соотносительны со сложными предложениями, но отличаются от них отсутствием союзной связи между частями предложения. Между частями предложения устанавливается смысловая взаимосвязанность. Взаимосвязанность предложений в составе бессоюзного сочетания выявляется в существующих между ними отношениях. Отношения эти условные, временные, причинно-следственные, уступительные, целевые, определительные, и другие. Объединение предложений в бессоюзные сочетания осуществляется посредством интонации.

Предложения, входящие в бессоюзное сочетание, характеризуются и единством текстообразующей функций, т.е. совместным участием в образовании некоторой части текста. Это хорошо иллюстрируется следующим отрывком поэмы Б.В. Шинкуба «Акармаҭыс шәахәафи абгахәычы цыхәабабеи»:

Сухәоит даара, сыуа мҭашьа, Исырҭа нас ашәа хәашьа, Уара ишухәо еиҭш ихааза, Ашәа хәашьа са исырҭа, Исҭагәышьар, сыбжы еицыхуа, Ирқамызуа са сҭыхәа, Аҭла сықәтәа сшәахәалап, Уара уеиҭшҭәкьа қәаф зулап (Б.Шь.) – «Прошу очень, друг мой верный, научи меня петь песни, как ты поешь сладко, научусь я петь, тогда

буду громко петь, играя своим пышным хвостом, сидя на дереве, и наслаждаться, как ты».

Интонация, как и другие единицы фонетики, не имеет семантики, поэтому не может внести какие-либо нюансы в содержание частей предложения. Она только фиксирует паузу.

Бессоюзные сложные предложения широко используются как в разговорном, так и литературном языке, в прозе и поэзии.

Уара сымыш, иубаргэызеи, Уиакара зысхэарызеи, Уара иуеиңшыны кьафла инхо, Дыкам амра ахькаңхо. Амлеи ахьтеи уара иуңеиңшым, Уара утэартта тэартта еиңшым, Айла махэта шэтыла ихиоу, Енагь укэтэоуп, ашэа хэо! Уафуп, иухэоит уасараида, Ус умазам шэахэарада, Амшра азыхэа ашэак уңан, Уаха хныкэгага утахзам (Б.Шь.) – «Друг мой любезный, ты не знаешь ни в чем нужды, к чему говорить, нет под солнцем другого человека кто как ты счастливо живет, ни голода, и холода ты не знаешь, ты сидишь на завидном месте, ты сидишь на ветке, покрытой цветами, распеваешь песни»; *Уа сыхаара салам умоуп! Сара иахьа гээкрак симоуп, Сааит иуасхэарц сеиханы, Уааи са сышка улбааны, Убла хаара сынтаңшып, Уагагэагы насшышып! – Мап, сахьыкэтэоу са иңырхагам, Ицэыргала, сара сдэгээм, Кырумазар насхэатэыс, – ахэеит хыхьтэ акармайыс (Б.Шь.)* – «Приветствую тебя, мой любезный, сегодня у меня тяжелая проблема, примчался к тебе, сообщить тебе об этом. К тому же я не в состоянии навещать тебя каждый день, спустился бы ты ко мне, поговорили бы спокойно, загляну же я в твои сладкие глаза, поглажу голову твою. – Нет, мне не мешает, где я сижу, говори, я не глухой, если есть, что сказать, – ответила сверху соловей»; – *Арахь уааир, цкьа хнамтэози, О стынха ду, изыззози, аказаара са сгээхшэеит, Ахысхысра сымч ашэеит. Сшэаңырхаңуа адэы сыкэуп, Ахьча иакэзар иабцар сыкэкуп, Ала сышьтоуп амайуар, Сеимыргэыңэуеит са сырбар. Сеифазозар акэтыңара, сцэа стэзызуеит алашьцараф, Избан акэзар ашьацхэа Сакыр алшоит сеимлагэа. Сыңстэзаара халамчылоуп. Сара сзыхэа уахынла ыынлоуп, Тэамфахэ сывам зегь акоуп, Псызхоу зегьы сагацэоуп! Уа сыңхарцэоит, уа сеиңарцэоит, Иахьысхэогьы исыхьуеит сгэы, Ажэырт сылоуп сыцэкэыкэы. Нас тэи млашы зеибадыруам, Урт тэуп, иңхоуп, сыгэхьаа рымам, Урт ирфоит акэац,*

акэтыжь, Сара сзыхэа акгы аанмыжь! (Б.Шь.) «О, друг мой, к чему скрывать, жить мне надоело, устал рыскать, живу в страхе, ружье пастуха нацелено на меня, псы преследуют меня, если увидят, разорвут. Если тянусь в курятник, дрожу в темноте, потому что капкан может меня схватить. Жизнь моя тяжела, ночь для меня день, нет мне покоя, все живые враги мои. Меня гоняют без конца, готовы бросить меня в пропасть, больно мне говорить об этом. Хожу обцарапанный по кустам. Сытый голодного не разумеет они сыты и в тепле, не обращают на меня внимания, они едят мясо, курятину, не оставляя мне ничего».

Части сложного предложения могут совпадать по времени и наклонению: *Шэан даныкам шэыңабган, Асабицэа шэныңиркьап, Шэнапы-шэыхэда дрымцасып, Уака далган шэынасып, Шэеидыхэаала шахала, Шэдэыкэигалап хэдакала, Абна кэаза шэылиган, Ақытарахь шэкылиган (Б.Шь.)* – «Без матери вы пропадете, будет вас гонять, хвататься за ваши ноги и руки, испортит ваше счастье, связав вас веревками, выгонит из леса, погонит в деревню»; *Кэарфэар ашэа тңарбыбит, Ишнеишнеуаз иаркьыкыт, Аңацэагы идыргызит, Рыкэашарагь дырласит (Б.Шь.)* – «Куарчар громко запел, далее еще больше усилил, медвежата поддержали, поплясали быстрее»; *Ахьча иааиз дыңшаргэума, Изкэа икыду хьатражэума, Иаргьа иаку абцарума, Дызвагылоу кыдбажэума (Б.Шь.)* – «Что из себя представляет явившийся сюда пастух, Сумка ли что у него на спине? Ружье ли, что у него в правой руке? Гнилое бревно ли за которым он стоит?»

Между частями предложения могут установиться следующие друг за другом значения: *Азыс иартаз амахэ ннажыт, Абнаршэырахь ахы археит, Азаракэа зегь канажыт, Ахьча изгээмтэеит, ицэынхеит (Б.Шь.)* – «Козленок оставил еду (ветку, что ему дали, направился в лес, всех козлят оставил, пастух это не заметил, козленка потерял»; *Аха иамуит, амфа рцэызит, иахьнеилакгы рымфа ңцэан, хэычы-хэычла наф ирңырңит, амрагь шкыдыз агэы ңцэан (Б.Шь.)* – «Однако не вышло, потеряли дорогу, куда не шли везде бездорожье, и солнцу надоело ждать, потихоньку удалилось»; *Адэыгба иааннажыт амшын, ашьха фадаракэа, ирфэысит акэаңаңаңа дуқэа, ирыңысит атоннелкэа, иныкэлеит*

лаңи зхымзоз адэикасара еиужь ду (И.П.) – «Поезд прошел море, гористые места, прошел тоннель, помчался по бескрайному полю».

Между частями предложения могут установиться причинно-следственные отношения: Урт уажашьта иеизрыдылашам, аамта еикашара рымч рымнахит (И.П.) – «Он уже с ними ничего общего не имеет, время отобрала у него силы»; Мыта дыршьгэышьеит, дызшыз иахьагы деилкааны дсыман, суафбоуп, аказаара айкыс акамзаара еигьышьоит (И.П.) – «Мыту убили, к сожалению, убийцу я до сих пор не знаю, на меня лежит позор, не хочется мне жить»; Мыкыч иеи уи иекэа ишырыз имхэеит, диргамар итаыхымызт (И.П.) – «Мыкыч не сказал, чо его лошадь находится среди тех лошадей, он не хотел раскрыть правду»; Темыр ихатэи еи има-мызт, Миха иеи дакэтан (И.П.) – «Темыр не имел своего коня, ездил на лошади Михи»; Амш бааңсын, анхацаа русқаа изрылагомызт (И.П.) – «Погода была плохая, крестьяне не могли заниматься своими делами»; Уафуп, иухэоит уасараида, ус умазам шаахэарада (Б.Шь.) – «Поешь всегда «уасараида», нет у тебя другого дела»; Акырынта аусхэартэфе дкылсхан, Мыкыч дзеиңшроу расхэоит хэа, аха изымгэагыкэа дхынхэуан, илтаыхымызт лаби лареи рзы ага длырхар (И.П.) – «Она ни раз ходила в сельсовет, рассказать о том, что из себя представляет Мыкыч, но не решалась, не хотела себе и отцу нажать врага».

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложение, как известно, многоплановая синтаксическая единица. Оно имеет синтаксическую, логическую, психологическую, актуальную и другие структуры.

Ниже мы изложим коротко актуальное членение предложения.

Основной функцией предложения является коммуникативная функция. Подготовить предложение к выполнению коммуникативной функций значит организовать его лексико-грамматически. Предложение организованное лексико-грамматически, когда получит коммуникативную нагрузку, называют высказыванием.

Получив коммуникативную нагрузку, предложение принимает соответствующую интонацию. Интонация фиксирует знаки препинания в конце предложения.

Синтаксическое членение предложения и актуальное (смысловое) могут совпадать или не совпадать. Они разные понятия. Актуальное членение соотносится с коммуникативной информацией, они взаимосвязаны.

Единое коммуникативное понятие – высказывание изучено чешским языковедом М. Матезиусом.

Тема и рема

Высказывание содержит старую и новую информации. Старая информация – это, что известно собеседникам. Новая информация – это то новое, что передает высказывание. Старая информация называется темой, новая – ремой. Для определения темы используются контекст, фразовое ударение, порядок слов, определенная синтаксическая конструкция, частицы. Тема короче ремы, рема шире и несет больше информации.

Соотношение предложения и высказывания

Предложение и высказывание разные понятия, их надо различать. Предложение может совпадать с высказыванием или не совпадать: *Асас знык-фынтә ибжы наиргеит, аха азэггы атак каимҕеит*. Здесь мы имеем сложное предложение из двух частей, но по информации имеем одно высказывание.

Высказывание может не иметь не все грамматические формы, необходимые для определения. Это бывает в основном в диалогической речи:

– *Ишҕа?* – *гыгшәыгк еиҕш схәаит сара*.

– *Иуаҳаз ауп исхәаз!*

– *Ааит, уара алазахша, ачархәаф!..* (Б.Шь.).

Бывает когда отдельные члены предложения выступают в качестве высказывания, это называется **порцелляцией**: *Ишҕа? Азәы димбакәа, азәы димаҳакәа, избахә ыкамкәа. Калашьас иамоузеи?!*

Соотношение членения предложения и высказывания

Членение предложения и высказывания имеют свои принципы. Члены предложения выделяются, исходя из синтаксических функций, которые они выполняют в организации предложения, и в количественно отношении они больше, чем части высказывания. Бывают случаи, когда тема и рема совпадают с подлежащим и сказуемым: *Ахәычы дыцәеит* – «Ребенок заснул», *Аҕыс шәахәоит* – «Птица поет». Однако это не значит, что принципы их выделения одинаковы. Нет таких членов предложения, которые предназначены для обозначения частей высказывания. Кроме того в соответствии с содержанием информации подлежащее предложения может выступить в функции ремы, и сказуемое – в функции темы: *Зан иацымныкәаз аеҕыс абга иафеит* (Пословица) – «Жеребенка, ушедшего от матери, волк съел». При синтаксическом членении данного предложения выделяем следующие члены: определение, выраженное инфинитной конструкцией (**зан иацымныкәаз**), личноотносительное дополнение (**аеҕыс**), подлежащее (**абга**), сказуемое (**иафеит**). При актуальном членении этого предложения (высказывания) мы имеем тему (**зан иацымныкәаз аеҕыс**), рему (**абга иафеит**).

Использование порядка слов при членении высказывания

В абхазском языке, как известно, мы имеем прямой (фиксированный) и свободный порядок слов. Свободный порядок слов можно использовать при членении высказывания. При прямом порядке слов на первом месте стоит подлежащее, на втором – личноотносительное дополнение другие распространители, на последнем месте стоит сказуемое: *Батал ашәкәы ааихәеит* – «Батал книгу купил». Если перенести на последнее место подлежащее, то оно будет обозначать рему: *Ашәкәы ааихәеит Батал* – «Книгу купил Батал» (не кто другой). И так, любой член предложения, который окажется на последнем месте, будет обозначать рему: *Батал ашәкәы ааихәеит иахьа* – «Батал купил книгу сегодня» (а не вчера).

Рему будет обозначать любой распространитель, если мы его перенесем на первое или последнее место: *Акәака дцеит Батал уаҕәы* – «В Сухум едет Батал завтра».

Фиксированную позицию мы имеем при связи определения с определяющим. Это сочетание без изменения порядка слов используется и когда оно обозначает рему: *Батал иааихәеит ашәкәы ҕыц* – «Батал купил новую книгу».

Выделение ремы фразовым ударением

Фразовым ударением мы можем выделить рему в любой позиции: *Батал ашәкәы ааихәеит* – «**Батал** книгу купил»; *Батал ашәкәы ааихәеит* – «Батал **книгу** купил»; *Батал ашәкәы ааихәеит* «Батал **книгу купил**»; *Батал иахьа Акәака дцеит* – «Батал **сегодня** поехал в Сухум».

Использование вспомогательного глагола акәзаара «быть» для выделения ремы

В абхазском языке для выделения ремы часто используется вспомогательный глагол **акәзаара** – «**быть**», «**существовать**». В этом случае вспомогательный глагол используется в сочетании со словом обозначающим рему: *Батал иоуп Акәака ица* – «Батал

есть уехавший в Сухум»; Батал **Акәака ауп** дахьца – «Батал куда поехал есть Сухум».

После выделения ремы, оставшаяся часть фразы (высказывания) представляет из себя тему. *Зан иацымныкәаз аеҕыс абга иафеит* – **абга иафеит** (волк съел) – рема, *зан иацымныкәаз аеҕыс ушедший от матери жеребенок* – тема.

ЧУЖАЯ РЕЧЬ

Речь другого лица, введенная в авторское повествование, называют чужой речью. Существуют два способа передачи чужой речи: прямая и косвенная. Речь, введенная в авторское повествование без всякого изменения в семантическом и грамматическом отношении, называется прямой речью, переданная с изменениями грамматических форм с сохранением семантики называется косвенной речью. Слова, вводящие чужую речь в авторское повествование, называются словами автора. Для введения чужой речи в авторские повествования используются глаголы **ахәара** – «сказать», **аҕытра** – «сказать», **алагара** – «начать», **ахәыцра** – «думать», **атцаара** – «спросить», **анагзара** – «докончить», **алабжьара** – «советовать», частица -хәа и другие.

Прямая речь

Чужая речь, в том числе и прямая речь, встречается преимущественно в прозаической речи, в поэзии – реже. При передаче прямой речи часто используется глагол **ахәара** – «говорить» вместе с относящимися к нему словами, в форме аориста, реже в других грамматических формах: – *Уа мшыбзиа*, – **схәеит тырқә бызшәала**, *счамадан наргылауа* (Б.Шь.) – «Добрый день, – сказал я, опустив свой чемодан на землю»; – *Салам, салам*, – **ҕааитит иара** (Б.Шь.) – «Салам, салам, – ответил он»; – *Абар Заурқан Золак инхартә!* – **ихәеит Бирам** (Б.Шь.) – «Вот жилище Зауркана Золак!» – сказал Бирам»; – *Заурқан аҕны дыҕоуп, ожәы дықәиоуп, иҕсы ишьоит, дҕагылар, уидикылоит*, – **ихәеит Бирам** (Б.Шь.) – «Зауркан дома, сейчас он отдыхает, скоро примет, – сказал Бирам»; – *Даара иҕабуп, Бирам, анцәа усзааигазшәа ауп сара ушсықәшәа, сусқәа урманшәалеит*, – **схәеит сара** (Б.Шь.) – «Большое спасибо, Бирам, словно бог свел нас, облегчил

мои дела, – сказал я»; Сара сахъиз ара акәзам, ихароуп! – ихәеит иара (Б.Шь.) – «Я родился не здесь, далеко, – сказал он»; Утәа, дад, утәа! Уи уртқәа здыруа иакәзам! – ихәеит Заурқан (Б.Шь.) – «Садись, дорогой, садись! Он этого не понимает, – сказал Заурқан»; – Анцәа ихәтәеишьаз ак хлацхап, дад, унапы аркы, – ихәан аңшәма акрыфара дналагеит (Б.Шь.) – «Закусим то, что подарил бог, начини есть, – сказал хозяин и начал есть»; О са с-Хьыкәыр, бааишь! – ихәеит, Амхара аҥнынза бааишь, – ихәеит. Бхаҭа хәычы дхынхәит, – ихәеит, Игәы бзиа, дбызхьит, – ихәеит. Сапхьа шыҭоу бааскьеишь, – ихәеит, Быпхамшьакәа бнатәеишь, – ихәеит, Ашьа исылҭуа ҥыхзуп, – ихәеит, Сара сзыхәа бкәалзуп, – ихәеит, Абар сабцъар аанкыл, – ихәеит, Са сахькаҳаз бнагыл, – ихәеит, Хәшәыс исымоу акоуп, – ихәеит, Ахақәитра агароуп, – ихәеит (Б.Шь.) – «О, моя Хьикур, подойди, – сказал он, к дому для молодоженов подойди, – сказал он. Твой молодой супруг вернулся, – сказал он, Ему не здоровится, скучает по тебе, – сказал он, Приближайся ко мне, – сказал он, Не стесняйся, присядь, – сказал он, Кровь, что льется от меня – это пот, – сказал он, Для меня ты броня, – сказал он; Вот мое ружье, бери, – сказал он, Если упаду я, встань на мое место, – сказал он; Для меня лекарство это завоевать свободу, – сказал он. – Ус ауп, дад Шәарах, ус ауп! – дналагеит аҭахмада; Сара сынтәа шәкы сырҭысит, – ҭааит аҭахмада (Б.Шь.) – «Мне в этом году исполнилось сто лет, – заговорил старик»; Дыхжәазаргы гәыбганс иуҭозеи, гәақрас иҭоу зегы зхызгахьоу, адгьыл иакәлоу ауафы, – дафуп Бирам ацәажәара (Б.Шь.) – «Может он грубоват, но нельзя винить его, ровесника земли, проживший столько тяжелых времен, – продолжает Бирам говорить»; Уара узмиләда, дад, – дҭааит аҭахмада (Б.Шь.) – «Ты кто по национальности, – спросил старик»; Ааи Кавказтәуп, Аңснытәуп сара, – наистәит саргы сҭагыланы (Б.Шь.) – «Да, я из Кавказа, из Абхазии, – добавил я»; Абыкь абжы баша имгеит, саншьа ду Шәарах, – дналагеит аңшәма (Б.Шь.) – «Не напрасно раздался звон трубы, родной мой Шарах, – начал хозяин».

Как видно из примеров, слова автора (вводящие слова) большей частью занимают постпозицию по отношению к прямой речи, реже встречаются в препозиций: Иаақыцъ-қыцъит абга ахьылаз, гәанылагы ус ахәеит: «имҭа мыждоуп са сызнылаз, афатә

сшашьҭоу са сырфоит» (Б.Шь.) – «Задрожал волк на месте и подумал: «иду я по проклятой дороге, пока я ищу еду, меня съедят»; Амшә ҭагылан: – Амла хамгеи, Уцеишь, абга, са усейҭбуп (Б.Шь.) – «Медведь встал: – Мы проголодались, волк, ты моложе меня, иди искать еду»; Акармаҭыс аацырчырит, Амҭәыжәҭақәа аацырчырит, Ац нықәнашьын уа махәтәк, Иаацәырнагеит ус аҭак: – Уара иухьзуп малакрыфа, Хрыбза-кәрыбза ацәгьа-цәыфа, Уара иуҭоуп ҥшьшьапык, Уажә иуҭаххеит ҭ-шьапык! (Б.Шь.) – «Соловей почирикал, его крылья заблестели, повела клювом по ветке, высказал так ответ: – Тебя зовут дармод, Ты ходишь на четверинках, сейчас захотел ходить на двух ногах»; Сара иахьа гәақрак сымоуп, Сааит иуасхәарц сеиханы, Уааи са сышка улбааны. – Мап, сахькәтәоу са иҭыргагам, Ицәыргала, сара сдагәам, Кырумазар нас хәатәыс, – ахәеит хыхьтә акармаҭыс (Б.Шь.) – «Сегодня у меня тяжелая проблема, примчался к тебе, сообщить тебе об этом. Спустился бы ты ко мне. – Нет, мне не мешает, где я сижу, говори, я не глухой, если есть, что сказать, – ответила сверху соловей»; Ҥырқәтәылан асултәан иахра агазәазра иафуп, – анагзара дафын Тахир иажәа (Б.Шь.) – «В Турции царство султана продолжает оставаться в критическом положении, – продолжал Тахир свою речь».

Прямая речь может относиться и к говорящему: Ҷымзҭеит абар Ҥырқәтәыла, Сириа ухәа еимдо саауеиҭҭеи, аха, Заурқан заҭәык ида, аублаак дсықәымшәац, издыруада, жаларык дырцынҭәарахзар, – схәыцуан сара (Б.Шь.) – «Уже два месяца прошло, как я хожу по Турции, Сирии и другим странам, но, кроме Зауркана я не встретил ни одного убыха, может он на самом деле последний из убыхов, – думал я».

В качестве вводящего слова используется и частица **-хәа**. Она всегда следует за прямой речью и интонационно сливается с ней. Частица **-хәа** используется преимущественно в разговорной речи и в речи прозы. С ее помощью в повествование автора вводятся в основном пословицы и поговорки. При этом она может быть использована в составе вводящих слов или самостоятельно: Азы иаанаго аңша иагоит хәа... – «Что приносит вода (река), уносит ветер»; Зарбагь ада змамыз цәагәара игон хәа... – «Кто не имел ничего, кроме своего петуха, тот забирал его па-

хатъ»; Иңхаза быста ҕайақ хнахатәаны иахфандаз ҳәа, ҳажьқәа тәаны маҷаркғыи неидаажәыландаз ҳәа ҳагәқәа хытхытуан (И.П.) – «Мечтали мы сестъ и поестъ теплую мамалыгу, собрать виноград и выпить молодое вино»; Лассы-лассы сылақш дааџашәон, мхацъырра шәсышьтуам ҳәа иахәа кьауа ихаңгылаз Баракаи-иңа Ахмат (Б.Шь.) – «Часто вспоминал Баракаи-иңа Ахмата, который, размахивая саблей, старался не пускать нас в махаджирство».

Косвенная речь

Чужая речь, введенная в авторское повествование с грамматическими изменениями, называют косвенной речью. Как отмечает академик Л.П. Чкадуа, она не характерна для абхазского языка. Косвенная речь в абхазском языке, как и в адыгских языках¹, заменяется обстоятельственными и другими инфинитными конструкциями в составе простого осложненного предложения: *Уи итәхын Сасрыкәа ажәфәан данкьаны дашьырц* (Аңс.л.) – «Тот хотел Сасрыку убить, столкнув его с небом»; *Саб избеит Тьркәтәыланза дцарц* (Б.Шь.) – «Отец мой решил поехать в Турцию»; *Амхацъырцәа ңџәџәа-ңџәџәаны атәыла иахьабалак иахьыргзарц ртәхын* (Б.Шь.) – «Они хотели махаджиров разбросать по всей стране»; *Нас иаалаган абгахәычы ацәа ахырхырц рызбеит* (Б.Шь.) – «Затем они решили снять шкуру с лисицы»; *Шаанза Ситраа рҕы санааи, арахь ушаахьаз сархәеит* (Б.Шь.) – «Рано утром, когда я пришел к Ситу, мне сказали, что ты уже был здесь».

¹ Кабардино-черкесский язык, том I. Нальчик, 2000 г., стр. 523.

Литература

- Авидзба З.Х. Модальные аффиксы в глаголе абхазского языка. (Автореф. канд. диссертации). Тбилиси, 1968.
- Александров Н.М. О предикативном отношении. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса совр. индоевр. языков». Ленинград, 1975, стр. 133.
- Александров Н.М. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 256, 1963.
- Александров Н.М. К вопросу об определении главных членов предложения. Уч. зап. Хабаровского госпединститута, т. X, 1963.
- Арстаа Ш.К. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке. Труды АБНИИ. т. XXI, 1959, стр. 212.
- Арстаа Ш.К. Составное сказуемое из деепричастных форм и вспомогательных глаголов. Труды Сухгоспединститута им. Горького, т. XII, 1960, стр. 93.
- Арстаа Ш.К. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, 1960.
- Арстаа Ш.К. Проблема простого предложения в абхазском языке. Тбилиси, 1982.
- Арстаа Ш.К., Чкадуа Л.П. Аңсуа бызшәа асинтаксис. Аҕәа–Сухум, 2010 (втор.изд.).
- Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. Изд. «Просвещение». М., 1968.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. Изд. «Прогресс». М., 1974.
- Бондарко А.В. Об актуализационных признаках предложения. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Ленинград, 1975, стр. 139.
- Бондарко А.В. Об абсолютном и относительном употреблении времен в русском языке. ВЯ, 1965, 6.
- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Вахек И. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). В кн.: «Вопросы грамматич. строя», изд. АН СССР. М., 1955.

Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в совр. русском языке. Изд. МГУ. 1958.

Галкина-Федорук Е.М. Односоставные предложения в совр. русск. языке. Журн. «Русский яз. в школе». Учпедгиз, 1959, 2.

Ганич Д. Модальные функции вводных слов. Киев, 1953.

Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955.

Гецадзе И.О. Очерки синтаксиса абхазского языка. Ленинград, 1969.

Гудава Т.Е. Ботлихский язык. В кн.: «Языки народов СССР», т. IV, 1967, стр. 302.

Дешериев Ю.Д. Чеченский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М., т. IV, 1967.

Долачева Р. И. Ингушский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М., т. IV, 1967.

Зекох У.С. Некоторые вопросы синтаксиса адыгейских падежей. Учен. записки Адыгейского НИИ яз. лит. и истории, том V. Языкознание. Краснодар–Майкоп, 1966.

Зекох У.С. Очерки по синтаксису адыгейского языка. Москва, 1987.

Золотова Г.А. О структуре простого предложения в русском языке. ВЯ, 1967, 6.

Золотова Г.А. О модальности и предикативности в русском языке. НДВШ. «Филол. науки», 1962, 4.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова Г.А. К понятию предикативности. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса совр. индоевр. языков». Ленинград, 1975, стр. 147.

Кершева З.И. Предложения с финитными глаголами в адыгских языках. Тбилиси, 1984.

Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности. ВЯ, 1961, 1.

Кончъариа В. Х. Еижәлантәу ахәоу хәтақәа ацсуа бызшәафы. «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970.

Кончъариа В.Х. Иалкаау. Ақәа, 2018.

Ломтатидзе К.В. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола (Резюме), т. II. Тбилиси, 1948.

Ломтатидзе К. В. Абхазский язык. В кн.: «Языки народов СССР». т. IV, М. 1967.

Мадиева Г.И. Аварский язык. В кн.: «Языки народов СССР». т. IV, М., 1967.

Мейланова У.А. Лезгинский язык. В кн.: «Языки народов СССР». т. IV, М., 1967.

Мухин А.М. Структура предложений и их модели. Изд. «Наука». Ленинград, 1968.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Гос. уч.-пед. изд. М, 1956.

Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка, часть 2. Изд. «Наука». М.–Л., 1965.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958.

Рogaва Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар–Майкоп, 1966.

Сепир Э. Язык. М.–Л., 1934.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

Хагба Л.Р. Обстоятельственные инфинитные конструкции в синтаксической системе абхазского и абазинского языков. Сухум, 2015.

Церцвадзе И.И. Андийский язык. В кн.: «Языки народов СССР». т. IV, М., 1967.

Циколия М.М. Порядок слов в абхазском языке (Резюме). Тбилиси, 1973.

Чикобава А.С. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1968.

Чикобава А.С. Эргативная конструкция в иберийско- кавказских языках. Тбилиси, 1948.

Чкадуа Л.П. Категория времени и главных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970.

Чкадуа Л.П. Финитные и инфинитные формы глагола в функции предикации. Сб. «Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков». Нальчик, 1977.

Цкадуа Л.П. Ажәакәа реибаркыра ацсуа бызшәа ахәоу аҭы. Аизга
 «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970.
 Цкадуа Л.П. Ацсуа бызшәа апунктуация. Қарт, 1978.
 Шьаҭрыл К.С. Еилоу ихьыцшым ахәоу. «Сборник материалов по
 абхазскому языку». Тбилиси, 1970.
 Шакрыл. К.С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухум, 1970.
 Шакрыл Т.П. Избранные труды, т. I, Сухум, 2015.

Использованные тексты

Ацс.л. – Ацсуа лакәкәа.
 Ацс.фоль. – Ацсуа фольклор, II атом, Аҭәа, 2013.
 Ахьыр. – Баграт Шьынқәба. Ахьыртәатәа, Аҭәа, 1990.
 Б.Шь. – Баграт Шьынқәба. Иҭымтәкәа реизга, III-тәи атом. Аҭәа,
 1980.
 Б.Шь. – Баграт Шьынқәба. I-тәи атом. Аҭәа, 1977.
 Б. Шь. Ацын.– Б. Шьынқәба. Ацынцәарах, Аҭәа, 1974.
 В.Ам. – Витали Амаршьан. Ирҭеиамтәкәа реизга. II-тәи атом.
 Аҭәа, 2006.
 И. К. – И. Коҭониа. Ацсуа поезиа антология. Аҭәа–Москва, 2000.
 И.К. – Иуа Коҭониа. Иҭымтәкәа реизга. Аҭәа, 2015.
 М.Л. – Мушьни Лашәриа. Ацсуа поезиа антология. Аҭәа–Мо-
 сква, 2000.
 О.Б. – Омар Бигәаа. Ацсуа поезиа антология. Аҭәа–Москва,
 2000.
 И.Ав. – Идырым автор. Ацсуа поезиа антология. Аҭәа–Москва,
 2000.
 Ч.Ць. – Чичико Цьонуа. Ацсуа поезиа антология.
 А.Л. – Алыкьса Лашәриа. Ацсуа поезиа антология.
 И.П. – И. Папаскьыр. I-тәи атом. Аҭәа, 2007.
 Ф. Искандер. Ицасхәым ачыс. Аҭәа, 1969.
 Д. Гәлиа. I-тәи ат. Аҭәа, 1950; II-тәи ат. Аҭәа, 1952.
 Н. Хашыг. Ашхәа рҭашқәа ахеилало. Аҭәа, 1967.
 Ш. Чкадуа. Ашкәакәақәеи аикәатцәақәеи. Аҭәа, 1961.

Содержание

АБХАЗСКИЙ СИНТАКСИС.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА	
АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА.....	11
СПОСОБЫ И СРЕДСТВА СВЯЗИ КОНСТИТУИРУЮЩИХ	
КОМПОНЕНТОВ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	28
Связь между субъектом и предикатом.....	47
Связь между субъектом и	
непереходным глаголом-предикатом.....	47
Категория лица в связи субъекта с предикатом.....	48
Категория класса в связи субъекта с предикатом.....	52
Категория числа в связи субъекта с предикатом.....	54
Связь между субъектом и переходным глаголом-предикатом.....	55
Связь между ближайшим объектом и предикатом.....	56
Связь между косвенным	
(лично-относительным) объектом и предикатом.....	57
Словосочетание.....	59
Словосочетание в предложении.....	63
ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ.....	66
Предикативная основа простого предложения.	
Категория модальности.....	66
Объективная модальность.....	67
Синтаксический индикатив.....	68
Синтаксические ирреальные наклонения.....	70
Побудительное наклонение.....	70
Форма повелительного наклонения.....	70
Форма конъюнктива.....	71
Синтаксическое желательное наклонение.....	73
Синтаксическое сослагательное наклонение.....	73
Субъективная модальность.....	74
Проблематическая достоверность.....	75
Категорическая достоверность.....	78
Категория времени.....	81
Категория лица.....	86
Р → Д.....	89
Интонация.....	91
СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	93

Однокомпонентная основа предложения.....	93
Двухкомпонентная структурная основа предложения.....	99
Субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения.....	99
Объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения.....	101
Трехкомпонентная структурная основа предложения.....	102
Субъектно-объектно-предикатная трехкомпонентная структурная основа предложения.....	103
Четырехкомпонентная структурная основа предложения.....	104
Формы простого предложения.....	110
Формы синтаксического лица.....	110
Конструкции предложения.....	111
СТРУКТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	113
Повествовательные предложения.....	114
Предикат повествовательного предложения в форме настоящего времени.....	115
В форме аориста.....	115
В форме прошедшего несовершенного времени.....	116
В прошедшем неопределенном.....	116
В форме давно прошедшего времени.....	117
В форме давно прошедшего упреждающего времени.....	117
В форме будущего I времени.....	117
В форме будущего II времени.....	118
В заглазной форме.....	118
Вопросительные предложения.....	119
Предикат вопросительного предложения с вопросительным суффиксом –ма.....	120
Предикат с вопросительным суффиксом –у.....	121
Предикат с вопросительным суффиксом –и.....	121
Предикат с вопросительными суффиксами -зеи/-зи, -и, -да.....	122
Предикат с вопросительным аффиксом –ба.....	123
Предикат вопросительного предложения без вопросительных суффиксов.....	124
Побудительные предложения.....	125
Желательные предложения.....	130
КОМПОНЕНТЫ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	132
Субъектный компонент.....	132
Имя существительное в синтаксической позиции подлежащего.....	133
Неопределенная форма имени в синтаксической позиции подлежащего.....	133
Местоимения в синтаксической позиции субъекта.....	134
Имя прилагательное в позиции подлежащего.....	135

Имя числительное в позиции подлежащего.....	135
Инфинитная форма глагола в позиции подлежащего.....	136
Инфинитная конструкция в синтаксической позиции подлежащего.....	136
Словосочетание в синтаксической позиции подлежащего.....	142
Сказуемое.....	142
Глаголы финитного строя в позиции сказуемого. Глаголы изъявительного наклонения финитной семантики в позиции сказуемого.....	144
Форма настоящего времени.....	144
Форма аориста.....	144
Форма прошедшего несовершенного времени.....	145
Форма прошедшего неопределенного времени.....	145
Форма давно прошедшего времени.....	146
Форма давно прошедшего упреждающего времени.....	146
Форма будущего первого времени.....	147
Форма будущего второго времени.....	147
Форма будущего категорического времени.....	147
Заглазная форма глагола в позиции сказуемого.....	148
Сослагательное наклонение глагола в позиции сказуемого.....	149
Глаголы повелительного наклонения в позиции сказуемого.....	150
Вопросительные формы глагола изъявительной семантики в позиции сказуемого.....	151
В форме настоящего времени.....	151
В форме аориста.....	151
В форме прошедшего несовершенного времени.....	152
В форме прошедшего неопределенного времени.....	152
В форме давно прошедшего времени.....	152
В форме будущего времени.....	152
Глаголы инфинитно-вопросительного образования в позиции сказуемого.....	152
Глаголы обстоятельственно-вопросительного образования в позиции сказуемого.....	153
В форме настоящего времени.....	153
В форме прошедшего несовершенного времени.....	153
В форме будущего I времени.....	153
Глаголы относительно-вопросительного образования в функции сказуемого.....	154
В форме настоящего времени.....	154
В форме аориста.....	154
В форме прошедшего несовершенного времени.....	155
В форме давно прошедшего времени.....	155
В форме давно прошедшего упреждающего времени.....	155

В форме будущего I времени.....	155
Именные основы в позиции сказуемого.....	155
Виды сказуемого по составу.....	156
Глагольное составное сказуемое.....	157
Глагольное составное сказуемое из масдара и вспомогательных глаголов.....	157
Сказуемое из масдара и вспомогательного глагола алагара «начинать».....	157
Предикат из масдара и вспомогательного глагола афызаара.....	158
Сказуемое из масдара и вспомогательного глагола афэйтара.....	158
Сказуемое из условных форм глагола и вспомогательных глаголов.....	159
Сказуемое из условной формы на -р и вспомогательных глаголов.....	159
Сказуемое из условной формы на -зар и вспомогательных глаголов.....	161
Сказуемое из условно-целевых форм глагола и вспомогательных глаголов.....	162
Сказуемое из условно-целевой формы на -рцы//рацы и вспомогательных глаголов.....	162
Сказуемое из условно-целевой формы глагола на -ртә//ратә и вспомогательных глаголов.....	163
Сказуемое из деепричастных форм и вспомогательных глаголов.....	164
Сказуемое из призрачной формы глагола и вспомогательных глаголов.....	165
Именное составное сказуемое.....	167
Сказуемое из форм имени существительного и вспомогательных глаголов.....	167
Сказуемое из имени прилагательного и вспомогательного глагола.....	169
Сказуемое из наречия и вспомогательного глагола.....	170
Объектный компонент.....	171
Общая форма имени в позиции объекта.....	172
Неопределенная форма имени в позиции объекта.....	172
Притяжательная форма имени в позиции объекта.....	172
Собственные имена в позиции объекта.....	173
Местоимения в позиции объекта.....	173
Инфинитная конструкция в позиции объекта.....	174
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	176
Распространение предложения отдельными словами.....	176
Распространяющий объект.....	176
Обстоятельственные распространители.....	196
Об однородных распространителях.....	203
Субъектный ряд.....	204
Предикатный ряд.....	205

Объектный ряд.....	207
Ряд объектного распространителя.....	208
Атрибутивный ряд.....	209
Обстоятельственные ряды.....	210
Обстоятельственный ряд с локальным значением.....	211
Обстоятельственный ряд с темпоральным значением.....	212
Обстоятельственный ряд со значением меры и степени.....	213
ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	214
Осложнение простого предложения инфинитными конструкциями.....	214
Причастные инфинитные конструкции.....	215
Инфинитные конструкции, организующим центром которых является глагол инфинитной формы, образованной обстоятельными элементами -ан-, -ахь- и -ш.....	217
Субъектная инфинитная конструкция.....	218
Объектная инфинитная конструкция.....	219
Инфинитная конструкция в функции распространяющего объекта.....	222
Атрибутивная инфинитная конструкция.....	222
Обстоятельственные инфинитные конструкции.....	224
Инфинитная конструкция образа действия.....	225
Локальная инфинитная конструкция.....	226
Темпоральная инфинитная конструкция.....	226
Причинная инфинитная конструкция.....	228
Условная инфинитная конструкция.....	229
Целевая инфинитная конструкция.....	231
Уступительная инфинитная конструкция.....	233
Сравнительная инфинитная конструкция.....	234
Деепричастные инфинитные конструкции.....	235
ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	
СВЯЗАННЫЕ С ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ.....	240
Неполнота поликомпонентной структурной основы предложения.....	240
Частичное опущение субъектного компонента.....	241
1. Контекстуально-синтаксическая обусловленность и стилистическая избыточность.....	242
2. Структурная основа с обобщенным синтаксическим субъектным лицом.....	243
3. Структурная основа с неопределенным синтаксическим субъектным лицом.....	245
4. Структурная основа предложения с побудительной модальностью.....	247
Опущение объектного компонента.....	249
1. Контекстуально-синтаксическая обусловленность и стилистическая избыточность.....	249
2. Обобщенное значение синтаксического объектного лица.....	250
Опущение предиката.....	251

ПЕРЕСТРОЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	252
Присоединение вспомогательного глагола акэзаара к консти- туирующим компонентам структурной основы предложения	
Присоединение вспомогательного глагола акэзаара к субъектному компоненту.....	253
Присоединение вспомогательного глагола к конституирующему объекту.....	255
Присоединение вспомогательного глагола акэзаара к синтаксическому предикату.....	256
Присоединение вспомогательного глагола акэзаара к распространителям структурной основы предложения.....	256
Присоединение вспомогательного глагола акэзаара к распространяющему объекту.....	257
Присоединение вспомогательного глагола акэзаара к распространяющим обстоятельствам.....	258
Выделение логического предиката ударением.....	260
СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.....	261
Сложноподчиненные предложения.....	262
Сложноподчиненные предложения причинные.....	262
Сложноподчиненные предложения причины и следствия.....	263
Сложносочиненные предложения.....	264
Союз аха «но», «однако».....	264
Союз ма//мамзаргы «или».....	267
Предложения с союзом -ггы.....	267
Предложения с союзом -нас.....	268
Союз -насггы.....	269
Союз амала «однако».....	270
Аналог союза ус анакәха.....	270
Аналог союза иара убас «и так».....	271
Сложные бессоюзные предложения.....	271
АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	275
Тема и рема.....	275
Соотношение предложения и высказывания.....	276
Соотношение членения предложения и высказывания.....	276
Использование порядка слов при членении высказывания.....	277
Выделение ремы фразовым ударением.....	277
Использование вспомогательного глагола акэзаара «быть» для выделения ремы.....	277
ЧУЖАЯ РЕЧЬ.....	279
Прямая речь.....	279
Косвенная речь.....	282
ЛИТЕРАТУРА.....	283
Использованные тексты.....	286

Ш. К. АРСТАА

АБХАЗСКИЙ СИНТАКСИС

Набор *Тания А. Д.*

Корректор *Багателия А. Л.*

Верстка *Гицба А. Ш.*

Формат 60х90 1/16. Тираж 500. Физ. печ. лист 15,5.
Заказ № 3.

 Отпечатано в РУП "Дом печати",
г. Сухум, ул. Эшба, 168.

